

Демографическое обозрение

электронный
научный журнал

Том 3, № 4, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Демографическая политика

СКРОМНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ПРОНАТАЛИСТСКОЙ ПОЛИТИКИ НА ФОНЕ ДОЛГОВРЕМЕННОЙ ЭВОЛЮЦИИ РОЖДАЕМОСТИ В РОССИИ. ЧАСТЬ 2

СЕРГЕЙ ЗАХАРОВ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА АКТИВНОГО ДОЛГОЛЕТИЯ: О ЧЕМ СВИДЕТЕЛЬСТВУЕТ МИРОВОЙ ОПЫТ

МАРИНА КОЛОСНИЦЫНА, НАТАЛЬЯ ХОРКИНА

Аналитика

МЕЖРЕГИОНАЛЬНАЯ МИГРАЦИЯ В РОССИИ: ВОЗРАСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

ЛИЛИЯ КАРАЧУРИНА, НИКИТА МКРТЧЯН

Историческая демография

МЕЖДУНАРОДНАЯ МИГРАЦИЯ В РОССИИ (СССР) В КОНЦЕ XIX – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА
Часть первая. Международная миграция до 1914 г.

ВАЛЕНТИНА МОИСЕЕНКО

ЭПИДЕМИОЛОГИЧЕСКИЙ ПЕРЕХОД В РОССИИ: ВЗГЛЯД ИСТОРИКА

ВЛАДИМИР ИСУПОВ

Источники данных

ЧИСЛО ДЕТЕЙ В СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЯХ ДАГЕСТАНА:
СОПОСТАВЛЕНИЕ ИСТОЧНИКОВ ДАННЫХ

КОНСТАНТИН КАЗЕНИН

Архивы

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ДЕМОГРАФИИ

Круглый стол «Вопросов философии» (1974)

Новое в зарубежных журналах

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ДАЙДЖЕСТ

ИЛЬЯ КАШНИЦКИЙ, СВЕТЛАНА БИРЮКОВА

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ • DEMOGRAPHIC REVIEW

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Е.М. АНДРЕЕВ
А. БЛЮМ (Франция)
А.Г. ВИШНЕВСКИЙ
М.Б. ДЕНИСЕНКО
В.В. ЕЛИЗАРОВ
С.В. ЗАХАРОВ
С.Ф. ИВАНОВ
А.Е. ИВАНОВА

М.А. КЛУПТ
Н.В. МКРТЧЯН
Л.Н. ОВЧАРОВА
А.И. ПЬЯНКОВА
С.Ю. РОЩИН
С.А. ТИМОНИН
А.И. ТРЕЙВИШ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Б. АНДЕРСОН (США)
И.И. ЕЛИСЕЕВА
Н.В. ЗУБАРЕВИЧ
Э.М. ЛИБАНОВА (Украина)
Т.М. МАКСИМОВА
Ф. МЕЛЕ (Франция)
С.Ю. НИКИТИНА
В. СТАНКУНЕНЕ (Литва)
В.М. ШКОЛЬНИКОВ (Германия)

О.Е. ГАГАУЗ (Молдавия)
Ж.А. ЗАЙОНЧКОВСКАЯ
В.А. ИОНЦЕВ
М. ЛИВИ БАЧЧИ (Италия)
Т.М. МАЛЕВА
Б.Н. МИРОНОВ
З. ПАВЛИК (Чешская Республика)
М. ТОЛЬЦ (Израиль)
С.Я. ЩЕРБОВ (Австрия)

РЕДАКЦИЯ:

Главный редактор – Анатолий Григорьевич ВИШНЕВСКИЙ
Заместитель главного редактора – Сергей Андреевич ТИМОНИН
Ответственный секретарь редакции – Анастасия Ивановна ПЬЯНКОВА
Корректор - Наталия Станиславовна ЖУЛЕВА
Компьютерная вёрстка и графика – Кирилл Владимирович РЕШЕТНИКОВ

Журнал зарегистрирован 13 октября 2016 года Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации Эл № ФС77-67362.

ISSN 2409-2274

Адрес редакции:

109028 Россия, г. Москва, Большой Трёхсвятительский пер., дом 3, офис 303
Телефон: 8-495-772-95-90*11864 / *11824
www.demreview.hse.ru
E-mail: demreview@hse.ru

Выпускается ежеквартально. Издается с 2014 года.

**Все рукописи проходят обязательное предварительное рецензирование.
Позиция Редакции не обязательно совпадает с мнением авторов.
Перепечатка материалов возможна только по согласованию с Редакцией.**

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ • DEMOGRAPHIC REVIEW

EDITORIAL BOARD:

E. ANDREEV
A. BLUM (France)
A. VISHNEVSKY
M. DENISSENKO
V. ELIZAROV
S. ZAKHAROV
S. IVANOV
A. IVANOVA

M. KLUPT
N. MKRTCHYAN
L. OVCHAROVA
A. PYANKOVA
S. ROSCHIN
S. TIMONIN
A. TREIVISCH

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL:

B. ANDERSON (USA)
I. ELISEEVA
N. ZUBAREVICH
E. LIBANOVA (Ukraine)
T. MAKSIMOVA
F. MESLÉ (France)
S. NIKITINA
V. STANKUNIENE (Lithuania)
V. SHKOLNIKOV (Germany)

O. GAGAUZ (Moldova)
Z. ZAYONCHKOVSKAYA
V. IONTSEV
M. LIVI BACCI (Italy)
T. MALEVA
B. MIRONOV
Z. PAVLIK (Czech Republic)
M. TOLTS (Israel)
S. SCHERBOV (Austria)

EDITORIAL OFFICE:

Editor-in-Chief - Anatoly G. VISHNEVSKY
Deputy Editor-in-Chief - Sergey A. TIMONIN
Managing Editor – Anastasia I. PYANKOVA
Proofreader - Natalia S. ZHULEVA
Design and Making-up - Kirill V. RESHETNIKOV

The journal is registered on October 13, 2016 in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media. Certificate of Mass Media Registration ЭЛ № ФС77-67362.

ISSN 2409-2274

Editorial address:

Bolshoy Trekhsvyatitelskiy lane 3, office 303, Moscow, 109028, Russia
Phone: 8-495-772-95-90 * 11864 / *11824
www.demreview.hse.ru
E-mail: demreview@hse.ru

Released quarterly. Published since 2014.

All manuscripts are obligatory peer-reviewed.

**Editorial office position does not necessarily coincide with the views of the authors.
Reproduction of any materials is possible only by agreement with the editorial office.**

СОДЕРЖАНИЕ
Декабрь 2016, Т.3, №4

Демографическая политика

СКРОМНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ПРОНАТАЛИСТСКОЙ ПОЛИТИКИ НА ФОНЕ ДОЛГОВРЕМЕННОЙ ЭВОЛЮЦИИ РОЖДАЕМОСТИ В РОССИИ. ЧАСТЬ 2	6-26
<i>Сергей Захаров</i>	

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА АКТИВНОГО ДОЛГОЛЕТИЯ: О ЧЕМ СВИДЕТЕЛЬСТВУЕТ МИРОВОЙ ОПЫТ	27-46
<i>Марина Колосницына, Наталья Хоркина</i>	

Аналитика

МЕЖРЕГИОНАЛЬНАЯ МИГРАЦИЯ В РОССИИ: ВОЗРАСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ	47-65
<i>Лилия Карачурина, Никита Мкртчян</i>	

Историческая демография

МЕЖДУНАРОДНАЯ МИГРАЦИЯ В РОССИИ (СССР) В КОНЦЕ XIX – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА	
Часть первая. Международная миграция до 1914 г.	66-81
<i>Валентина Моисеенко</i>	

ЭПИДЕМИОЛОГИЧЕСКИЙ ПЕРЕХОД В РОССИИ: ВЗГЛЯД ИСТОРИКА	82-92
<i>Владимир Исупов</i>	

Источники информации

ЧИСЛО ДЕТЕЙ В СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЯХ ДАГЕСТАНА: СОПОСТАВЛЕНИЕ ИСТОЧНИКОВ ДАННЫХ	93-113
<i>Константин Казенин</i>	

Архивы

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ДЕМОГРАФИИ	114-170
<i>Круглый стол «Вопросов философии» (1974)</i>	

Новое в зарубежных журналах

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ДАЙДЖЕСТ	171-191
<i>Илья Кашницкий, Светлана Бирюкова</i>	

- Parr N., J. Li, L. Tickle. A cost of living longer: projections of the effects of prospective mortality improvement on economic support ratios for 14 advanced economies
- (NCD-RisC), N. R. F. C. A century of trends in adult human height
- Pal I., J. Waldfogel. The family gap in pay: new evidence for 1967 to 2013
- Jakobsson N., A. Kotsadam. Does marriage affect men's labor market outcomes? A European perspective
- Gershoff E.T., A. Grogan-Kaylor. Spanking and child outcomes: old controversies and new meta-analyses
- (NCD-RisC), N.R.F.C. Trends in adult body-mass index in 200 countries from 1975 to 2014: a pooled analysis of 1698 population-based measurement studies with 19.2 million participants
- Fenge R., B. Scheubel. Pensions and fertility: back to the roots
- Breschi M., G. Ruiu. Superstitions, religiosity and secularization: an analysis of the periodic oscillations of weddings in Italy

CONTENTS
December 2016, 3(4)

Population policy

THE MODEST RESULTS OF THE PRONATALIST POLICY AGAINST THE BACKGROUND OF LONG-TERM EVOLUTION OF FERTILITY IN RUSSIA. PART 2 6-26

Sergei Zakharov

PUBLIC POLICIES OF ACTIVE AGEING: EVIDENCE FROM THE WORLD EXPERIENCE 27-46

Marina Kolosnitsyna, Nataliya Khorkina

Analytics

INTERREGIONAL MIGRATION IN RUSSIA: AGE CHARACTERISTICS 47-65

Liliya Karachurina, Nikita Mkrtchyan

Historical demography

INTERNATIONAL MIGRATION IN RUSSIA (THE USSR) DURING THE END OF THE 19th – THE FIRST THIRD OF THE 20th CENTURY

Part 1. International migration in Russia before 1914 66-81

Valentina Moiseenko

THE EPIDEMIOLOGICAL TRANSITION IN RUSSIA: A HISTORIAN'S VIEW 82-92

Vladimir Isupov

Sources of information

ESTIMATING NUMBER OF CHILDREN IN VILLAGES OF DAGHESTAN: A COMPARISON OF DATA SOURCES 93-113

Konstantin Kazenin

Archive

SOCIAL AND PHILOSOPHICAL PROBLEMS OF DEMOGRAPHY 114-170

Round table of the journal "Problems of Philosophy" (1974)

New in foreign journals

DEMOGRAPHIC DIGEST 171-191

Ilya Kashnitsky, Svetlana Biryukova

- Parr N., J. Li, L. Tickle. *A cost of living longer: projections of the effects of prospective mortality improvement on economic support ratios for 14 advanced economies*
- (NCD-RisC), N. R. F. C. *A century of trends in adult human height*
- Pal I., J. Waldfogel. *The family gap in pay: new evidence for 1967 to 2013*
- Jakobsson N., A. Kotsadam. *Does marriage affect men's labor market outcomes? A European perspective*
- Gershoff E.T., A. Grogan-Kaylor. *Spanking and child outcomes: old controversies and new meta-analyses*
- (NCD-RisC), N.R.F.C. *Trends in adult body-mass index in 200 countries from 1975 to 2014: a pooled analysis of 1698 population-based measurement studies with 19.2 million participants*
- Fenge R., B. Scheubel. *Pensions and fertility: back to the roots*
- Breschi M., G. Ruiu. *Superstitions, religiosity and secularization: an analysis of the periodic oscillations of weddings in Italy*

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

POPULATION
POLICY

СКРОМНЫЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ПРОНАТАЛИСТСКОЙ ПОЛИТИКИ В КОНТЕКСТЕ ДОЛГОВРЕМЕННОЙ ЭВОЛЮЦИИ РОЖДАЕМОСТИ В РОССИИ . ЧАСТЬ 2

СЕРГЕЙ ЗАХАРОВ

В российском экспертном сообществе и медийном пространстве получила распространение точка зрения о необыкновенном росте рождаемости в России, который свидетельствует о положительных результатах действия специальных мер по материальному стимулированию рождаемости, принятых государством после 2006 г.

В то же время имеют ли демографы сильные основания, чтобы поддерживать повышенный оптимизм, свойственный сегодня политикам и администраторам разного уровня? По мнению автора, некоторые положительные подвижки имеются, но значимость их совершенно недостаточна, чтобы смотреть на будущее российской рождаемости и воспроизводство населения страны с оптимизмом.

В данной статье автор продолжает свои прежние исследования в области углубленного демографического анализа российской рождаемости с привлечением новейших статистических данных за 2014 г. В статье дается общий обзор тенденций основных характеристик рождаемости за несколько десятилетий, а также развивается методологический аппарат анализа показателей рождаемости для реальных поколений с целью получения более надежных перспективных оценок.

Статья состоит из двух взаимосвязанных частей.

В первой части, представленной в предыдущем номере журнала, автор рассматривает показатели рождаемости для условных поколений (календарных лет) с учетом новейших изменений в структурных характеристиках российской модели рождаемости, произошедших за последние несколько десятилетий.

Во второй части статьи, представленной в данном номере журнала, речи идет о показателях рождаемости для реальных поколений женщин, фактическая и ожидаемая репродуктивная активность которых приходится на вторую половину XX – первые десятилетия XXI века.

Ключевые слова: *рождаемость, очередность рождения, рождаемость условных поколений, рождаемость реальных поколений, прогноз рождаемости, демографическая политика, пронаталистская семейная политика в России.*

СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ЗАХАРОВ (szakharov@hse.ru), Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия.

Статья подготовлена по результатам исследовательского проекта «Тенденции демографического развития России в 2005-2015 гг. в контексте долговременных демографических трендов», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2016 г.

Статья поступила в редакцию в апреле 2016 г.

4. РОЖДАЕМОСТЬ РЕАЛЬНЫХ ПОКОЛЕНИЙ: ЕСТЬ ЛИ ПОВОД ДЛЯ ОПТИМИЗМА?

Как уже говорилось выше, в российском обществе точка зрения о необыкновенном росте рождаемости в России чрезвычайно популярна. Она якобы свидетельствует о положительных результатах действия специальных пронаталистских мер, принятых государством после 2006 г. В то же время многие демографы не склонны поддерживать повышенный оптимизм, свойственный сегодня политикам, администраторам разного уровня и широко растиражированный СМИ. Некоторые положительные подвижки имеются, но значимость их совершенно недостаточна, чтобы смотреть на будущее российской рождаемости с оптимизмом.

Больших восторгов не вызывает главный и единственно бесспорный критерий изменения уровня рождаемости – динамика показателей итоговой рождаемости женских поколений по году рождения.

Итоговая рождаемость для поколений 1970-х и 1980-х годов рождения, по-видимому, будет ниже итоговой рождаемости у их матерей, родившихся в 1950-х и 1960-х годах, что свидетельствует о продолжении исторической тенденции снижения рождаемости, которую пока не удастся переломить (рисунок 9). С другой стороны, сближение уровней рождаемости материнских и дочерних поколений – исторический факт, свидетельствующий, в частности, о завершенности демографического перехода к рождаемости, регулируемой на индивидуальном и внутрисемейном уровне, и утверждения двухдетной семьи в качестве желанной и наиболее распространенной модели [Демографическая модернизация... 2006: 153-175]. Если принять историческую вариацию длины поколения в интервале от 25 до 30 лет¹, то россиянки, родившиеся в 1970-х – 1980-х годах и завершающие сегодня деторождение, родили в среднем на 10% меньше детей, чем их «матери» 1940-х-1950-х годов рождения. Для сравнения, их «бабушки», родившиеся в первых десятилетиях XX века, произвели на свет наполовину меньше детей, чем их «прабабушки» - женщины, родившиеся на рубеже XIX и XX веков (рисунок 10).

Рассмотрим более подробно перспективы стабилизации и возможного роста итоговых показателей рождаемости для реальных поколений женщин в России с учетом окончательных данных за 2014 г. (самых последних полных данных, доступных к моменту завершения данной статьи).

¹ Длина поколения в демографии – интервал времени между появлением поколений родителей и детей. Если пренебречь влиянием смертности женщин в интервале репродуктивных возрастов, он приблизительно равен среднему возрасту матери при рождении дочерей всех порядков рождения и находится обычно в интервале от 25 до 30 лет.

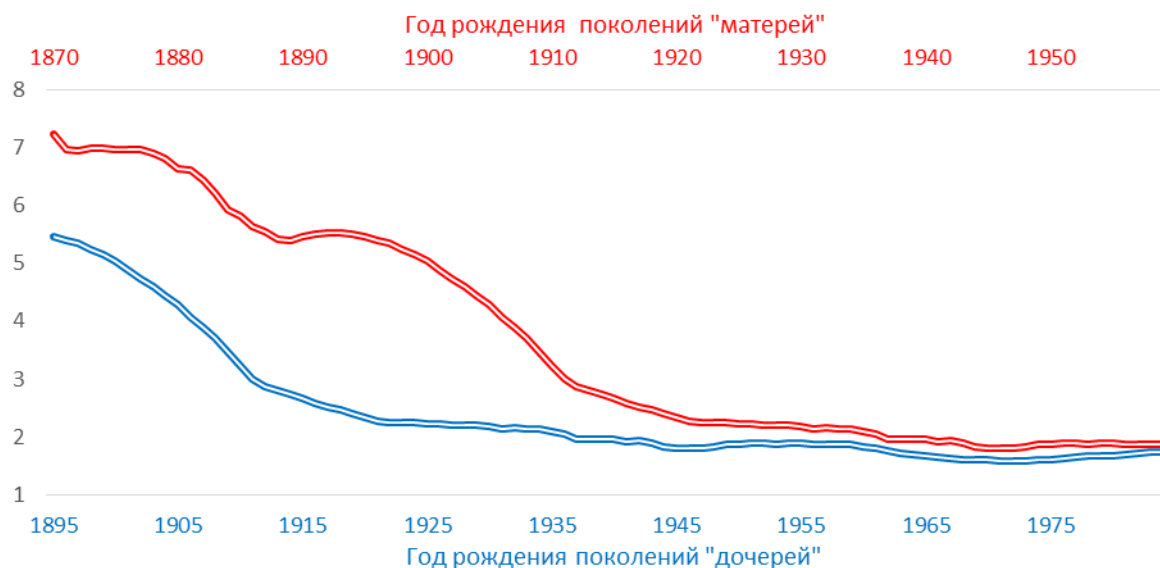

Рисунок 9. Итоговое число родившихся на одну женщину в поколениях "матерей" 1870-1960 и их «дочерей» 1895-1985 годов рождения

Источник: Оценки, полученные автором в результате реконструкции исторических динамических рядов показателей итоговой рождаемости. См.: [Демографическая модернизация... 2006: 155-157; 170-171].

Примечание: Для поколений 1965 года и моложе - ожидаемая величина при сохранении возрастных коэффициентов рождаемости 2014 г.

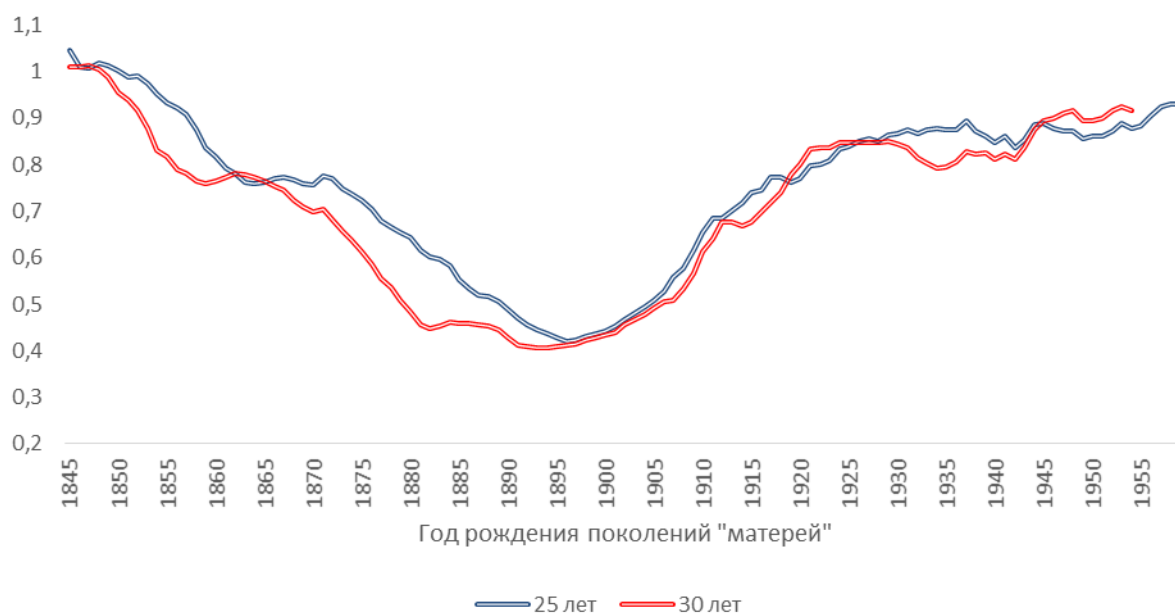

Рисунок 10. Отношение значений итоговой рождаемости поколений «дочерей» к значениям у их "матерей" при длине поколения, принятой 25 и 30 лет, Россия

Источник: Оценки, полученные автором в результате реконструкции исторических динамических рядов показателей итоговой рождаемости. См.: [Демографическая модернизация... 2006: 155-157; 170-171].

Напомним, что методология получения показателей рождаемости для реальных поколений включает преобразование данных текущего учета родившихся по очередности рождения, распределенных по однолетним возрастным группам, в распределения рождений для реальных поколений женщин по году рождения, которые затем используются в качестве основы для построения специальных вероятностных таблиц рождаемости, дифференцированных по очередности рождения. Техника построения таких таблиц аналогична таблицам для условных поколений (календарных лет), о чем шла речь выше. В результате построения таблиц для реальных поколений мы также получаем динамические ряды вероятностей увеличения семьи для каждого возраста, дифференцированные по очередности рождения, и обобщающие характеристики рождаемости (итоговая величина рождаемости для каждой очередности рождения, средний возраст матери при рождении ребенка каждой очередности, распределение женщин по числу когда-либо рожденных детей и некоторые другие). В отличие от аналогичных табличных показателей, рассчитанных для условных поколений, характеристики из таблиц для реальных поколений будут максимально свободны от влияния изменений в календаре рождений, происходящих от поколения к поколению. Имеется, однако, проблема, связанная с оценкой итоговой рождаемости и итоговых вероятностей увеличения семьи для каждой очередности рождения для когорт, которые в силу своего возраста еще не завершили репродуктивную биографию.

На рисунке 11 представлены кумулятивные коэффициенты рождаемости для средних представителей женских поколений, родившихся в 1940-1990 гг., к возрасту 20, 25, 30, 35, 40 и 50 лет (накопленная рождаемость к 50 годам может считаться итоговой рождаемостью поколения), полученные на основе когортной трансформации фактически зафиксированных возрастных коэффициентов рождаемости за период с 1959 по 2014 г.

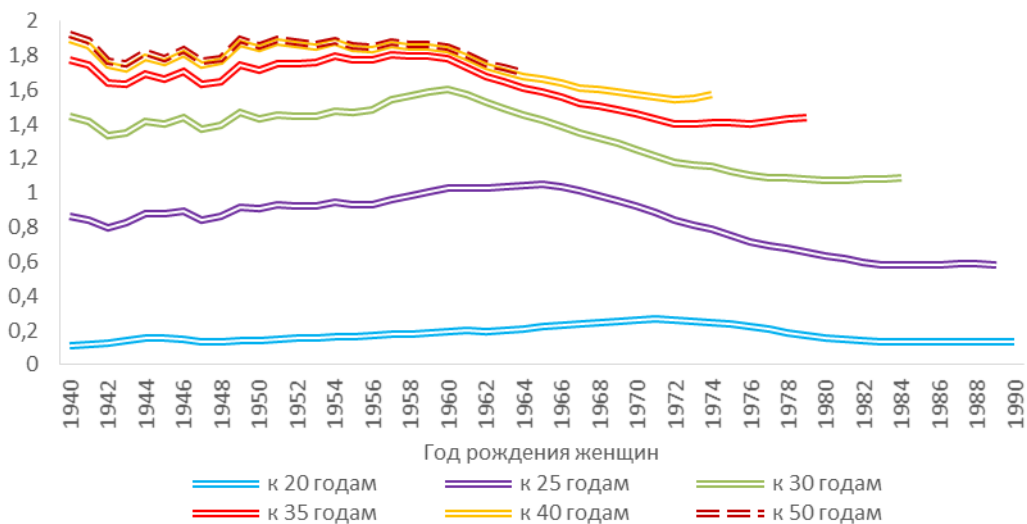

Рисунок 11. Кумулятивные коэффициенты рождаемости к указанным возрастам (последние использованные данные относятся к 2014 г.), Россия, однолетние женские поколения 1940-1990 годов рождения, число рождений на 1 женщину

Источник: Расчеты автора на основе [HFD 2016] и неопубликованных данных Росстата.

Накопленная рождаемость к возрасту 25 лет у поколений, родившихся в середине 1980-х годов, на 40% ниже, чем у поколений второй половины 1960-х годов (0,6 рождений в среднем на одну женщину против 1,0). Никаких признаков роста у самых молодых поколений в молодом возрасте мы не наблюдаем.

Поколения, родившиеся в конце 1970-х – начале 1980-х годов и достигшие к 2015 г. 30 и 35 лет, демонстрируют едва заметное оживление показателей накопленной рождаемости, свидетельствующее о некоторой стабилизации или даже о едва заметных признаках роста. В то же время накопленная рождаемость к сопоставимому возрасту у этих поколений более чем на 20-30% ниже, чем у поколений россиянок, родившихся в 1960-х годах: к 30 годам накопленная рождаемость у когорты 1979 г. 1,08 рождения в расчете на одну женщину против 1,60 у когорты 1960 г.; к возрасту 35 лет для тех же когорт – соответственно: 1,44 против 1,78.

Близкий к итоговой рождаемости поколений показатель кумулятивной рождаемости к возрасту 40 лет, непрерывно снижавшийся у женщин, родившихся в конце 1950-х - начале 1970-х годов, в последние несколько лет обнаружил едва заметные признаки роста, однако его величина, равная 1,57 для когорты 1974 г. как минимум на 0,2 рождения ниже, чем была у их матерей, родившихся в конце 1940-х – начале 1950-х годов.

Смогут ли поколения 1980-х годов своими показателями итоговой рождаемости вернуться к уровню, характерному для их матерей – поколений 1950-х – 1960-х годов (1,8-1,9 рождения на одну женщину)? Скорее всего, нет. Даже уровень 1,7 рождения на одну женщину будет для них сверхоптимистическим прогнозом (см. рисунок 12, на котором представлено отклонение кумулятивных возрастных коэффициентов рождаемости поколений 1965–1985 годов от коэффициентов для поколения 1960 года).

Ожидаемый итоговый результат поколений 1980-х годов - 1,6 рождения или чуть более, в среднем, на одну женщину при условии, что тенденции последних лет сохранят свою силу в ближайшее десятилетие. Это будет означать остановку многолетнего снижения рождаемости в России и соответственно снижения числа детей в российских семьях, но на уровне слишком низком, чтобы выйти из суженного режима замещения поколений. Надеяться на то, что каждое новое поколение детей в численном отношении будет хотя бы приблизительно соответствовать родительскому поколению, пока нет оснований. Дадут ли такие основания поколения 1990-х годов, говорить пока слишком рано – большинство из них еще не достигло возраста максимальной интенсивности деторождения.

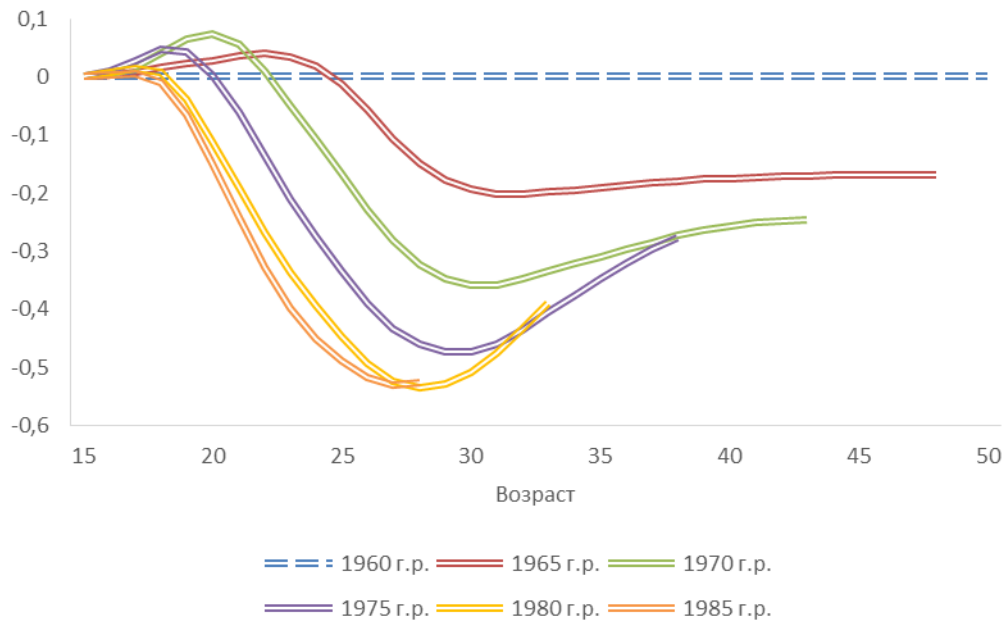

Рисунок 12. Отличия значений возрастных кумулятивных коэффициентов рождаемости для женщин 1965, 1970, 1975, 1980 и 1985 годов рождения от значений для поколения 1960 года (последние использованные данные относятся к 2014 г.). Число рождений на одну женщину

Источник: Расчеты автора на основе [HFD 2016] и неопубликованных данных Росстата.

Специальные таблицы рождаемости, построенные с учетом очередности рождения для реальных поколений, позволяют оценить накопленные значения вероятностей увеличения семьи к тому или иному возрасту (*cumulative Parity Progression Ratios by age*). Эти показатели аналогичны по своей сути тем, о которых шла речь выше применительно к таблицам рождаемости для условных поколений, т.е. они также представляют собой накопленную долю женщин, родивших очередного ребенка, среди тех, кто родил к фиксированному возрасту на одного ребенка меньше: первого ребенка среди ни разу не рожавших, второго среди родивших первого и т.д. Но если в случае условных поколений мы трактовали вероятности увеличения семьи как ожидаемые показатели при сохранении интенсивности рождаемости текущего года, то для реальных поколений, достигших того или иного возраста, вероятности увеличения семьи к данному возрасту отражают долю женщин, фактически реализовавших возможность перехода к состоянию с числом рождений на одно больше. Так, вероятность увеличения семьи для ни разу не рожавших женщин ($PPR 0 \rightarrow 1$) показывает долю женщин из некоторого поколения, фактически родивших первого ребенка к тому или иному возрасту (рисунок 13). Кумулятивный показатель к возрасту 50 лет позволяет оценить окончательную долю бездетных женщин, для чего нужно вычесть из единицы (теоретическое значение, говорящее о полном отсутствии детей) полученную по таблицам величину вероятности рождения для первого ребенка. К примеру, поколение 1960 г. завершило свою репродуктивную биографию с вероятностью рождения первого ребенка равным 0,95, что свидетельствует о 5%-ном уровне окончательной бездетности (в расчет принимаются только живорождения и не учитывается смертность детей). Для женщин 1970 года рождения, перешагнувших 40-

летний возрастной рубеж, ожидаемая величина составляет 0,92 (8% останутся окончательно бездетными). Полученная нами оценка накопленной вероятности первого рождения к 35-летнему возрасту, равная 0,83 для самого молодого поколения, достигшего этого возрастного рубежа к 2015 г. (женщин 1979 года рождения), позволяют утверждать, что в России сохраняется тренд увеличения доли ни разу не рожавших женщин. Значения показателя для 35-летних женщин слабо в меньшую сторону отличаются от значений для 50-летних женщин, что дает нам сильные основания прогнозировать долю окончательной бездетности для женщин, родившихся во второй половине 1970-х годов, на уровне 12-14%. Сходные оценки ожидаемой доли окончательной бездетности для тех же поколений были получены С.С. Бирюковой и А.О. Тындик в результате построения функции дожития методом Каплан-Майера на основе данных переписи населения 2010 г. [Biryukova, Tyndik 2015].

За время, равное периоду репродуктивной деятельности пятнадцати однолетних поколений, распространенность бездетности в России увеличилась в 2 раза. Как уже говорилось, пронаталистская государственная политика никак не сказалась на этой тенденции. Важно подчеркнуть, что при столь значительном росте пропорции женщин, не родивших за свою жизнь хотя бы одного ребенка, усилия, направленные на стимулирование повторных рождений, могут не привести к желаемому результату – росту средней величины итоговой рождаемости поколений до уровня, позволяющего обеспечить хотя бы простое замещение поколений, что и было показано выше. Увеличение вероятности рождения детей второй и третьей очередностей (рисунки 14 и 15) не настолько значительно, чтобы скомпенсировать кумулятивный эффект от существенного снижения вероятности первых рождений.

Демографическая политика после 2007 г., вероятно, сказалась в положительную сторону на вероятности вторых и третьих рождений в стране. Интересно, что политика, задуманная как политика «второго ребенка», принесла сопоставимый результат в отношении прироста вероятности появления на свет третьих детей (рисунок 15). Имеются даже некоторые признаки роста вероятности рождения четвертых и последующих детей в раннем возрасте (рисунок 16).

К 30 годам среди тех, кто родил к этому возрасту первого ребенка, второго ребенка родили 43% представительниц когорты 1984 года рождения (самой молодой когорты, достигнувшей данного возраста). По сравнению с минимальным значением, продемонстрированным когортой 1976 года рождения (36%), прирост составил 7 п.п. К 35 годам этот показатель составил 55% у самой молодой когорты, достигшей этого возраста (когорта 1979 года рождения), против исторического минимума в 49%, (когорта 1971 года рождения), т.е. прирост составил 6 п.п. Вероятность рождения третьего ребенка к возрасту 30 лет для самой молодой когорты находится на уровне 18%, что на 3 п.п. выше исторического для России минимума. К 35 годам для самых молодых поколений вероятность третьего рождения находится на уровне 24%, что означает прирост на 5 п.п. по сравнению с минимальными значениями. Последние оценки для вероятности третьих рождений свидетельствуют об их приближении к максимальным значениям, достигнутым представителями поколений 1950-х годов рождения, репродуктивная активность которых пришлась также на период активизации демографической политики в 1980-х годах. В то же

время вероятность вторых рождений сегодня еще очень далеко отстоит от значений, достигнутых в 1980-е годы поколениями 1950-1960-х годов рождения.

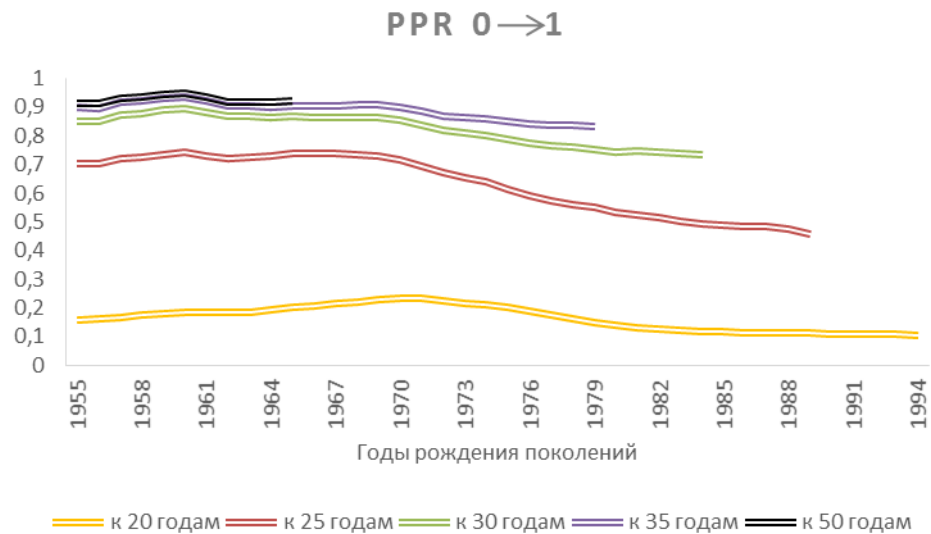

Рисунок 13. Кумулятивные значения вероятности рождения первого ребенка к указанным возрастам (последние данные, принятые в расчет, относятся к 2014 г.), Россия, женские поколения 1955-1994 годов рождения

Источник: Расчеты автора на основе [HFD 2016] и неопубликованных данных Росстата.

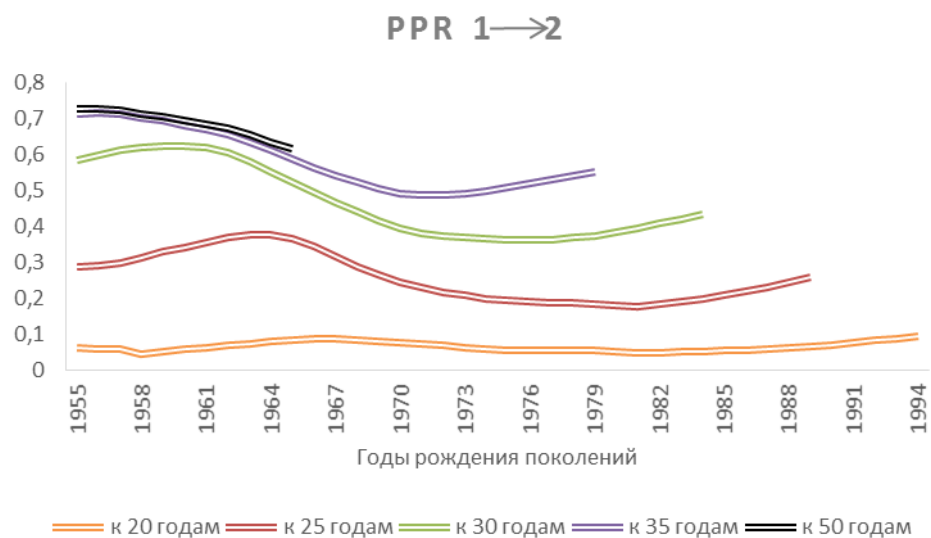

Рисунок 14. Кумулятивные значения вероятности рождения второго ребенка к указанным возрастам (последние данные, принятые в расчет, относятся к 2014 г.), Россия, женские поколения 1955-1990 годов рождения

Источник: Расчеты автора на основе [HFD 2016] и неопубликованных данных Росстата.

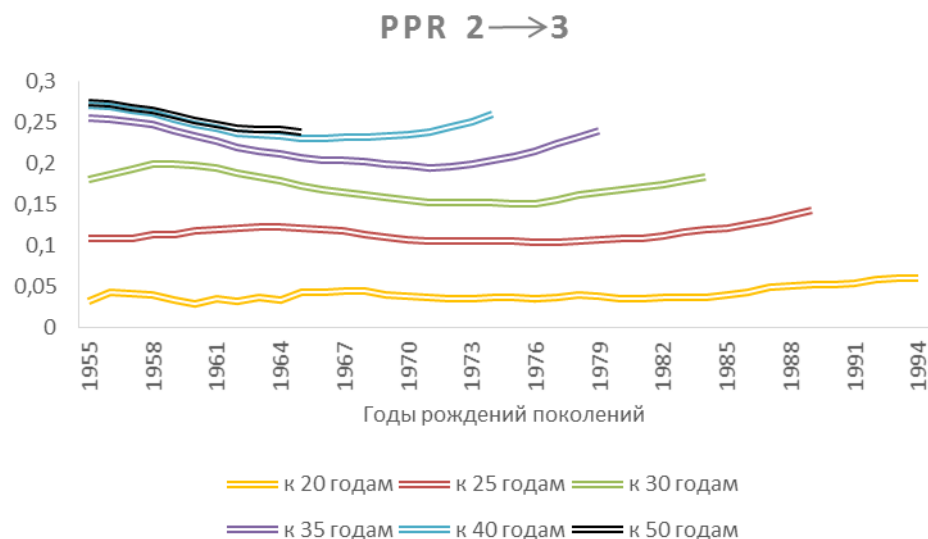

Рисунок 15. Кумулятивные значения вероятности рождения третьего ребенка к указанным возрастам (последние данные, принятые в расчет, относятся к 2012 г.), Россия, женские поколения 1955-1990 годов рождения

Источник: Расчеты автора на основе [HFD 2016] и неопубликованных данных Росстата.

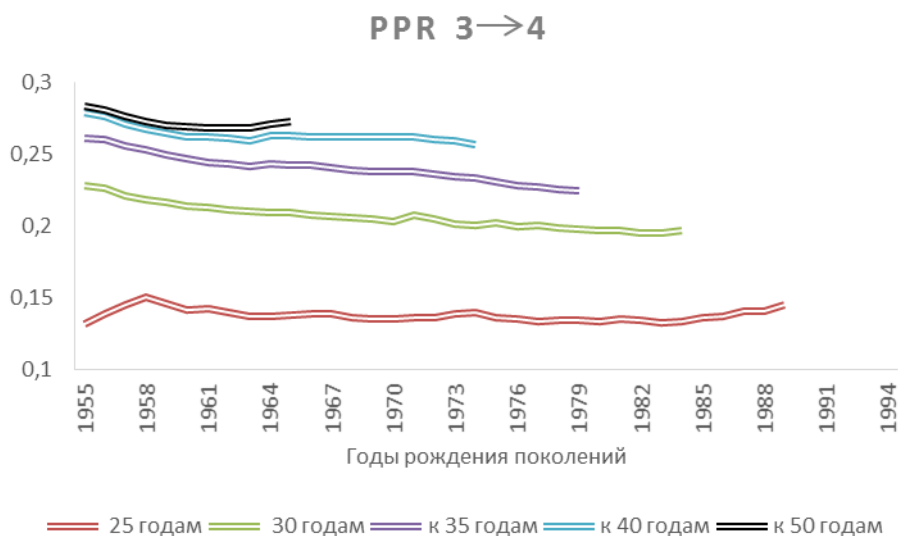

Рисунок 16. Кумулятивные значения вероятности рождения четвертого ребенка к указанным возрастам (последние данные, принятые в расчет, относятся к 2012 г.), Россия, женские поколения 1955-1990 годов рождения

Источник: Расчеты автора на основе [HFD 2016] и неопубликованных данных Росстата.

Затруднительно объяснить существенный рост вероятности третьих рождений только лишь усилением материальных стимулов, на которые обращает повышенное

внимание российская официальная пропаганда². Это феномен заслуживает более пристального внимания исследователей. Как уже указывалось мною ранее [Население России... 2014: 144-147], возможности объяснения выходят за рамки собственно демографического анализа и, видимо, связаны с социально-экономической, региональной и этнической неоднородностью российского общества. Не исключено также, что миграционная привлекательность России усиливает социокультурную неоднородность ее населения, в том числе и в отношении реализуемых репродуктивных стратегий. В то же время нельзя не обратить внимание, что складывающаяся ситуация с повторными рождениями во многом напоминает ситуацию, которую пережила Россия в 1980-х годах, когда вслед за принятием новых мер семейной политики также последовало ускоренное формирование семей за счет вторых и третьих рождений, которое, однако, не привело к значимому увеличению итоговой рождаемости поколений. Станем ли мы свидетелями повторения опыта 1980-х годов, или нас ожидает иная, более обнадеживающая ситуация, покажет будущее.

Представления об итоговой величине рождаемости для реальных поколений, еще не вышедших из репродуктивного возраста, можно получить, если каким-нибудь образом «достроить» фактически рожденные к моменту наблюдения числа детей для каждого поколения, некоторым образом полученными для них ожидаемыми числами «еще пока не рожденных детей». На международном уровне принят подход, при котором производится суммирование фактически рожденного к моменту наблюдения числа детей для каждого поколения женщин и гипотетического числа детей, которое можно ожидать, если в последующих возрастах средняя женщина из данного поколения будет иметь такую же рождаемость, какую продемонстрировали в год наблюдения женщины, достигшие этих возрастов. При таком подходе для поколения женщин, которым в год наблюдения исполнилось 15 лет, оценка итоговой рождаемости полностью базируется на «ожидаемой» компоненте и численно совпадает с обычным коэффициентом суммарной рождаемости для условных поколений, т.е. это - совершенно условная величина. Чем старше поколение, тем вклад «ожидаемой» компоненты меньше, и в оценке итоговой величины рождаемости все более значимую роль играет уже реализованная, фактическая рождаемость.

Если производить регулярные оценки, учитывающие меняющиеся год от года возрастные коэффициенты рождаемости, то можно получить динамическую картину последовательных изменений в оценках и «фактической», и «ожидаемой» компонент итоговой рождаемости для одного и того же поколения, а следовательно, и их суммарного

² К примеру, приходится часто слышать о положительной роли специального ежемесячного пособия в размере прожиточного минимума, выплачиваемого при рождении третьего и последующих детей до достижения ими 3-х летнего возраста в более чем 50 регионах РФ из ежегодно утверждаемого правительством списка регионов, в которых была зафиксирована величина коэффициента суммарной рождаемости ниже среднероссийского уровня или с естественной или миграционной убылью населения (эта мера была введена на основании Указа Президента РФ от 7 мая 2012 г. №606 «О мерах по реализации демографической политики Российской Федерации» и регулируется Правилами, утвержденными Постановлением правительства №1112 от 31 октября 2012 г. с последующими изменениями). Размер пособия вполне весом: в 2014 г. он варьировался от 4,8 тыс. руб. в Тамбовской области до 13,7 тыс. в Камчатском крае. Вполне вероятно, что какое-то влияние на расширение многодетности в России сейчас такая мера оказывает. Однако с ней никак нельзя связать тренд повышения вероятности третьего рождения, начавшийся задолго до 2013 г., когда эта мера политики была введена.

значения. В последние десятилетия в развитых странах и России происходит увеличение рождаемости у женщин старше 25 и даже старше 35 лет, и до тех пор, пока наблюдается это увеличение, ожидаемые оценки итоговой рождаемости будут пересматриваться в сторону повышения не только для самых молодых поколений, но и для представительниц старших когорт с растущим вкладом поздней рождаемости.

В докладах ИДЕМ НИУ ВШЭ «Население России» на протяжении уже многих лет представлялись рассчитанные мной ежегодные оценки ожидаемой итоговой рождаемости российских поколений, основанных на подходе, принятом на международном уровне и учитывающем данные о когортной рождаемости за самый последний год, обеспеченный соответствующими данными³.

Посмотрим, какие можно было бы сделать оценки итоговой рождаемости для послевоенных поколений, опираясь на ретроспективные данные, ограниченные 1999 г. (год исторически минимальной величины коэффициента суммарной рождаемости), и сравним их с оценками, полученными для тех же поколений на основе последних имеющихся данных за 2014 г. (таблица 10). Кроме того, чтобы оценить особо значимый вклад роста рождаемости после 2006 г. (т.е. после того, как были введены в действие новые меры демографической политики), в таблице воспроизведены оценки ожидаемой итоговой рождаемости, выполненные мною ранее с опорой на данные за 2006 г.

Таблица 10. Фактическая и перспективная рождаемость реальных поколений в России, женщины 1955-1989 годов рождения

Годы рождения женщин	Итоговое число рождений		Оценка на основе данных 2014 г.			Разница между оценками 1999 и 2013 г.	Разница между оценками 2006 и 2013 г.
	оценка на основе данных 1999 г.	оценка на основе данных 2006 г.	фактически рождено к 2015 г., детей на одну женщину	ожидается рождений дополнительно к уже рожденным	итоговое число рождений		
1955-1959	1,88	1,88	1,88	0,00	1,88	0,00	0,00
1960-1964	1,75	1,76	1,76	0,00	1,76	0,01	0,00
1965-1969	1,58	1,63	1,64	0,00	1,64	0,06	0,01
1970-1974	1,40	1,52	1,58	0,02	1,60	0,20	0,08
1975-1979	1,23	1,43	1,52	0,12	1,64	0,41	0,21
1980-1984	1,16	1,33	1,30	0,42	1,72	0,56	0,39
1985-1989	-	-	0,86	0,90	1,76	-	-

Источник: Расчеты автора, основанные на неопубликованных данных Росстата: переписей населения 1979, 1989 г. (распределений женщин по числу рожденных детей для однолетних возрастных групп) - и возрастных коэффициентах рождаемости для однолетних возрастных групп в 1979-2014 гг.

Очевидно, что итоговая рождаемость для женских когорт второй половины 1950-х годов рождения (1,88 ребенка на одну женщину) не менялась – эти поколения уже в первой половине 2000-х годов были близки к завершению репродуктивной карьеры, а в 2010 г. из него уже вышли. Показатели для поколений, родившихся в первой половине 1960-х годов, изменились по сравнению с оценкой 1999 г. в сторону увеличения едва заметно - 1,76

³ Впервые такие оценки были нами опубликованы в 2004 г. [Население России... 2004: 55].

против 1,75, а изменения, произошедшие после 2006 г., выходят за пределы принятой нами значимости индикатора (два знака после запятой). Рост рождаемости, отмеченный в последнее десятилетие, не прошел бесследно для поколений женщин, рожденных во второй половине 1960-х годов: их итоговая рождаемость перешагнула отметку 1,6 ребенка (1,64 против 1,58 в 1999 г.). Правда, прирост рождений в 2007-2014 гг. для них едва значим – 0,01 в расчете на одну женщину.

Более значимо изменились ожидаемые показатели рождаемости для когорт, родившихся в 1970-х годах: по сравнению с оценками, исходившими из фактической накопленной и ожидаемой рождаемости к 2000 г., более поздние оценки дают прирост 0,2-0,4 ребенка в расчете на одну женщину. За один только 2007 г. эти поколения «добрали» к величине итоговой рождаемости 0,03-0,07 ребенка, а в сумме за 2007-2014 гг. – 0,1-0,2. Легко подсчитать, что если тенденция к увеличению рождаемости в возрастах старше 30 лет сохранится, то поколения женщин, родившиеся в 1970-х годах, будут иметь в итоге, в среднем, 1,62 рождения. К сожалению, эти поколения уже не имеют шансов перешагнуть за указанный порог, поскольку их представительницы неумолимо приближаются к 40-летнему юбилею или уже его отпраздновали. Итоговая рождаемость поколений 1970-х годов, без сомнений, будет ниже, чем у предшествующих поколений.

Поколения, родившиеся в 1980-х годах, возможно, завершат свою репродуктивную биографию с несколько большей рождаемостью, чем поколения 1970-х. С учетом наблюдаемых сегодня тенденций у них имеются шансы достигнуть в среднем 1,75 рождений на одну женщину. Если такая величина будет достигнута, то это будет означать, что долговременное снижение итоговой рождаемости в России остановится, и можно будет даже надеяться на ее рост. С такими характеристиками Россия будет не сильно отличаться от прогнозируемых в среднем для Европы показателей рождаемости для условных и реальных поколений.

Итак, при фиксированных возрастных коэффициентах рождаемости на уровне 2014 г. для поколений, достигших 25 лет и старше к 2015 г., перспектива, как минимум, стабилизации итоговой рождаемости реальных поколений в России на уровне 1,7-1,8 выглядит вполне обоснованной.

С целью проконтролировать полученный результат мы прибегли к альтернативному методу перспективной оценки итоговой рождаемости для женских поколений, которые перешагнули за 25-летний возраст. С учетом сегодняшней российской возрастной модели рождаемости все женщины старше 25 лет достигли или уже преодолели пиковое значение интенсивности деторождения.

Предлагаемый ниже метод основан на экстраполяции возрастных значений вероятностей рождения очередного ребенка для реальных поколений, базирующейся на моделировании темпов снижения возрастных значений вероятностей родить ребенка для условных поколений (для календарных периодов) отдельно для каждой очередности рождения за пределами возраста, в котором были достигнуты пиковые значения. Значения вероятностей родить очередного ребенка взяты из специальных таблиц рождаемости для условных поколений, рассмотренных выше. Следует отметить, что в условных поколениях кривая, описывающая темпы изменений вероятностей рождения ребенка каждой

очередности для женщин после 25 лет, демонстрирует достаточно высокую устойчивость во времени (рисунок 17).

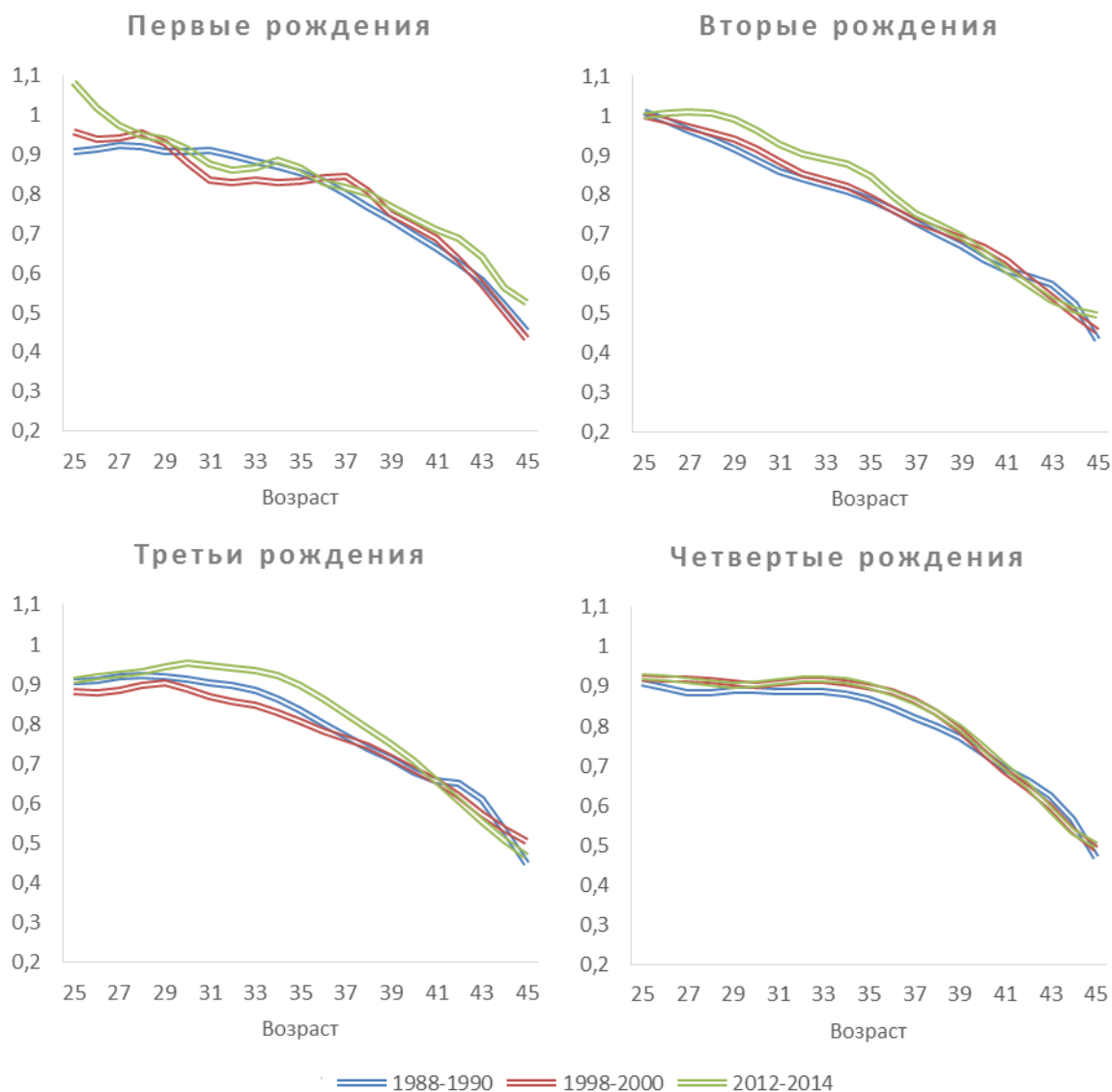

Рисунок 17. Темпы снижения вероятностей родить первого, второго, третьего и четвертого ребенка на возрастном интервале 25-45 лет, Россия, среднегодовые значения для периодов 1988-1990, 1998-2000, 2012-2014 гг.

Источник: Расчеты автора на основе неопубликованных данных Росстата.

Устойчивость возрастной кривой снижения вероятностей очередного рождения весьма наглядно демонстрируется при сравнении усредненных значений для трехлетних периодов с различным уровнем и возрастным профилем рождаемости (рисунок 17): 1988-1990 гг. (последние годы советского времени с относительно высоким уровнем и «молодым» профилем рождаемости), 1998-2000 гг. (период с историческим минимумом уровня рождаемости в самом начале трансформации ее возрастного профиля), 2012-2014 гг. (последние данные с повышенной интенсивностью рождений и возрастным профилем в стадии активного старения). Можно предположить, что и в ближайшем десятилетии

функция относительных изменений с возрастом вероятностей рождения очередного ребенка принципиальным образом не изменится.

Было произведено сглаживание представленных выше кривых для периода 2012-2014 гг. раздельно для каждой очередности сплайнами четвертого-пятого порядков (стандартные функции сглаживания, предлагаемые программой MS Excel), которые практически идеально аппроксимируют среднегодовые кривые для данного трехлетия (R^2 для первых рождений - 0,95, для вторых и последующих – 0,99). После получения модельной кривой изменения возрастных функций вероятностей очередного рождения они были использованы для экстраполяции значений для реальных поколений на отрезке возрастного интервала деторождения от возраста, достигнутого в 2014 г. (25 лет и старше), и до 50 лет. Фактические значения вероятностей, дополненные экстраполированными значениями, были использованы для построения полных специальных таблиц рождаемости по очередности рождения для реальных поколений. Преимущество описанного подхода как раз и состоит в том, что мы получаем возможность построить полные специальные таблицы рождаемости, а следовательно, получить перспективные оценки таких важных характеристик, как итоговые вероятности увеличения семьи для каждой очередности рождения, средний возраст матери при рождении очередного ребенка, интервалы между рождениями детей и др.

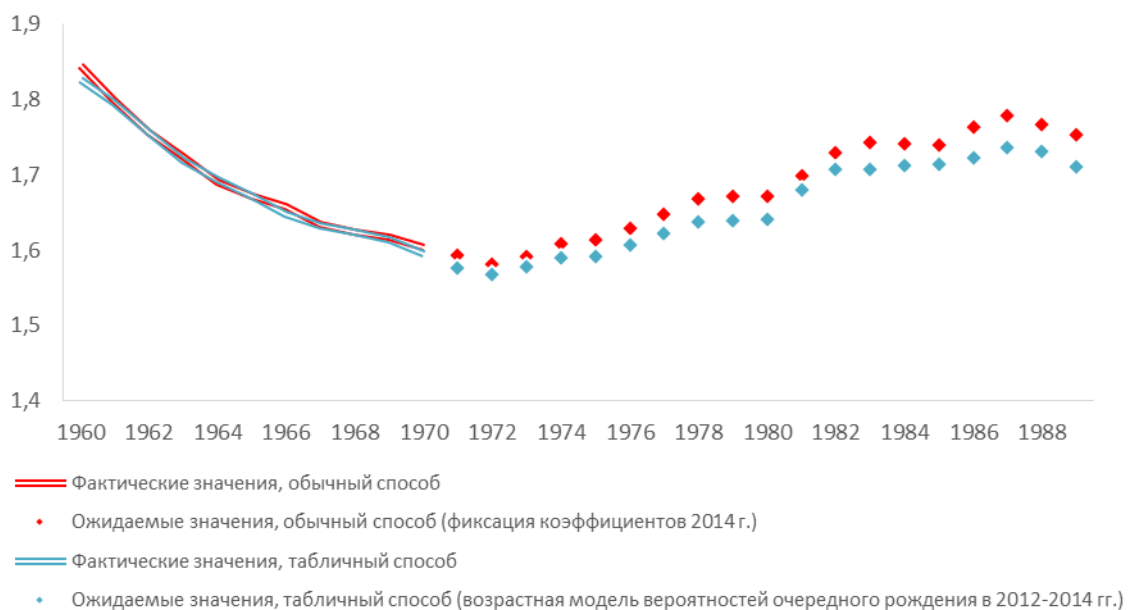

Рисунок 18. Фактические и ожидаемые изменения итоговой величины рождаемости женских поколений 1960-1989 годов рождения, полученные различными способами, Россия, на 1000 женщин

Источник: Расчеты автора.

Перспектива изменения итоговой величины рождаемости для женских поколений 1968-1988 годов рождения представлена на рисунке 18, где отражены оценки, полученные с помощью моделирования возрастной кривой вероятностей рождения очередного ребенка, в сравнении с оценками, полученными более традиционным способом (замораживание возрастных коэффициентов рождаемости на уровне, зафиксированном в 2014 г.).

Оба способа получения перспективных оценок итоговой рождаемости основаны на частичном использовании характеристик рождаемости для условных поколений и дают приблизительно одни и те же результаты, но второй, более изощренный способ дает чуть более консервативные оценки.

Подводя итоги результатов оценивания перспективного изменения рождаемости реальных поколений, приходим к выводу, что, вероятнее всего, Россия прошла точку исторического минимума уровня рождаемости – менее 1,6 рождений в расчете на одну женщину, достигнутого когортами 1970-х годов рождения. С учетом уровня и структуры рождаемости по очередности рождения, наблюдаемых в самые последние годы, итоговая рождаемость поколений, рожденных в конце 1970-х, будет не намного, но выше, чем у их непосредственных предшественников. Вероятнее всего, медленный рост будет продолжен в поколениях 1980-х годов рождения с тенденцией к стабилизации на уровне 1,7-1,75 рождений на одну женщину.

ПЕРСПЕКТИВЫ ВОСПРОИЗВОДСТВА НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ (ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ)

Положительная тенденция последнего десятилетия вселяет определенный оптимизм, но не стоит слишком сильно обольщаться относительными успехами, достигнутыми за полтора десятилетия и в особенности за последние 7 лет. Не исключено, что за кратковременным всплеском репродуктивной активности может последовать компенсаторный спад, вызванный исчерпанием потенциала для дальнейшего роста рождаемости в поколениях, которые под воздействием благоприятной конъюнктуры произвели на свет желанных детей раньше или с укороченными интервалами, чем прежде планировали. В этом случае наши достаточно консервативные оценки перспективного изменения рождаемости, основанные на знаниях сегодняшней текущей ситуации, могут показаться верхом оптимизма.

При анализе рождаемости большое значение имеет оценка ее уровня с точки зрения того, насколько он обеспечивает замещение поколений и влияет на режим воспроизводства населения в целом. Последнее зависит не только от рождаемости, но и от смертности, поэтому необходим показатель, учитывающий оба эти процесса. В качестве такого интегрального показателя обычно используется нетто-коэффициент (чистый коэффициент) воспроизводства населения – число девочек, рожденных в среднем одной женщиной и доживающих до среднего возраста, в котором их родила мать. В этом показателе отражается не общий уровень смертности, а лишь смертность женщин в возрастах от рождения до окончания репродуктивного периода (в качестве верхней возрастной границы репродукции для женщин обычно принимают возраст 50 или 55 лет). В современных условиях ведущим фактором замещения поколений выступает рождаемость, поскольку смертность женщин в детских и молодых возрастах в России уже давно достаточно низка, и ее дальнейшее снижение не способно существенным образом сказываться на интегральных показателях воспроизводства. Об этом и свидетельствуют данные таблицы 11, где представлены основные компоненты расчета нетто-коэффициента воспроизводства населения в России.

Таблица 11. Компоненты нетто-коэффициента воспроизводства женского поколения, Россия, 1958 – 2014

Годы	Среднее число детей на одну женщину	В том числе девочек (брутто-коэффициент воспроизводства)	Средний возраст матери, лет	Вероятность для девочки дожить до среднего возраста матери	Нетто-коэффициент воспроизводства	Истинный коэффициент естественного прироста населения, на 1000*
1958-1959	2,62	1,28	27,8	0,93	1,19	+6,0
1964-1965	2,14	1,05	27,6	0,93	0,97	-1,1
1968-1969	1,97	1,00	27,2	0,96	0,96	-1,5
1974-1975	1,99	0,97	26,4	0,96	0,93	-2,7
1978-1979	1,90	0,92	25,9	0,96	0,88	-4,9
1984-1985	2,06	1,00	25,8	0,97	0,96	-1,4
1988-1989	2,07	1,01	25,7	0,97	0,98	-0,8
1994-1995	1,37	0,66	24,7	0,97	0,64	-17,8
1998-1999	1,20	0,58	25,5	0,97	0,56	-22,4
2004-2005	1,31	0,64	26,6	0,97	0,62	-18,6
2008-2009	1,52	0,74	27,3	0,98	0,72	-12,1
2000	1,19	0,58	25,8	0,97	0,56	-22,2
2001	1,22	0,59	25,9	0,97	0,58	-21,1
2002	1,29	0,62	26,1	0,97	0,61	-19,1
2003	1,32	0,64	26,3	0,97	0,62	-18,1
2004	1,34	0,65	26,4	0,97	0,63	-17,3
2005	1,29	0,63	26,5	0,97	0,61	-18,6
2006	1,30	0,63	26,6	0,97	0,62	-18,2
2007	1,42	0,69	27,0	0,98	0,67	-14,9
2008	1,50	0,73	27,2	0,98	0,71	-12,5
2009	1,54	0,75	27,4	0,98	0,73	-11,4
2010	1,57	0,76	27,7	0,98	0,74	-10,7
2011	1,58	0,77	27,7	0,98	0,75	-10,3
2012	1,69	0,82	27,9	0,98	0,80	-7,9
2013	1,71	0,83	28,0	0,98	0,81	-7,4
2014	1,75	0,85	28,1	0,98	0,83	-6,4

Источник: Опубликованные и неопубликованные данные Росстата, а также расчеты автора на основе общих таблиц рождаемости, построенных с учетом смертности для однолетних возрастных групп женщин.

Примечания:

* – Истинный (собственный) коэффициент естественного прироста рассчитан по формуле:

$$r = \frac{\ln R_0}{T},$$

где R_0 – нетто-коэффициент воспроизводства; T – длина поколения или среднее число лет в интервале между рождением условного поколения матерей и их дочерей.

Длина поколения обычно статистически оценивается как средний возраст матери при рождении девочки, дожившей до возраста своей матери. При текущих возрастных функциях рождаемости и смертности оценка длины поколения лишь незначительно отличается от среднего возраста матери при рождении ребенка без учета смертности, представленного в таблице. Так, в 2014 г. в России, по нашей оценке, длина поколения составляла 28,09 года, а средний возраст матери без учета смертности – 28,12 года.

Подробную ежегодную динамику показателей с 1987 по 2000 год см: [Население России...2006: 271-272].

Россия была одной из первых крупных стран, в которых после Второй мировой войны рождаемость опустилась ниже уровня простого замещения поколений. Это

произошло в далеком 1964 г., и тогда нетто-коэффициент воспроизводства ниже единицы наблюдался только в Венгрии, Латвии, Эстонии, Румынии и Японии. В 1968 г. нетто-коэффициент воспроизводства был ниже, чем в России, только в двух республиках СССР – Украине и Латвии, а также в Чехии.

Однако вскоре положение в мире изменилось. Процесс снижения рождаемости охватил все промышленно развитые страны, и в 1980-е годы ее уровень практически повсеместно опустился ниже уровня простого замещения поколений.

В 2011-2014 гг. не было ни одной развитой страны, в которой значение этого показателя находилось бы на уровне простого воспроизводства населения⁴. Максимально близко приближаются к границе простого воспроизводства Ирландия, Исландия, Новая Зеландия, Франция – нетто-коэффициент в пределах 0,95-0,99. В то же время в странах Южной, Восточной и Центральной Европы, в Восточной Азии так же, как и в России, режим воспроизводства далек от границы простого замещения поколений.

Наблюдаемая в 2014 г. в России величина нетто-коэффициента воспроизводства (0,83) указывает на то, что, с учетом смертности, текущий уровень рождаемости обеспечивает замещение поколений нынешних матерей лишь на 83%. Поэтому если на протяжении двух-трех десятилетий текущие (т.е. наблюдаемые сегодня) режимы рождаемости и смертности не будут меняться, то можно ожидать, что каждое последующее дочернее поколение будет меньше предыдущего на 17%. В таком стабильном (т.е. имеющем неизменный режим воспроизводства) населении ежегодный коэффициент естественного прироста (так называемый «истинный» или «собственный» коэффициент естественного прироста, очищенный от влияния возрастной структуры) станет отрицательным на уровне $-6,4$ на 1000 населения. В этом случае численность населения страны, закрытой для миграции, будет сокращаться ежегодно на 0,64% (таблица 11).

В 2014 г. фактический коэффициент естественного прироста для всего населения России составил 0,2 промилле, т.е. едва отличался от нуля в положительную сторону (в городской местности – 0,4, в сельской – 0,0 на 1000 населения). Причина расхождения между «истинным» и фактическим коэффициентами объясняется тем, что фактическая возрастная структура населения России сильно отличается от структуры модельного стабильного населения, соответствующего сегодняшним уровням рождаемости и смертности. Сегодня возрастной состав населения России благоприятствует тому, чтобы население не слишком быстро сокращалось. Но если наблюдаемый режим замещения поколений будет сохраняться продолжительное время, то фактический коэффициент естественного прироста станет приближаться к истинному, что будет означать усиливающуюся естественную убыль и городского, и, тем более, сельского населения. Существенное увеличение рождаемости условного поколения в 2007-2014 гг. и суммарно за весь период с 1999 г. (после достижения ее исторического минимума) не могло не

⁴ Мы оставляем в стороне специфический случай Израиля, который по уровню своего экономического развития безусловно является развитой страной. В то же время в силу специфических исторических и социокультурных условий в этой стране уже не одно десятилетие сохраняется достаточной высокой КСР - 3 и более рождений на одну женщину, что гарантирует поддержание величины нетто-коэффициента существенно превышающей уровень простого воспроизводства - 1,4 и выше.

сказаться положительно на интегральных показателях режима воспроизводства населения, которые тоже относятся к условному поколению. В то же время путь, который должен быть пройден Россией, чтобы выйти из зоны суженного режима демографического воспроизводства, еще долог.

Хотя российские показатели смертности в целом далеки от идеала, которым для России служат другие развитые страны, в детском и в материнском возрастах разрыв невелик, а потому невелики и имеющиеся резервы с точки зрения показателей воспроизводства населения. Если в России 98% девочек доживает до среднего возраста матери, то лучшие показатели в мире – 99%. Даже если предположить, что ни одна девочка, родившаяся в 2014 г., не умрет и сможет (и захочет) стать матерью, то при нынешнем уровне рождаемости это смогло бы всего лишь увеличить нетто-коэффициент воспроизводства до уровня брутто-коэффициента (т.е. с наблюдаемого 0,83 до 0,85). Принципиальным образом улучшить ситуацию с воспроизводством населения может только повышение рождаемости у ныне живущих поколений и отчасти иммиграция, если в среде мигрантов рождаемость будет выше, чем у проживающих сегодня на территории России.

Впрочем, воздействие миграции на число рождений не ограничивается более высокой интенсивностью деторождения в семьях мигрантов⁵. Мигрируют в большинстве своем молодые люди, что благотворно сказывается на возрастной структуре населения, а это в свою очередь увеличивает число браков и рождений и, соответственно, тормозит переход к устойчивому отрицательному естественному приросту в развитых странах. В то же время возможность перехода к устойчивому отрицательному балансу рождений и смертей не только в России, но и в подавляющем большинстве развитых стран следует рассматривать как весьма вероятную угрозу, о чем предупреждают величина нетто-коэффициента воспроизводства меньше единицы и величина истинного коэффициента естественного прироста населения ниже нуля, сохраняющиеся в этих странах с середины 1970-х годов.

ЛИТЕРАТУРА

- Бирюкова С.С. (2012). Возможности оценки вклада мигрантов в рождаемость и смертность на основе данных текущей статистики населения в России // SPERO. Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. 6: 79-94.
- Демографическая модернизация России, 1900-2000 (2006) / Под ред. А.Г. Вишневого. М.: Новое издательство. 608 с.
- Захаров С.В., С.В. Сурков (2009). Миграционный опыт и рождаемость в послевоенных поколениях россиян // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. Сб. аналитических статей. Вып.2 / Научн. ред. С.В. Захаров, Т.М. Малева, О.В. Синявская. М.: НИСП: 45-118.

⁵ Различия в уровне рождаемости у мигрантов и немигрантов в России нами рассматривались ранее: [Захаров, Сурков 2009; Население России... 2010: 111-132]. См. также: [Бирюкова 2012].

- Население России 2002 (2004). Десятый ежегодный демографический доклад / Отв. ред. А.Г. Вишневский. М.: Издательство КДУ. 224 с.
- Население России 2003-2004 (2006). Одиннадцатый-двенадцатый ежегодный демографический доклад / Отв. ред. А.Г. Вишневский. М.: Наука. 356 с.
- Население России 2008 (2010). Шестнадцатый ежегодный демографический доклад / Отв. ред. А.Г. Вишневский. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 352 с.
- Население России 2012 (2014). Двадцатый ежегодный демографический доклад / Отв. ред. А.Г. Вишневский. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 412 с.
- Biryukova S.S., A.O. Tyndik (2015). Prevalence and determinants of childlessness in Russia and Moscow // *Genus*. 71(1): 1-22
- HFD (2016). The Human Fertility Database. Max Planck Institute for Demographic Research (Germany) and Vienna Institute of Demography (Austria). URL: www.humanfertility.org (данные загружены 02.01.2016).

MODEST DEMOGRAPHIC RESULTS OF THE PRONATALIST FAMILY POLICY IN THE CONTEXT OF LONG-TERM EVOLUTION OF FERTILITY IN RUSSIA. Part 2

SERGEI ZAKHAROV

The point of view of the extraordinary growth of fertility in Russia is widespread in the Russian expert community and media space. This increase is believed to be indicative of the positive results of the special financial measures taken by the State after 2006 in order to stimulate the birth rate.

Do demographers have strong bases to support the increased optimism that demonstrated today by politicians and administrators of different levels? According to the author, there are some positive developments, but their significance is quite insufficient to face the pink glasses on the future of Russian fertility and reproduction of population of the country.

With this paper, the author continues his previous long-term research in the field of in-depth demographic analysis of Russian fertility involving the latest official statistical data for 2014. The paper provides an overview of the trends of key fertility indicators in a few decades, as well as develops some methodological issues of the cohort fertility analysis in order to obtain more reliable projections.

The article consists of two interrelated parts.

In the first part, presented in the previous issue, the author examines period fertility indicators (for calendar years), taking into account the latest changes in the structural characteristics of the Russian model of fertility that have occurred over the past several decades.

In the second part of the article, which presented in this issue of the Journal, the author analyses cohort fertility indicators of generations of women, whose the actual and the expected reproductive activity has occurring in the second half of the XX - the first decades of the XXI century.

Key words: *fertility, birth order, period fertility, cohort fertility, fertility projections, demographic policy, pronatalist family policy in Russia.*

SERGEI V. ZAKHAROV (szakharov@hse.ru), NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS, RUSSIA.

THE RESULTS OF THE PROJECT "DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT IN RUSSIA IN 2005-2015 IN THE CONTEXT OF LONG-TERM TRENDS", CARRIED OUT WITHIN THE FRAMEWORK OF THE BASIC RESEARCH PROGRAM AT THE NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS (HSE) IN 2016, ARE PRESENTED IN THIS PAPER.

DATE RECEIVED: APRIL 2016.

REFERENCES

- Birukova S.S. (2012). Vozmozhnosti otsenki vkladа migrantov v rozhdaemost' i smertnost' na osnove dannykh tekushchey statistiki naseleniya v Rossii [Estimates of migrants' contribution to birth and death rates in Russia based on official vital statistics] // SPERO. Social policy: expertise, recommendations, overviews. №16 (Spring-summer): 79-94.
- Biryukova S.S., A.O. Tyndik (2015). Prevalence and determinants of childlessness in Russia and Moscow // Genus. 71(1): 1-22.
- Demograficheskaya modernizatsiya Rosii, 1900-2000 [Demographic modernization of Russia, 1900-2000] (2006) / A.G. Vishnevsky, ed. Moskva: Novoe izdatel'stvo. 608 p.

- HFD (2016). The Human Fertility Database. Max Planck Institute for Demographic Research (Germany) and Vienna Institute of Demography (Austria). URL: www.humanfertility.org (data downloaded on 02.01.2016).
- Naselenie Rossii 2002 [Population of Russia 2002] (2004). Desyatyy ezhegodnyy demograficheskiy doklad [Tenth annual demographic report] / A.G. Vishnevsky, ed. Moskva: Izdatelstvo KDU. 224 p.
- Naselenie Rossii 2003-2004 [Population of Russia 2003-2004] (2006). Odinnadtsatyy-dvenadtsatyy ezhegodnyy demograficheskiy doklad [Eleventh-twelfth annual demographic report] / A.G. Vishnevsky, ed. Moskva: Nauka. 356 p.
- Naselenie Rossii 2008 [Population of Russia 2008] (2010). Shestnadtsatyy ezhegodnyy demograficheskiy doklad [Sixteenth annual demographic report] / A.G. Vishnevsky, ed. Moskva: Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki. 352 p.
- Naselenie Rossii 2012 [Population of Russia 2012] (2014). Dvadtsatyy ezhegodnyy demograficheskiy doklad [Twentieth annual demographic report] / A.G. Vishnevsky, ed. Moskva: Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki. 412 p.
- Zakharov S.V., S.V. Surkov (2009). Migratsionnyy opyt i rozhdaemost' v poslevoennykh pokoleniyakh rossiyan [Migration experience and fertility in postwar generations in Russia] // Roditeli i deti, muzhchiny i zhenshchiny v sem'e i obshchestve. Sb. analiticheskikh statey. Vyp.2 [Parents and children, men and women in family and society. Issue 2] / S.V. Zakharov, T.M. Maleva, O.V. Sinyavskaya, eds. Moskva: Independent institute for social policy: 45-118.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА АКТИВНОГО ДОЛГОЛЕТИЯ: О ЧЕМ СВИДЕТЕЛЬСТВУЕТ МИРОВОЙ ОПЫТ

МАРИНА КОЛОСНИЦЫНА, НАТАЛЬЯ ХОРКИНА

Демографическое старение – тенденция, характерная сегодня для большинства стран мира, в том числе и для России. Число и доля пожилых людей растет, и важным направлением социальной политики становится создание возможностей для здорового и активного долголетия. Приняты и действуют международные документы по проблемам старения, во многих странах существуют специальные государственные органы, ответственные за политику в отношении пожилых, реализуются национальные стратегии, активно поддерживаются инициативы организаций, занимающихся поддержкой лиц старшего возраста. В то же время государственная политика активного долголетия в России пока не имеет четко выраженного и целенаправленного характера. В статье анализируется зарубежный опыт государственной поддержки пожилых людей, приводятся оценки эффективности используемых механизмов политики активного долголетия в развитых странах, выявляются наиболее результативные меры, обсуждаются возможности применения зарубежного опыта в нашей стране. За основу анализа взят опыт стран, занимающих ведущие позиции в рейтинге стран мира по качеству жизни пожилых людей, уделяющих повышенное внимание проблемам лиц старшего возраста. Эти страны успешно реализуют разнообразные механизмы в области активного долголетия на протяжении нескольких лет как на общегосударственном, так и на территориальном уровне, осуществляют мониторинг и оценку эффективности используемых механизмов политики активного долголетия. В соответствии с концепцией активного старения Всемирной организации здравоохранения анализ проводился для таких компонентов активного долголетия, как физическая, трудовая и социальная активность. Проведенный анализ действующих в мировой практике мер позволил выявить наиболее эффективные инструменты государственной политики активного долголетия (финансовые, образовательные, организационные, информационные) и сформулировать рекомендации для разработки национальной политики по активизации образа жизни пожилых россиян и созданию достойных условий для успешного старения в России.

Ключевые слова: активное долголетие, пожилые люди, физическая активность, трудовая активность, социальная активность, государственная социальная политика.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Демографическое старение – важнейшая тенденция в современном мире. По данным Росстата, доля россиян пенсионного возраста превысила сегодня 24% и, согласно имеющимся прогнозам, будет расти и дальше, приближаясь к 28% в 2030 г. [Вишневецкий, Андреев 2014; Демографический ежегодник России 2015]. Политика активного долголетия выступает на первый план во всех развитых странах как реакция на демографическое старение, нехватку трудовых ресурсов, кризис пенсионных систем.

МАРИНА ГРИГОРЬЕВНА КОЛОСНИЦЫНА (mkolosnitsyna@hse.ru), Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия.

НАТАЛЬЯ АЛЕКСЕЕВНА ХОРКИНА, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия.

Исследование осуществлено в рамках проекта Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» «Социальная поддержка населения: целевые группы и приоритеты» в 2016 г.

Статья поступила в редакцию в октябре 2016 г.

В последние годы и в России растет внимание правительства к проблемам пожилых людей. Основные положения государственной политики в отношении пожилых россиян отражены в ряде федеральных законов¹. Приняты основополагающие документы в области социальной поддержки лиц старшего возраста. В утвержденной в 2014 г. Государственной программе «Социальная поддержка граждан» среди приоритетных задач выделено выполнение обязательств государства по социальной поддержке пожилых людей². Развитие системы социальной поддержки лиц старшего возраста на среднесрочную перспективу обсуждалось в августе 2014 г. на заседании Государственного совета Российской Федерации «О развитии системы социальной защиты граждан пожилого возраста»³. На необходимость корректировки действующих мер поддержки социально незащищенных слоев населения в условиях структурного кризиса российской экономики указали участники прошедшего в январе 2016 г. Гайдаровского форума⁴. Важным документом, заложившим ориентиры современной государственной политики в области активного долголетия и улучшения качества жизни пожилых россиян, стала принятая в феврале 2016 г. «Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года»⁵. Повышенный интерес к отдельным аспектам старения населения как экономической проблеме наблюдается в последние годы и со стороны экспертного сообщества [Гурвич, Сони́на 2012; Малева, Юдаева 2013; Синявская 2010; Сони́на, Колосни́цына 2015].

Однако, как отмечают эксперты, несмотря на значительное число нормативно-правовых документов, затрагивающих вопросы социальной поддержки лиц старшего возраста, действующая социальная политика в отношении пожилых граждан России пока не имеет четко выраженного и целенаправленного характера [Сабитова и др. 2011; Румянцева 2013]. России все еще не хватает комплексного подхода к проблеме старения населения с учетом меняющихся потребностей пожилого населения и возможностей, связанных с этими изменениями.

В то же время в развитых странах реализация программ активного долголетия приобрела комплексный характер, они успешно осуществляются на протяжении уже многих лет, и, что особенно важно, выработаны механизмы оценки эффективности действующих мер, на основании которых проводится их корректировка. Поэтому цель настоящей работы – проанализировать зарубежные исследования, посвященные эффективности отдельных мероприятий социальной политики активного долголетия,

¹ Федеральные законы №1032-1 от 19 апреля 1991 г. «О занятости населения в Российской Федерации»; №181-ФЗ от 24 ноября 1995 г. «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации»; №5-ФЗ от 12 января 1995 г. «О ветеранах»; №82-ФЗ от 19 мая 1995 г. «Об общественных объединениях»; №135-ФЗ от 11 августа 1995 г. «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях»; №442-ФЗ от 28 декабря 2014 г. «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» и др.

² Постановление Правительства РФ №296 от 15 апреля 2014 г. «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Социальная поддержка граждан».

³ <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/46594>

⁴ <http://www.gaidarforum.ru/news/view/novosti11/Naselenie-otvetilo-na-krizis-smenoi-struktury-potrebleniya/>

⁵ Распоряжение Правительства РФ №164-р от 5 февраля 2016 г. «Об утверждении Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года».

реализуемых в разных странах, и выявить наиболее предпочтительные инструменты, которые могли бы применяться и в России.

В статье рассмотрен опыт стран, уделяющих повышенное внимание проблемам пожилых людей, успешно реализующих разнообразные механизмы в области активного долголетия на протяжении длительного периода, а также осуществляющих оценку эффективности используемых мер. Кроме того, большинство стран, опыт которых анализируется в статье, занимают лидирующие позиции в рейтинге стран мира по качеству жизни пожилых людей, составленном международной благотворительной организацией HelpAge International при поддержке ООН [HelpAge International 2015].

Анализ эффективности мер государственной поддержки пожилых проводится применительно к таким компонентам активного долголетия, как *физическая, трудовая и социальная активность*. Такой подход к трактовке активного долголетия соответствует концепции активного старения Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ): «активное долголетие – процесс оптимизации возможностей в плане здоровья, участия и безопасности в целях повышения качества жизни по мере старения людей» [WHO 2002: 12]. Сегодня он широко используется учеными, занимающимися вопросами старения [Chansarn 2012; Zaidi et al. 2013; Zasimova, Sheluntcova 2014]. Трудовая активность выделяется среди прочих видов социальной активности именно потому, что обеспечивает пожилому человеку самостоятельный доход как ключевой элемент безопасности. Физическая активность в пожилом возрасте – необходимая основа здоровья.

Имеющиеся оценки индекса активного долголетия, выполненные на основе российских данных, свидетельствуют о том, что минимум 41,5% россиян в возрасте от 55 лет и старше не соответствуют основным критериям активного долголетия, обозначенным в определении ВОЗ [Zasimova, Sheluntcova 2014]. Данное обстоятельство является важным аргументом в пользу необходимости разработки и внедрения комплексного подхода к проблеме старения российского населения с учетом наиболее значимых для России факторов активного долголетия.

СТИМУЛИРОВАНИЕ ФИЗИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ

Достаточный уровень физической активности отмечается экспертами в качестве одного из ключевых факторов, влияющих на качество жизни лиц старшего возраста и создающих неоспоримые выгоды для страны в целом [ВОЗ 2010]. Разнообразные программы и инструменты государственной политики, позволяющие повысить физическую активность пожилого населения, в последние десятилетия стали весьма популярными во многих странах.

Национальные программы физической активности

Мероприятия, стимулирующие двигательную активность пожилых людей, как правило, являются частью комплексной национальной программы по пропаганде здорового образа жизни или более узкого национального проекта, пропагандирующего активный образ жизни. В отдельных странах подобные мероприятия стали частью национальных кампаний

по активному долголетию (Великобритания, Канада) [A literature review... 2011]. Постепенно расширяется круг стран, реализующих государственные программы по активизации образа жизни пожилых (Финляндия, Испания, Канада) [Schoppe et al. 2004].

Несмотря на то, что реализация подобных кампаний осуществляется недавно, уже начали появляться первые оценки предпринимаемых национальными правительствами действий. К примеру, достаточно высокой результативностью характеризуется программа физической активности для жителей Финляндии преклонного возраста, стартовавшая в 2005 г. при финансовой поддержке правительства. Оценка результатов программы, реализованной в 13 пилотных регионах страны на протяжении четырех лет, выявила трехкратное увеличение числа пожилых финнов, регулярно посещающих групповые занятия физкультурой [Karvinen et al. 2014].

В систематическом обзоре государственных программ физической активности девяти стран к числу общих принципов успешного осуществления подобных правительственных инициатив авторы, в частности, отнесли основанное на взаимном уважении и доверии широкое взаимодействие большого числа заинтересованных сторон, четкую организационную структуру, а также распространение и обмен информацией между всеми участниками [Schoppe et al. 2004].

Информационные руководства

С целью активизации образа жизни пожилых людей в ряде зарубежных стран разработаны специальные информационные руководства по физической активности для лиц старшего возраста и организаторов соответствующих программ. К числу важных документов международного уровня относятся «Глобальные рекомендации по физической активности для здоровья» [ВОЗ 2010], включающие раздел о стимулировании физической активности лиц в возрасте 65 лет и старше. Данные материалы содержат как информацию о рекомендуемых уровнях и типах физической активности, так и возможные инструменты по стимулированию двигательной активности.

Грантовая поддержка мероприятий по стимулированию физической активности пожилых

Одним из результативных примеров подобной инициативы является программа грантов по продвижению физической активности среди пожилых жителей Ирландии, начатая в 2001 г. Программа была поддержана государственной организацией Национальный совет по спорту и благотворительной организацией «Возраст и возможности». За четырнадцать лет ее реализации более 9000 организаций по всей стране получили финансирование в общем объеме более 4,2 млн евро. Гранты в размере от 250 до 1500 евро, как правило, направлялись на закупку специального оборудования, обустройство спортивных площадок, а также на инициирование новых подобных проектов [Go For Life... 2014].

Другая успешная программа – региональная программа по стимулированию физической активности пожилого населения Калифорнии (США), стартовавшая в 2001 г. по инициативе местных органов власти и спонсируемая благотворительной организацией – Фондом Р.В. Джонсона. За период реализации программы участниками мероприятий,

организованных грантополучателями, стали более 12,5 тыс. пожилых американцев, создано более 300 групп пожилых людей, занимающихся физкультурой с инструктором, организовано 36 специальных семинаров, на которых прошли обучение свыше 400 инструкторов [California Agencies... 2007].

Информационные кампании в средствах массовой информации (СМИ)

СМИ задействуют организаторы практически любой кампании по пропаганде активного образа жизни, однако пожилая аудитория имеет ряд особенностей. Так, исследователи отмечают слабый мотивационный эффект включения в информационные сообщения сведений о пользе активного образа жизни для здоровья и предлагают в рекламных кампаниях в СМИ основное внимание уделять разъяснению психоэмоциональных и социальных выгод от физической активности [Nicholson 2004]. Необходимо учитывать и тот факт, что пожилые люди настороженно воспринимают спортивную терминологию, поскольку она ассоциируется с рисковыми занятиями, травмами и тяжелой работой [Nicholson 2004].

Другой отличительной чертой информационных кампаний по пропаганде активного образа жизни среди пожилых является их более высокая чувствительность к материалам, размещенным на телевидении и радио, по сравнению с материалами, опубликованными в печатных изданиях [Finch 1997]. Кроме того, в ходе опроса пожилых британцев было установлено, что пожилые люди предпочли бы в роликах, пропагандирующих двигательную активность, видеть не спортсменов или молодежь, а физически активных сверстников [Finch 1997].

Консультации медицинских работников

К числу важных мер, способных активизировать образ жизни пенсионеров, эксперты относят консультации медицинских работников [Nicholson 2004]. К примеру, одним из главных факторов, определивших решение пожилых британцев участвовать в программе физической активности, стало доверительное отношение к рекомендациям, полученным от врача [Stathi et al. 2003]. Результаты обширного исследования образа жизни более 7000 пожилых жителей Австралии позволили к числу ключевых факторов, побудивших пожилых австралийцев начать заниматься физкультурой в домашних условиях, отнести 2-3-минутные консультации врачей, раскрывающие преимущества физической активности в зрелом возрасте и способы увеличения двигательной активности дома [Bull, Jamrozik 1998]. По истечении 6 месяцев наблюдений учеными были установлены значимые отличия в уровне физической активности у тех, кто имел предварительные беседы с медработником, по сравнению с контрольной группой пациентов [Bull, Jamrozik 1998]. Авторы другого исследования обнаружили, что консультации врача повышали вероятность начала занятий физкультурой и спортом в 5-6 раз [Hirvensalo et al. 1998].

Групповые пешие прогулки

Одним из наиболее популярных и распространенных видов двигательной активности среди лиц старшего возраста большинства стран является ходьба [AARP 2007]. К числу успешных

инициатив такого рода относятся, например, групповые пешие прогулки с шагомером, получившие распространение в большинстве штатов США и осуществляемые при финансовой поддержке местной администрации. Эта инициатива помогла участникам повысить уровень повседневной физической активности, а кроме того, многие из них продолжили самостоятельно заниматься ходьбой и после завершения кампании. Помимо этого, регулярные пешие прогулки стали существенным фактором, побудившим пожилых американцев к занятиям другими видами двигательной активности [AARP 2007]. Пешие прогулки отличаются существенной результативностью, и при этом их проведение не требует значительных затрат.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА, СТИМУЛИРУЮЩАЯ ЗАНЯТОСТЬ ПОЖИЛЫХ

Меры государственной политики занятости в отношении пожилых людей важны как для стимулирования экономического роста, так и для благополучия стареющего общества в целом. В самом общем виде их можно разделить на две большие группы: меры, стимулирующие предложение, и меры, увеличивающие спрос на рынке труда.

Меры государственной политики, увеличивающие предложение труда

Параметры пенсионной системы

В исследованиях, выполненных на основе анализа микроданных отдельных стран [Gruber, Wise 2004; Schils 2008], а также посвященных сравнительному анализу агрегированных национальных показателей [Burniaux et al. 2003; Duval 2003; Blöndal, Scarpetta 1998], подчёркивается высокая значимость параметров государственной пенсионной системы как важного фактора, влияющего на решение человека о продолжении трудовой карьеры после достижения возраста выхода на пенсию.

Поддержка обучения и переобучения

Появившиеся в последние годы исследования, посвященные оценке отдачи от обучающих программ для лиц старшего возраста, позволяют судить об их положительном эффекте [Van Horn et al. 2015]. К примеру, американскими учеными были проанализированы заработки пожилых людей на протяжении нескольких лет после окончания программы переобучения [Jacobson et al. 2003]. В итоге было установлено, что дополнительный год обучения приводит к росту доходов в долгосрочной перспективе, в среднем, на 8% для пожилых мужчин и на 10% для женщин [Jacobson et al. 2003]. При этом наибольшей отдачей характеризуется дополнительное образование в области технических специальностей и в сфере здравоохранения. Однако, несмотря на достаточную результативность подобных программ, число их участников невелико. Среди причин авторы выделяют недостаточную осведомленность пожилых людей о потенциальных преимуществах подобных программ, а также недостаток информации об их реализации [Jacobson et al. 2003].

Информационная поддержка

На повышение трудовой активности пожилых людей направлена деятельность государственных образовательных учреждений, предоставляющих информацию пожилым о текущих потребностях рынка труда. Можно привести пример программы Системы государственных и технических колледжей Кентукки, а также программы Университета Висконсина, позволяющих пенсионерам в реальном времени определить наиболее востребованные на рынке труда навыки [Ganzglass 2014]. Востребованность этих программ у пожилых людей позволяет предположить, что они способны оказать несомненную пользу лицам пенсионного возраста, желающим продолжить трудовую карьеру [Van Horn et al. 2015].

Изменение условий занятости

Возможность работать сокращенный рабочий день и наличие гибкого графика работы эксперты относят к ключевым факторам, определяющим решение пожилого человека о продолжении трудовой карьеры после достижения пенсионного возраста [OECD 1999; 2006]. В исследованиях факторов занятости пожилых американцев установлено, что они предпочитают неполную занятость как некий «мостик» между полной занятостью и выходом на пенсию [Friedberg 2007; Ruhm 1990]. Эта тенденция особенно ярко выражена для более образованных работников с высоким уровнем дохода. Кроме того, эксперты подчеркивают, что льготные условия занятости позволяют пожилым людям оставаться в составе рабочей силы на протяжении достаточно длительного периода после достижения пенсионного возраста [OECD 2006].

Меры государственной политики, стимулирующие спрос

Антидискриминационная политика на рынке труда

Распространенным явлением как при найме работников, так и в их дальнейшей работе, становятся проявления дискриминации лиц старшего возраста или эйджизма. Антидискриминационные законы приняты сегодня во всех странах ОЭСР. Однако, как отмечают эксперты, преодолеть сложившуюся ситуацию только с их помощью невозможно [OECD 2004]. В качестве примера должного отношения к пожилым работникам может выступать само государство как работодатель, реализуя антидискриминационную политику при найме, обучении и продвижении персонала.

Законодательство о защите занятости

Нередко законодательство о защите занятости закрепляет штрафы для работодателя или существенные выплаты работникам в случае увольнения пожилых сотрудников. Это означает, что работодателям, по сути, невыгодно нанимать пожилых людей, так как в случае необходимости сокращений персонала их невозможно уволить. Экспертами отмечаются отрицательное воздействие таких мер на занятость и мобильность пожилых работников и необходимость либерализации соответствующих законов [OECD 2006]. В ряде стран уже предприняты определённые действия в этом направлении. К примеру, новое законодательство Нидерландов устанавливает необходимость структурного соответствия состава увольняемых сотрудников составу персонала предприятия. В итоге защита от

увольнений принимает унифицированную форму в отношении всех возрастных групп работников [OECD 2005b].

Изменение стереотипного отношения

Анализ зарубежного опыта показал, что даже в странах с относительно высоким уровнем занятости лиц старшего возраста характерны определенные предубеждения нанимателей в отношении пожилых работников. Изменить подобную ситуацию могли бы государства, собирая и распространяя информацию о лучших методах управления персоналом в организациях, уделяющих повышенное внимание стареющей рабочей силе [OECD 2004].

Субсидии или налоговые льготы

Прямым финансовым стимулом к найму пожилых работников могут стать субсидии или налоговые льготы, позволяющие снизить затраты нанимателя, связанные с наймом работников старших возрастных групп. Так, отмена в 2004 г. в Нидерландах одного из социальных налогов на зарплату работников в возрасте 50 лет и старше привела к снижению расходов работодателя на эту группу сотрудников на 5% [OECD 2005b]. В Австрии после уменьшения обязательных социальных налогов на зарплату женщин, начиная с 56 лет, и мужчин, начиная с 58 лет, издержки работодателя на рабочую силу снизились на 12% [OECD 2005a].

СТИМУЛИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ ПЕНСИОНЕРОВ С ПОМОЩЬЮ ИНФОРМАЦИОННО-КОМПЬЮТЕРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Информационно-компьютерные технологии (ИКТ), ресурсы сети Интернет несомненно обладают существенным потенциалом, способным активизировать образ жизни пожилых людей, содействовать их социальной интеграции и более активному вовлечению в общественную и трудовую деятельность.

Информационная поддержка

Одним из способов добиться уверенного владения ИКТ пожилыми людьми является обеспечение регулярной внешней поддержки их работы с компьютерными технологиями. Примером успешной реализации подобного подхода на практике выступает британский сайт www.digitalunite.com, разработанный и функционирующий при финансовой поддержке органов государственной власти Великобритании. Основная его задача – в доступной форме разъяснить пожилым людям основные возможности, которые предоставляют ИКТ для повседневного использования. Большая востребованность и популярность этого ресурса у пожилых людей (тысячи пользователей ежегодно) позволяют говорить о достаточной результативности подобного вида информационной поддержки [Independent Age 2011].

Еще один пример – программа CareOnLine, реализованная в графстве Лестершир (Великобритания) при финансовой поддержке местных органов власти [Independent Age 2011]. Ее цель – предоставление информационных услуг для пожилых людей и содействие их компьютерной грамотности. В ходе реализации программы был разработан

специальный сайт для пожилых людей, нуждающихся в социальной поддержке: www.leicscareonline.org.uk/index/about_careonline.htm. В результате пенсионеры получили возможность онлайн-общения как со специалистами местных социальных служб, так и со сверстниками. Оценка результатов программы по итогам 2003 г. показала, что 97% пользователей отметили полезность сервиса и удобство для повседневного использования. Кроме того, почти 70% опрошенных выделили желание пользоваться этим ресурсом как одну из причин подключения к Интернету [Independent Age 2011].

Повышение доступности публичного Интернета и обучение компьютерной грамотности в сети общественных библиотек

Еще один из возможных способов стимулирования использования ИКТ – обеспечение равного доступа к информации путем создания общедоступных мест пользования Интернетом. Так, в ряде стран на протяжении многих лет реализуются проекты по повышению доступности ИКТ через сеть публичных библиотек. К примеру, в 2005 г. Правительством Литвы принято постановление о бесплатном пользовании Интернетом в библиотеках [Лауцюене 2007]. Одновременно с этим библиотеки стали центром, обеспечивающим базовые навыки компьютерной грамотности. Опрос пожилых литовцев, чей возраст в среднем составил 60 лет, показал, что 70% из них овладели базовыми навыками пользования компьютером именно в местных библиотеках [Лауцюене 2007].

Другая масштабная программа по расширению доступности ИКТ для пожилого населения – специальная программа Правительства Великобритании, стартовавшая в 2000 г. За годы реализации программы в стране созданы более 6000 общественных компьютерных центров, расположенных в библиотеках, на улицах, в общественных зданиях, обеспечен свободный доступ к Интернету в общественном транспорте. Около двух миллионов людей ежегодно посещают подобные публичные компьютерные центры, треть из них – инвалиды или лица, имеющие определенные проблемы со здоровьем [Independent Age 2011].

Образовательные услуги

На овладение навыками компьютерной грамотности лицами старшей возрастной группы направлены и отдельные проекты, реализуемые во многих странах по инициативе как частных компаний, так и общественных организаций, а также силами волонтеров (компьютерные клубы для пожилых, курсы и школы компьютерной грамотности, университеты для пожилых и др.). Многие из реализуемых проектов осуществляются при финансовой поддержке национального правительства.

Удачным примером подобного проекта, инициатором которого стал частный сектор, является масштабная программа по бесплатному обучению компьютерным навыкам людей старше 55 лет «Подключайся, Латвия!», организованная крупнейшим телекоммуникационным предприятием Латвии Latt telecom. В настоящее время инициатива стала проектом национального масштаба и реализуется при поддержке национального правительства. О широкой популярности программы среди пожилых свидетельствуют

данные о числе ее участников: к середине 2015 г. обучение по этой программе прошли свыше 28000 пожилых латвийцев⁶.

Другой успешный пример – стартовавший в 2004 г. масштабный проект, реализованный американской общественной организацией OATS (“*Older Adults Technology Services*”) в партнерстве более чем с 50 некоммерческими организациями и поддержанный правительством страны. Цель проекта – активизация образа жизни пожилых жителей Нью-Йорка через овладение базовыми навыками работы на компьютере [Gardner et. al. 2012]. В течение 8 лет реализации проекта было организовано свыше 10000 уроков, обучение прошли более 6500 пожилых американцев. Анкетирование участников программы показало, что по завершении обучения 98% опрошенных стали более уверенно пользоваться компьютером. Почти в 2 раза возросла доля пенсионеров, использующих компьютер регулярно. Почти все респонденты отметили, что благодаря обучению расширились их знания о диапазоне возможностей применения ИКТ в повседневной жизни. После завершения программы число пользователей ресурсами сети Интернет возросло почти в 2 раза. Почти все участники продолжили регулярное использование Интернета и спустя шесть месяцев после завершения обучения [Gardner et. al. 2012].

Налоговые льготы при покупке компьютера

Одним из инструментов, находящихся в распоряжении государства и способных расширить круг лиц старшего возраста, пользующихся ИКТ, могли бы стать налоговые льготы по подоходному налогу для приобретающих компьютеры. Подобная мера способствовала бы как росту общего числа домохозяйств, имеющих домашний компьютер, так и пожилых членов семей, имеющих доступ к нему. Например, в Литве в период с 2004 по 2008 г. действовала программа, согласно которой, покупатель, продекларировавший доходы, мог вернуть до 24% от стоимости покупки⁷. После введения названной меры в стране существенно выросло число семей, имеющих дома компьютеры. Так, в 2000 г. в стране около 5,3% населения имели домашние компьютеры, а в 2005 г. домашний компьютер имела почти каждая третья литовская семья: около 36% городских домохозяйств и около 14% семей, проживающих на селе [Лауцюене 2007]. Сегодня в России уровень обеспеченности домохозяйств персональными компьютерами достаточно высок, однако по данным Росстата⁸ от 30 до 40% семей (в зависимости от среднедушевого дохода) по-прежнему не имеют компьютера дома, что особенно затрудняет доступ к сети Интернет для пожилых людей, которые обычно менее мобильны, чем молодые.

РЕКОМЕНДАЦИИ ДЛЯ РАЗРАБОТКИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В ОБЛАСТИ СТАРЕНИЯ

Анализ политики активного долголетия зарубежных стран показал, что деятельность по

⁶ <https://www.lattelecom.lv/ru/o-lattelecom/novosti/proekt-kompyuternyh-kursov-podklyuchajsya-latviya-piesledzies-latvija-v-dalnejshem-budut-realizovyvat-senory>

⁷ <http://www.regnum.ru/news/polit/1105145.html>

⁸ http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/#

поддержке пожилых людей стала сегодня неотъемлемой частью социальной политики многих стран мира. Меры, успешно реализованные за рубежом, могут послужить хорошей базой при разработке государственной политики по активизации образа жизни пожилых россиян.

Согласно оценкам, лишь 17% людей пенсионного возраста в России занимаются физическими упражнениями или спортом [Хоркина, Филиппова 2015]. Вместе с тем в распоряжении государства есть обширный комплекс организационно-просветительских мер и финансовых инструментов, способных оказать позитивное воздействие на *физическую активность* пожилых людей. Здесь возможны, в частности, специальные руководства и программы физической активности, консультации врачей, телевизионные передачи (для пожилых телевидение – главный источник информации).

Отметим, что в России мероприятия по поддержке физической активности пожилых пока немногочисленны и реализуются в основном общественными или некоммерческими организациями, или частными лицами. По аналогии с другими странами наше государство оказывает финансовую поддержку подобным проектам. Однако проблемой является незначительное количество заявок на финансовую поддержку реализации таких мероприятий. Очевидно, эффективность грантовых механизмов как таковых невысока, требуется целенаправленное информирование всех заинтересованных сторон о наиболее успешных проектах и их результатах для дальнейшего тиражирования лучших практик.

Для более широкого вовлечения российских медиков в кампанию по стимулированию активного образа жизни пожилых необходимо включение в систему повышения квалификации медицинского персонала обучающих программ, раскрывающих основные принципы и особенности проведения консультационной работы с пожилыми людьми.

С целью активизации двигательной активности лиц старшего возраста органы власти отдельных российских регионов уже начали работу по созданию окружающей среды, дружественной пожилым людям, и обустроили специальные пешеходные дорожки и веломаршруты. Обеспечение условий для занятий физкультурой и спортом населения старших возрастов должно стать составляющей социальной политики во всех регионах страны. Росту числа пожилых россиян, занимающихся пешей ходьбой, а также любителей велопрогулок, могло бы способствовать увеличение в регионах числа благоустроенных парков с организованными пунктами проката велосипедов и палок для занятий скандинавской ходьбой.

Современная Россия относится к числу стран с относительно низкой долей пожилых людей, занятых на рынке труда (около 8% для всей группы лиц старше 65 лет) [Колосницына, Герасименко 2014]. К сожалению, специальная политика, стимулирующая занятость пожилых россиян, сегодня практически отсутствует. Для расширения трудовой активности лиц старшего возраста государство может использовать специальные *меры поддержки занятости пожилых* от законодательных (антидискриминационных) мер до финансовых, дающих льготы работодателям на создание новых рабочих мест для пожилых работников. Необходимы информационные кампании на государственном уровне; лидером в борьбе с эйджизмом должно стать само государство как важнейший агент «социального

контракта». Несмотря на то, что российское трудовое законодательство не содержит каких-либо ограничений для пожилых людей, отдельные нормативно-правовые акты допускают ряд возрастных ограничений. Так, Закон о занятости в Российской Федерации⁹ (Статья 5, пункт 2) повторяет, по сути, конституционную формулировку: «обеспечение равных возможностей всем гражданам Российской Федерации независимо от национальности, пола, возраста, социального положения <...> в реализации права на добровольный труд и свободный выбор занятости». Однако среди «граждан, испытывающих трудности в поиске работы» в Законе упомянуты только пожилые люди предпенсионного возраста за 2 года до назначения пенсии. Именно они попадают в зону действия специальных программ занятости, те же, кто хотя бы на год младше или, наоборот, старше и уже стал пенсионером, не могут рассчитывать на специальную государственную поддержку в трудоустройстве. Кроме того, в России действуют возрастные ограничения в отношении работников, занятых на государственной службе.

Российское население пожилого возраста, в отличие от ровесников в других странах, практически не включено в какие-либо виды социальной активности, помимо возможной трудовой деятельности. В этой области действуют в основном НКО, работа которых часто разрозненна и недостаточно обеспечена ресурсами. Крайне низка доля тех, кто хотя бы раз в неделю пользуется Интернетом: по данным выборочного обследования населения по вопросам использования ИКТ, проведенного Росстатом в 2014 г., среди россиян в возрасте 55-59 лет доля активных пользователей Интернета¹⁰ всего 5,8%, а в группе 60-72 лет – 4,3%. Создание возможностей для расширения *социальной активности* пожилых – важное направление государственной политики, и здесь возможны как непосредственное участие государства (в форме создания специальных интернет-клубов для пожилых или возврата части налога при покупке компьютера), так и поддержка государством НКО, работающих в названном направлении. Кроме того, для пожилых людей необходимо обновление знаний, специальные программы повышения квалификации, переобучения (в том числе обучение навыкам работы с ИКТ), инициатором которых должно стать государство. Это позволит повысить их конкурентоспособность на рынке труда, а значит – и доходы, а также создаст дополнительные возможности для других видов социальной активности посредством Интернета. Отметим, что возможность свободного доступа к Интернету в региональных библиотеках, домах культуры, других общественных организациях существует сегодня для пожилых россиян в ряде регионов страны. Однако проблемой является низкая информированность пожилых граждан о месте расположения этих организаций, а также о предоставляемых ими возможностях.

С целью активизации образа жизни пожилых необходимо наладить систематическую работу по тиражированию лучших практик стимулирования всех компонентов активного долголетия. Нужно также отметить необходимость применения современного экономического инструментария для оценки социальной эффективности реализуемых программ с учетом всех социальных издержек и выгод. Представляется, что

⁹ Закон РФ от 19 апреля 1991 г. №1032-1 (ред. от 29.12.2015) «О занятости населения в Российской Федерации».

¹⁰ К активным пользователям относились респонденты, которые использовали интернет не реже 1 раза в неделю. http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/generation/#

многие из названных выше мер могли бы найти свое отражение в государственной политике активного долголетия.

ЛИТЕРАТУРА

- Вишневский А.Г., Е.М. Андреев (2014). Ближайшие демографические перспективы России. Глава 7 // Население России 2012: двадцатый ежегодный демографический доклад / Отв. ред. А.Г. Вишневский. М.: Изд. дом НИУ ВШЭ: 383-409.
- ВОЗ (2010). Глобальные рекомендации по физической активности для здоровья. URL: http://www.who.int/dietphysicalactivity/factsheet_recommendations/ru/ (дата обращения: 10.01.2016).
- Гурвич Е., Ю. Сони́на (2012). Микроанализ российской пенсионной системы // Вопросы экономики. 2: 27-51.
- Демографический ежегодник России (2015). Демографический ежегодник России. Статистический сборник. М.: Росстат.
- Колосницына М.Г., М.А. Герасименко (2014). Экономическая активность в пожилом возрасте и политика государства // Вопросы государственного и муниципального управления. 4: 47–68.
- Лауцюовене Б. (2007). Интернет и основы компьютерной грамотности для пожилых людей в библиотеке // Научные и технические библиотеки. 3: 74–77.
- Малева Т.М., К.В. Юдаева (2013). Реформа пенсионной системы. Глава 6 // Стратегия-2020: Новая модель роста — новая социальная политика. Итоговый доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 года / В.А. Мау, Я.И. Кузьминов (ред.). М.: Дело: 197-228. URL: <https://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/99110182> (дата обращения: 08.01.2016).
- Румянцева Е. (2013). Возможности активизации роли пожилых людей в обществе // Государственная служба. 1: 49-51.
- Сабитова Л.М., Г.А. Миннигалеева, К.В. Дёмина (2011). Роль государственных и негосударственных организаций для обеспечения реализации социального потенциала пожилых в России // Доклад на XII Международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества, 5-7 апреля. URL: <http://regconf.hse.ru/uploads/f807e831276b0e42ca11687957f68470b714fec5.doc> (дата обращения: 30.01.2016).
- Синявская О. (2010). Российская пенсионная реформа: куда идти дальше? // SPERO. 13: 187-210.
- Сони́на Ю.В., М.Г. Колосницына (2015). Пенсионеры на российском рынке труда: тенденции экономической активности людей пенсионного возраста // Демографическое обозрение. 2: 37-53.
- Хоркина Н.А., А.В. Филиппова (2015). Физическая активность пожилых людей как объект управляющего воздействия государства // Вопросы государственного и муниципального управления. 2: 197–222.

- A literature review... (2011). A literature review of evidence on physical activity for older people and a review of existing physical activity guidelines for older people. University of Western Sydney, New Zealand Guidelines Group. 302 p.
- AARP (American association of retired persons) (2007). Community-wide campaign to promote physical activity among midlife and older adults: lessons learned from AARP's active for life™ campaign and a synopsis of evidence-based interventions. URL: http://assets.aarp.org/www.aarp.org_/articles/health/active_for_life_chapter_01.pdf (дата обращения: 08.01.2016).
- Blöndal S., S. Scarpetta (1998). The retirement decision in OECD countries // OECD Economics department working papers. ECO/WKR(98)15. 202. URL: <http://www.oecd.org/eco/labour/1866098.pdf> (дата обращения: 10.01.2016).
- Bull F.C., K. Jamrozik (1998). Advice on exercise from a family physician can help sedentary patients to become active // American journal of preventive medicine. 15(2): 85–94.
- Burniaux J-M., R. Duval R, F. Jaumotte (2003). Coping with ageing: a dynamic approach to quantify the impact of alternative policy options on future labour supply in OECD countries // OECD Economics department working papers. ECO/WKP(2003)25. 371. URL: <http://www.oecd.org/officialdocuments/publicdisplaydocumentpdf/?doclanguage=en&cote=eco/wkp%282003%2925> (дата обращения: 10.01.2016).
- California Agencies... (2007). California agencies promote strength-training programs for older adults. URL: <http://www.rwjf.org/reports/grr/039593.html> (дата обращения: 08.01.2016).
- Chansarn S. (2012). Active ageing of elderly people and its determinants: empirical evidence from Thailand // Asia-pacific social science review. 12(1): 1-18.
- Duval R. (2003). The retirement effects of old-age pension and early retirement schemes in OECD countries // OECD Economics department working papers. ECO/WKP(2003)24. 370. URL: [http://www.oecd.org/officialdocuments/publicdisplaydocumentpdf/?cote=ECO/WKP\(2003\)24&docLanguage=En](http://www.oecd.org/officialdocuments/publicdisplaydocumentpdf/?cote=ECO/WKP(2003)24&docLanguage=En) (дата обращения: 10.01.2016).
- Finch H. (1997). Physical activity 'at our age'. Qualitative research among people over the age of 50. London: Health education authority. 83 p.
- Friedberg L. (2007). The recent trend towards later retirement. Boston: Center for retirement research at Boston college.
- Ganzglass E. (2014). Scaling "Stackable credentials" implications for implementation and policy. Washington, DC: Center for law and social policy. 23 p.
- Gardner P., T. Kamber, J. Netherland (2012). Getting turned on: using ICT training to promote active ageing in New York City // The journal of community informatics. 8(1): 1-16.
- Go for life... (2014). Go for life grant scheme. URL: <http://ageandopportunity.ie/what-we-do/physical-activity-sport/go-for-life-grant-scheme> (дата обращения: 08.01.2016).
- Gruber J., D. Wise (eds.) (2004). Social security and retirement around the world: micro-estimation. Chicago and London: University of Chicago Press. 737 p. URL: <http://www.nber.org/chapters/c10697.pdf> (дата обращения: 10.01.2016).
- HelpAge International (2015). Global agewatch index 2015: insight report. URL: <http://reports.helpage.org/global-agewatch-index-2015-insight-report.pdf> (дата обращения: 31.01.2016).

- Hirvensalo M., T. Lintunen, T. Rantanen (1998). Physical exercise in old age: an eight-year follow-up study on involvement, motives and obstacles among persons age 65-84 // *Journal of aging and physical activity*. 6(2): 157–168.
- Independent Age (2011). Older people, technology and community: the potential of technology to help older people renew or develop social contacts and to actively engage in their communities. Calouste Gulbenkian foundation. 37 p. URL: http://www.cisco.com/c/dam/en_us/about/ac79/docs/wp/ps/Report.pdf (дата обращения: 20.01.2016).
- Jacobson L., R. LaLonde, D. Sullivan (2003). Should we teach old dogs new tricks? The impact of community college retraining on older displaced workers. Chicago, IL: Federal Reserve Bank of Chicago. 85 p.
- Karvinen E., P. Kalmari, H. Starck, A. Urtamo, M. Säpyskä-Nordberg, U. Salminen, A. Havas, V. Farin (2014). Strength in old age – health exercise programme for older adults (2005–2015). The Age institute. URL: <http://www.ikainstituutti.fi/binary/file/-/id/3/fid/402> (дата обращения: 08.04.2016).
- Nicholson L. (2004). Older people, sport and physical activity: a review of key issues. Research report. 96. Edinburgh. URL: http://www.sportscotland.org.uk/documents/research_reports/older_people_digest_final.pdf (дата обращения: 08.04.2016).
- OECD (1999). Recent labour market developments and prospects: special focus on the quality of part-time jobs // *OECD Employment outlook*. Paris: OECD: 14-46.
- OECD (2004). Ageing and employment policies: United Kingdom. OECD publishing. 152 p.
- OECD (2005a). Ageing and employment policies: Germany. OECD publishing. 168 p.
- OECD (2005b). Ageing and employment policies: Netherlands. OECD publishing. 145 p.
- OECD (2006). Ageing and employment policies: live longer, work longer. OECD publishing. 146 p.
- Ruhm C. (1990). Bridge jobs and partial retirement // *Journal of labor economics*. 8(4): 482–501.
- Schoppe S., A. Bauman, F. Bull (2004). International review of national physical activity policy: a literature review. CPAH Report. 04-0002. Sydney, Australia. 76 p.
- Stathi A., J. McKenna, K.R. Fox (2003). The experiences of older people participating in exercise referral schemes // *Journal of the royal society for the promotion of health*. 124(1): 18–23.
- Schils T. (2008). Early retirement in Germany, the Netherlands and the United Kingdom: a longitudinal analysis of individual factors and institutional regimes // *European sociological review*. 24(3): 315-329.
- Van Horn C.E., K. Krepcio, M. Heidkamp (2015). Improving education and training for older workers. Research report, American association of retired persons. 54 p.
- WHO (2002). Active aging: a policy framework. Geneva, Switzerland. URL: http://whqlibdoc.who.int/hq/2002/who_nmh_nph_02.8.pdf (дата обращения: 30.06.2016).
- Zaidi A., K. Gasior, M. Hofmarcher, O. Lelkes, B. Marin, R. Rodrigues, A. Schmidt, P. Vanhuysse, E. Zolyomi (2013). Active ageing index 2012. Concept, methodology and final results. Project: Active Ageing Index (AAI). UNECE Grant ECE/GC/2012/003. 68 p.

Zasimova L., M. Sheluntcova (2014). Measuring active aging for government policy planning: a case of Russia // Working papers by NRU Higher school of economics. Series PA "Public administration". WP BRP 11/PA/2014. 11.

PUBLIC POLICIES OF ACTIVE AGEING: EVIDENCE FROM THE WORLD EXPERIENCE

MARINA KOLOSNIYSYNA, NATALIYA KHORKINA

Population aging is a trend characteristic today for the majority of countries, and Russia is not an exception. The number and proportion of older persons is growing and most governments enact "active ageing" policies and programmes that enhance the health and participation of older people. Many special international documents on these issues were adopted, a number of countries have today separate governmental bodies responsible for policies towards older people. States develop national strategies, support private initiatives and NGO working with elders. In Russia, public policy aimed at active ageing still lacks clear goals and structure. This paper analyses international experience of active ageing policies. Using existing efficiency estimates, we reveal those policy measures that have proved to be most effective and could be applied in our country. In our review we pay special attention at the countries-leaders of the world ratings of older people life quality. During many years those states have been applying different instruments of social policies towards seniors at the country level, as well as at the regional and local levels. They intentionally monitor all the programmes applied and evaluate the mechanisms in use. According to the concept of active ageing suggested by the World Health Organization, we analyze the main components of active ageing such as physical, social and labor activities. The analysis of international practices let us reveal the most efficient instruments of active ageing policy (financial, educational, organizational, informational instruments). In conclusion, we give recommendations for national policy of active ageing to be applied in Russia.

Key words: active ageing, older people, physical activities, labour activities, social activities, public social policy.

MARINA G. KOLOSNIYSYNA (mkolosnitsyna@hse.ru), NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS, RUSSIA.

NATALIYA A. KHORKINA, NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS, RUSSIA.

THE RESULTS OF THE PROJECT "SOCIAL PROTECTION: TARGET GROUPS AND PRIORITIES", CARRIED OUT WITHIN THE FRAMEWORK OF THE BASIC RESEARCH PROGRAM AT THE NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS (HSE) IN 2016, ARE PRESENTED IN THIS PAPER.

DATE RECEIVED: OCTOBER 2016.

REFERENCES

- A literature review... (2011). A literature review of evidence on physical activity for older people and a review of existing physical activity guidelines for older people. University of Western Sydney, New Zeland Guidelines Group. 302 p.
- AARP (American association of retired persons) (2007). Community-wide campaign to promote physical activity among midlife and older adults: lessons learned from AARP's active for life™ campaign and a synopsis of evidence-based interventions. URL: http://assets.aarp.org/www.aarp.org/_articles/health/active_for_life_chapter_01.pdf (accessed: 08.01.2016).
- Blöndal S., S. Scarpetta (1998). The retirement decision in OECD countries // OECD Economics department working papers. ECO/WKR(98)15. 202. URL: <http://www.oecd.org/eco/labour/1866098.pdf> (accessed: 10.01.2016).
- Bull F.C., K. Jamrozik (1998). Advice on exercise from a family physician can help sedentary patients to become active // American journal of preventive medicine. 15(2): 85–94.

- Burniaux J-M., R. Duval R, F. Jaumotte (2003). Coping with ageing: a dynamic approach to quantify the impact of alternative policy options on future labour supply in OECD countries // OECD Economics department working papers. ECO/WKP(2003)25. 371. URL: <http://www.oecd.org/officialdocuments/publicdisplaydocumentpdf/?doclanguage=en&cote=eco/wkp%282003%2925> (accessed: 10.01.2016).
- California Agencies... (2007). California agencies promote strength-training programs for older adults. URL: <http://www.rwjf.org/reports/grr/039593.html> (accessed: 08.01.2016).
- Chansarn S. (2012). Active ageing of elderly people and its determinants: empirical evidence from Thailand // Asia-pacific social science review. 12(1): 1-18.
- Демографический ежегодник России [The demographic yearbook of Russia] (2015). Статистический сборник [Statistical handbook]. Moscow: Rosstat.
- Duval R. (2003). The retirement effects of old-age pension and early retirement schemes in OECD countries // OECD Economics department working papers. ECO/WKP(2003)24. 370. URL: [http://www.oecd.org/officialdocuments/publicdisplaydocumentpdf/?cote=ECO/WKP\(2003\)24&docLanguage=En](http://www.oecd.org/officialdocuments/publicdisplaydocumentpdf/?cote=ECO/WKP(2003)24&docLanguage=En) (accessed: 10.01.2016).
- Finch H. (1997). Physical activity 'at our age'. Qualitative research among people over the age of 50. London: Health education authority. 83 p.
- Friedberg L. (2007). The recent trend towards later retirement. Boston: Center for retirement research at Boston college.
- Ganzglass E. (2014). Scaling "Stackable credentials" implications for implementation and policy. Washington, DC: Center for law and social policy. 23 p.
- Gardner P., T. Kamber, J. Netherland (2012). Getting turned on: using ICT training to promote active ageing in New York City // The journal of community informatics. 8(1): 1-16.
- Go for life... (2014). Go for life grant scheme. URL: <http://ageandopportunity.ie/what-we-do/physical-activity-sport/go-for-life-grant-scheme> (accessed: 08.01.2016).
- Gruber J., D. Wise (eds.) (2004). Social security and retirement around the world: micro-estimation. Chicago and London: University of Chicago Press. 737 p. URL: <http://www.nber.org/chapters/c10697.pdf> (accessed: 10.01.2016).
- Gurvich Y., Y. Sonina (2012). Микроанализ российской пенсионной системы [Microanalysis of Russian pension system] // Вопросы экономики [Voprosy ekonomiki]. 2: 27-51.
- HelpAge International (2015). Global agewatch index 2015: insight report. URL: <http://reports.helpage.org/global-agewatch-index-2015-insight-report.pdf> (accessed: 31.01.2016).
- Hirvensalo M., T. Lintunen, T. Rantanen (1998). Physical exercise in old age: an eight-year follow-up study on involvement, motives and obstacles among persons age 65-84 // Journal of aging and physical activity. 6(2): 157-168.
- Independent Age (2011). Older people, technology and community: the potential of technology to help older people renew or develop social contacts and to actively engage in their communities. Calouste Gulbenkian foundation. 37 p. URL: http://www.cisco.com/c/dam/en_us/about/ac79/docs/wp/ps/Report.pdf (accessed: 20.01.2016).

- Jacobson L., R. LaLonde, D. Sullivan (2003). Should we teach old dogs new tricks? The impact of community college retraining on older displaced workers. Chicago, IL: Federal Reserve Bank of Chicago. 85 p.
- Karvinen E., P. Kalmari, H. Starck, A. Urtamo, M. Säpyskä-Nordberg, U. Salminen, A. Havas, V. Farin (2014). Strength in old age – health exercise programme for older adults (2005–2015). The Age institute. URL: <http://www.ikainstituutti.fi/binary/file/-/id/3/fid/402> (accessed: 08.04.2016).
- Khorkina N.A., A.V. Filippova (2015). Fizicheskaya aktivnost' pozhilykh lyudey kak ob"ekt upravlyayushchego vozdeystviya gosudarstva [Physical activity of elderly people as a public policy object] // Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya [Public administration issues]. 2: 197–222.
- Kolosnitsyna M.G., M.A. Gerasimenko (2014). Ekonomicheskaya aktivnost' v pozhilomvozraste i politika gosudarstva [Labour force participation of elderly and public policy] // Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya [Public administration issues]. 4: 47–68.
- Lautsyuvene B. (2007). Internet i osnovy komp'yuternoy gramotnosti dlya pozhilykh lyudey v biblioteke [Internet and basics of IT-literacy in a library for elder people] // Nauchnye i tekhnicheskie biblioteki [Scientific and technical libraries]. 3: 74–77.
- Maleva T.M., K.V. Yudaeva (2013). Reforma pensionnoy sistemy. Glava 6 [Pension system's reform. Chapter 6] // Strategiya-2020: Novaya model' rosta — novaya sotsial'naya politika. Itogovyy doklad o rezul'tatakh ekspertnoy raboty po aktual'nym problemam sotsial'no-ekonomicheskoy strategii Rossii na period do 2020 goda [New model of growth – new social policy. Final experts' report on urgent problems of Russian socio-economic strategy for 2020] / V.A. Mau, Ya.I. Kuz'minov (eds.). Moscow: Delo: 197-228. URL: <https://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/99110182> (accessed: 08.01.2016).
- Nicholson L. (2004). Older people, sport and physical activity: a review of key issues. Research report. 96. Edinburgh. URL: http://www.sportscotland.org.uk/documents/research_reports/older_people_digest_final.pdf (accessed: 08.04.2016).
- OECD (1999). Recent labour market developments and prospects: special focus on the quality of part-time jobs // OECD Employment outlook. Paris: OECD: 14-46.
- OECD (2004). Ageing and employment policies: United Kingdom. OECD publishing. 152 p.
- OECD (2005a). Ageing and employment policies: Germany. OECD publishing. 168 p.
- OECD (2005b). Ageing and employment policies: Netherlands. OECD publishing. 145 p.
- OECD (2006). Ageing and employment policies: live longer, work longer. OECD publishing. 146 p.
- Ruhm C. (1990). Bridge jobs and partial retirement // Journal of labor economics. 8(4): 482–501.
- Rumyantseva E. (2013). Vozmozhnosti aktivizatsii roli pozhilykh lyudey v obshchestve [Older people's role in society: possibilities for activization] // Gosudarstvennaya sluzhba [Public service]. 1: 49-51.
- Sabitova L.M., Minnigaleeva G.A., Demina K.V. (2011). Rol' gosudarstvennykh i negosudarstvennykh organizatsiy dlya obespecheniya realizatsii sotsial'nogo potentsiala pozhilykh v Rossii [Russian state organizations and NGO in realization of older people potential]. Doklad na XII Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii po problemam razvitiya ekonomiki i obshchestva [The report of the XII International academic conference on economic and social development], 5-7 April. Available at:

- <http://regconf.hse.ru/uploads/f807e831276b0e42ca11687957f68470b714fec5.doc> (accessed: 30 January 2016).
- Schoppe S., A. Bauman, F. Bull (2004). International review of national physical activity policy: a literature review. CPAH Report. 04-0002. Sydney, Australia. 76 p.
- Sinyavskaya O. (2010). Rossijskaya pensionnaya reforma: kuda idti dal'she? [The Russian pension reform: what are the future challenges?] // SPERO. 13: 187-210.
- Sonina Y., M. Kolosnitsyna (2015). Pensionery na rossiyskom rynke truda: tendentsii ekonomicheskoy aktivnosti lyudey pensionnogo vozrasta [Pensioners on the Russian labour market: trends of economic activity in pension age] // Demograficheskoe obozrenie [Demographic review]. 2: 37-53.
- Stathi A., J. McKenna, K.R. Fox (2003). The experiences of older people participating in exercise referral schemes // Journal of the royal society for the promotion of health. 124(1): 18-23.
- Schils T. (2008). Early retirement in Germany, the Netherlands and the United Kingdom: a longitudinal analysis of individual factors and institutional regimes // European sociological review. 24(3): 315-329.
- Van Horn C.E., K. Krepcio, M. Heidkamp (2015). Improving education and training for older workers. Research report, American association of retired persons. 54 p.
- Vishnevsky A.G., E.M. Andreev (2014). Blizhayshie demograficheskie perspektivy Rossii. Glava 7 [Nearest demographic perspectives of Russia. Chapter 7] // Naselenie Rossii 2012: dvadtsatyy ezhegodnyy demograficheskij doklad [Population of Russia 2012: 20th annual demographic report] / A.G. Vishnevsky, ed. Moskva: HSE: 383-409.
- VOZ (2010). Global'nye rekomendatsii po fizicheskoy aktivnosti dlya zdorov'ya [Global recommendations on physical activity for health]. URL: http://www.who.int/dietphysicalactivity/factsheet_recommendations/ru/ (accessed: 10.01.2016).
- WHO (2002). Active aging: a policy framework. Geneva, Switzerland. URL: http://whqlibdoc.who.int/hq/2002/who_nmh_nph_02.8.pdf (accessed: 30.06.2016).
- Zaidi A., K. Gasior, M. Hofmarcher, O. Lelkes, B. Marin, R. Rodrigues, A. Schmidt, P. Vanhuyse, E. Zolyomi (2013). Active ageing index 2012. Concept, methodology and final results. Project: Active Ageing Index (AAI). UNECE Grant ECE/GC/2012/003. 68 p.
- Zasimova L., M. Sheluntcova (2014). Measuring active aging for government policy planning: a case of Russia // Working papers by NRU Higher school of economics. Series PA "Public administration". WP BRP 11/PA/2014. 11.

АНАЛИТИКА

ANALYTICS

МЕЖРЕГИОНАЛЬНАЯ МИГРАЦИЯ В РОССИИ: ВОЗРАСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Лилия Карачурина, Никита Мкртчян

Статья посвящена анализу возрастной структуры внутренней миграции населения по регионам России. Базой для работы послужили данные о возрастном составе межрегиональных мигрантов в регионах России за 2011-2015 гг. в разрезе однолетних возрастных групп, а также о численности населения регионов России по однолетним группам. В анализе для группировки регионов применяли метод кластеризации (по показателю доли прибывших/выбывших в отдельных возрастных группах к общему числу мигрантов) регионов методом k-средних с использованием программы SPSS. Как и в других странах, пик интенсивности миграции приходится на молодые возраста, он связан с массовым получением высшего образования. Далее с увеличением возраста миграционная активность падает. Некоторые возрастные профили миграции содержат затем вторичный пик в ранних пожилых возрастах, сопряженных с выходом на пенсию, возможностями переезда на территории, более отвечающие запросам 50-60-летних людей, либо с возвратной миграцией. Анализ выявил значительные различия между российскими регионами по возрастному профилю межрегиональной миграции – как входящих потоков (прибытий), так и исходящих (выбытий). Основные отличительные признаки – степень выраженности молодежного пика, наличие иных возрастных пиков.

Ключевые слова: возраст, миграция населения, межрегиональная миграция, возрастной профиль, регионы России.

ВВЕДЕНИЕ

Миграция населения вносит весомый вклад в демографическое состояние регионов России. При этом, как и во всем мире, воздействие внутренней миграции, по меньшей мере, не уступает, а зачастую превосходит, влияние международной [Доклад... 2009: 21; Human Development... 2009: 21]. Оно определяется не только абсолютными масштабами притока и оттока людей, но и структурами потоков. В данной статье мы пытаемся показать, что на разные регионы страны миграция (структурой входящего и исходящего потоков) влияет по-разному. В условиях постепенного эволюционного снижения межрегиональной дифференциации показателей рождаемости [Захаров, Иванова 1996; Население России... 2002: 47-50] это является важным фактором эволюции демографической ситуации в регионах.

Лилия Борисовна Карачурина (lkarachurina@hse.ru), Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия.

Никита Владимирович Мкртчян, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Российская академия народного хозяйства и государственной службы, Россия.

Статья подготовлена по результатам исследовательского проекта «Тенденции демографического развития России в 2005-2015 гг. в контексте долговременных демографических трендов», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2016 г.

Статья поступила в редакцию в сентябре 2016 г.

ИЗУЧЕННОСТЬ ПРОБЛЕМЫ

Анализ возрастной структуры миграционных потоков разной направленности (международных, внутристрановых) и на разных иерархических уровнях (страны, регионов, муниципальных образований), а также вопросы взаимовлияния миграции и возрастных структур населения территорий выезда/вселения и наоборот – классическая тема демографических исследований. Как ни странно, однако, в России она до сих пор представлена фрагментарно. В частности, в 2000-2010-е годы появились исследования по внутренней учебной миграции на страновом [Варшавская, Чудиновских 2014; Замятина 2012; Катровский 1999; Флоринская, Рощина 2008; Чудиновских, Денисенко 2003] и региональном [Дементьева, Гиниятова 2012; Чихичин 2014; Эмбрехт 2011] уровнях, авторы которых используют в анализе демографический и геопространственный подходы. Работы Н.В. Мкртчяна и И.С. Кашницкого показывают, что миграционная активность в молодых возрастах многократно выше, чем во всех остальных, она проявляется как на уровне регионов (в частности выделяются регионы, привлекательные для студенческой миграции), так и на внутрирегиональном уровне [Мкртчян 2013; Кашницкий, Мкртчян, Лешуков 2016; Kashnitsky, Mkrтчhyan 2014]. Работы по миграции людей активных трудоспособных возрастов хотя и нередки, но до сих пор подходят к изучению миграций населения почти исключительно с ресурсных позиций («трудовые ресурсы», «производительные силы» и др.), не обременяя себя разноплановостью и подходом с позиции «жизненного пути». Миграция пожилых по-прежнему остается вне исследовательского фокуса в России. Редкие и давние работы по этой теме [Моисеенко, Чудиновских 2000; Тарасова 2013; Гридасов, Захарова, Балугева 2011] показывают, что Россия относится скорее к таким странам, где пик миграционной активности в пожилых возрастах на страновом уровне почти не заметен и не удостоен отдельного изучения в этой связи. В комплексной работе Г.В. Рахмановой [1994] впервые для России были построены и проанализированы возрастные профили миграции для страны и ее экономических районов. В исследовании Н.В. Мкртчяна [2014] сделана попытка проследить на региональном уровне влияние миграционного прироста в возрастах до и после 40 лет на возрастную структуру населения, а в исследовании С.П. Ермакова и С.Ю. Никитиной [2015] – смоделировать возрастные особенности миграции в России. В целом, однако, необходимо констатировать наличие очень незначительного числа отечественных работ, анализирующих возрастные особенности миграционных потоков.

Между тем западные исследователи давно и глубоко занимаются подобной тематикой. Одной из первых работ, показывающих возрастную специфику миграционных потоков в США, стало исследование Д. Питтенгера [Pittenger 1974]. На примере нескольких ключевых территорий было выявлено, что центральные города, пригороды, сельские территории имеют свойственные только им возрастные особенности миграции. А. Роджерс и Л. Кастро [Rogers, Castro 1981, 1986] обнаружили, что, хотя уровень миграции существенно различается между странами, формы возрастных кривых миграции схожи для многих стран. На рисунке 1 представлен стандартный возрастной профиль миграции. Самая интенсивная миграция свойственна молодым возрастам, когда люди переезжают для обучения, затем для старта трудовой деятельности, создания семьи. Далее с увеличением возраста миграционная активность падает по мере наступления стабильности в жизни человека: появления собственности, достижения детьми школьного возраста и обучения в

школе. Некоторые возрастные профили миграции содержат затем вторичный пик в ранних пожилых возрастах, связанный с взрослением детей, выходом на пенсию, возможностями переезда на территории, более отвечающие запросам к качеству жизни 50-60-летних людей.

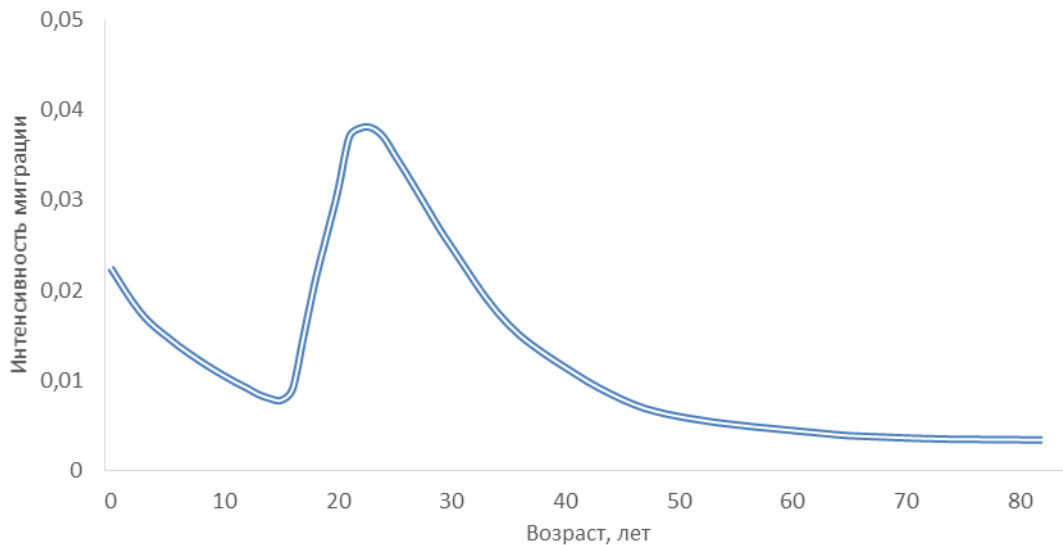

Рисунок 1. Стандартный возрастной профиль миграции

Источник: [Rogers, Castro 1981: 43].

Развивая работы по моделированию возрастных профилей миграции, Дж. Литтл и А. Роджерс [Little, Rogers 2007], используя функции Роджерса-Кастро, предложили типологию возрастных миграционных моделей для территорий, представляющих разные иерархические уровни: штаты, объединенные метрополитенские статистические ареалы, метрополитенские статистические ареалы (МСА), неметрополитенские округа. Было показано, что на территориях с численностью населения свыше 30 тыс. человек возможно с достаточной точностью анализировать и прогнозировать возрастные профили миграции, на меньших по численности населения территориях и на территориях с не совсем типичным возрастным составом населения (например, округах с военными базами или высокой долей престарелого населения) стандартная модель применима хуже. В результате кластеризации МСА были получены три класса: «стандартный» (193 МСА), «с доминантой ранней карьеры» (41 МСА) и «с доминантой старших возрастов» (20 МСА).

Стандартный возрастной профиль миграции неоднократно тестировался в разных странах, на миграционных потоках разной направленности и с проверкой дополнительных гипотез. Например, П. Смит, Дж. Раймер и К. Корrado [Smith, Raymer, Corrado 2010] изучали возрастные профили мигрантов применительно к миграции между графствами Англии в зависимости от их принадлежности разным социально-экономическим группам и пришли к заключению, что пенсионерам, студентам, занятым по найму, владельцам бизнеса, безработным, экономически неактивным свойственны неодинаковые возрастные графики миграции. С. Калогироу [Kalogirou 2005] показала, что разные возрастные особенности свойственны мигрантам, перемещающимся на короткие и длинные расстояния. В целом миграционные стратегии для 16-29-летних стали более разнообразными, а для населения 60 лет и старше – менее вариативными, чем несколько десятилетий назад. К. Гейст и П. Мак-

Манус [Geist, McManus 2008] продемонстрировали, что пространственная мобильность в первую очередь является ответом на потребности, порожденные не составом семьи как таковым, а изменениями в ее составе, появление детей усиливает мобильность. Н. Байдл и С. Прют [Biddle, Prout 2009] выявили различия в кривых возрастной мобильности для коренного и некоренного населения Австралии. В работе Дж. Миллингтона [Millington 2000] показано, как реагирует возрастной профиль миграции на различные миграционные стимулы (жилье, климат, инфляцию и др.). Т. Вилсон [Wilson 2010], считая, что стандартный возрастной профиль имеет слабые объяснительные возможности по отношению к пикам в интенсивности миграции в молодых возрастах, предложил расширение стандартной модели путем добавления кривой студентов для регионов, которые принимают значительную студенческую миграцию. Ряд работ, анализирующих возрастные особенности миграции на нижнем пространственно-иерархическом (поселенческом) уровне, связывают возрастные профили миграции с типом и пространственным положением населенных пунктов: например, центральные города мегалополисов притягивают молодое население и имеют соответствующие профили миграции, а пригороды и средние города популярны у населения средних возрастов [Plane, Jurjevich 2009; Amcoff, Westholm 2007; Fuguitt, Heaton 1995]. Таким образом, связи между возрастными особенностями миграционных потоков и территориями выхода и вселения, а также специфика территорий по этим особенностям в зарубежной литературе изучаются давно и многогранно.

МЕТОДИКА И ДАННЫЕ

Для анализа региональной картины возрастных профилей прибывших и выбывших в России использовались данные о внутренней межрегиональной миграции по всем регионам России в разрезе однолетних возрастных групп за 2011-2015 гг. Выбор временного интервала продиктован тем, что в российской статистике миграции в 2011 г. произошли серьезные изменения: начали разрабатываться данные не только о мигрантах, зарегистрированных по месту жительства, но и о зарегистрированных по месту пребывания на срок 9 месяцев и более [Население России... 2014]. В результате число учтенных миграций в пределах страны увеличилось с 1,9 млн человек в 2010 г. до более чем 4 млн в 2015 г., число миграций между регионами – с 875 тыс. до 2083 тыс. соответственно. В разработку, в частности, были включены учебные мигранты, ранее учитываемые плохо [Чудиновских 2005], что повысило показатели интенсивности миграции молодежи. Однако интенсивность миграции увеличилась во всех возрастных группах.

Для расчетов возрастных коэффициентов интенсивности миграции были использованы также данные о возрастном составе населения регионов России за указанные годы в разрезе 1-летних возрастных групп по 83 регионам России¹.

Применялся метод кластеризации (по показателю доли прибывших/выбывших в отдельных возрастных группах к общему числу мигрантов) регионов методом k-средних с

¹ Без Крыма, соответствующие данные о котором за 2011-2014 гг. отсутствуют.

использованием программы SPSS. Устойчивость кластеров в данном исследовании не оценивалась, число кластеров было определено экспертным путем. Метод кластеризации применялся исключительно для группировки регионов и последующего анализа межгрупповых различий типичных распределений прибывших и выбывших по возрасту.

Базовый показатель для выделения групп рассчитывали следующим образом: 1) суммировали числа прибывших/выбывших в каждом возрастном интервале по всем регионам данной группы; 2) полученные значения для возрастных интервалов соотносили с суммарным числом прибывших/выбывших мигрантов (в промилле).

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Межрегиональная миграция имеет структурные особенности, выраженные в преобладании в потоке населения в молодых возрастах. Ситуация в России в этом не уникальна, в других странах также в миграции чаще участвует молодежь, и возрастной профиль, представленный на рисунке 2, в общем контуре схож с представленным выше модельным (рисунок 1). Выраженный пик в возрасте 18 лет объясняется миграцией, связанной с получением образования, после этого интенсивность миграции снижается. На возраста 16-29 лет приходится почти 40% всех учитываемых статистикой межрегиональных миграционных перемещений в России. Самой низкой интенсивностью миграции в России характеризуются пожилые люди и дети школьных возрастов.

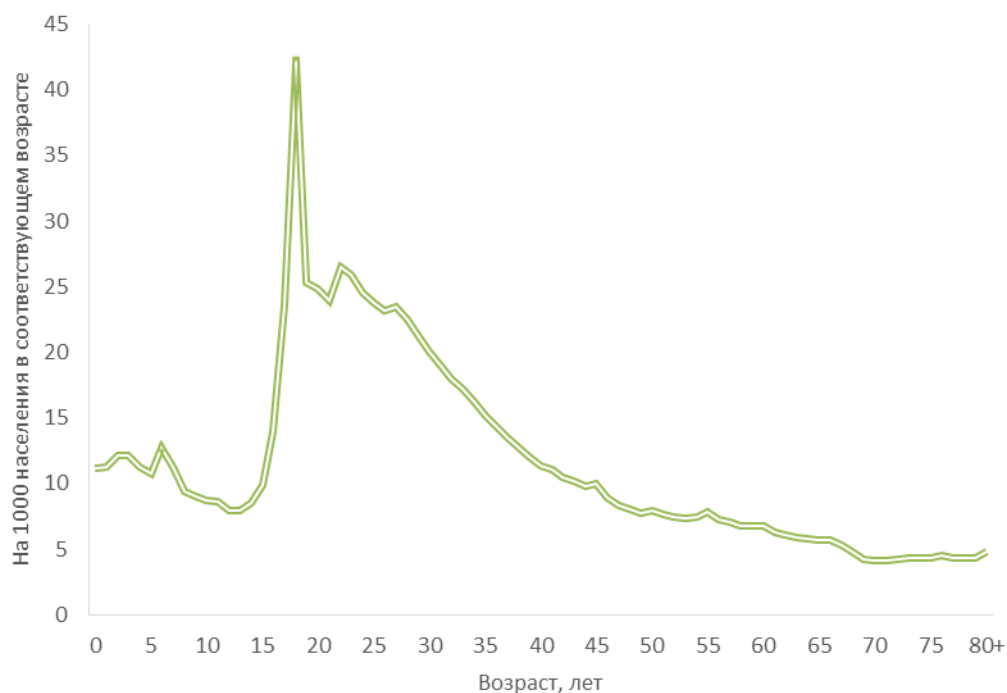

Рисунок 2. Распределение межрегиональных мигрантов по возрасту, Россия, 2011-2015 гг., в среднем за год

Источник: Расчеты авторов на основе данных Росстата.

Региональная специфика возрастного распределения показателей прибывших и выбывших

Возрастной состав мигрантов по отдельным регионам России отличается от общероссийского профиля. Для первичного анализа были рассчитаны показатели интенсивности прибытий и выбытий в межрегиональной миграции за 2011-2015 гг. для каждого региона России. Однако сопоставление регионов по характеру кривых прибытий/выбытий затрудняют различия в общей интенсивности миграции между регионами: при средней по стране интенсивности прибытий 12 промилле за год в ряде регионов Северного Кавказа она составляет 5-6 промилле, тогда как в Московской области – 28, в Ленинградской области – 30, а в Чукотском АО – 63 промилле. Интенсивность выбытий варьируется от 6 промилле в Тюменской области до 70 промилле в Чукотском АО. В данной работе мы пытаемся выявить наиболее распространенные распределения прибывших и выбывших в/из регионов России и обозначить причины различий между регионами и их группами. Нас интересует не интенсивность миграции в той или иной возрастной группе, а соотношение отдельных возрастов в потоке, которые определяют профиль миграции.

Поэтому для сравнения использовали показатель доли прибывших/выбывших в отдельных возрастных группах к общему числу мигрантов. Данный показатель зависим от возрастной структуры населения региона выхода мигрантов, но он наиболее удобен для межрегиональных сравнений, так как нивелирует различия в общей интенсивности миграции между отдельными регионами.

Регионы России были разбиты на группы, выделенные по особенностям возрастного распределения прибывших и выбывших в среднем за 2011-2015 гг. Результаты, показывающие средние значения по группам, рассчитанные описанным выше образом, представлены на рисунках 3 и 5. Эти рисунки иллюстрируют основные различия между выделенными группами. На рисунках 4 и 6 показаны отличия распределений прибывших от средних по России значений.

Группы регионов, выделенные по распределению ***прибывших межрегиональных мигрантов*** по возрасту, неравноценны по числу формирующих их регионов. К ***первой*** группе – без сильного пика в возрасте 18 лет, связанного прежде всего с участием в учебной миграции (помимо учебной миграции, в этом возрасте люди могут переселяться с иными целями, но учебный мотив явно доминирует; так, в 2015 г. среди всех межрегиональных мигрантов в возрастах 18-19 лет, указавших причину миграции, 76% назвали причину «в связи с учебой»), но с довольно выраженным пиком в возрасте 20-30 лет, – относятся 19 регионов. Здесь в основном находятся регионы севера и востока страны (Мурманская область, ХМАО, Приморский край и др.), а также республики Северного Кавказа. В этих регионах недостаточно развита система учреждений высшего профессионального образования, учебный мотив миграции практически не имеет смысла, поэтому основной приток мигрантов осуществляется в несколько более старших возрастах, уже после времени получения образования. Как показывают исследования [Кашницкий, Мкртчян, Лешуков 2016], регионы, входящие в данную группу, характеризуются оттоком молодых мигрантов в другие регионы.

Близкое к этому распределение мигрантов (отсутствие яркого «пика» в наиболее молодых возрастах) характерно для регионов **второй** группы (13 субъектов РФ), к которой принадлежат несколько субъектов Севера, но кроме них – Московская и Ленинградская области, Краснодарский край, Республика Адыгея, а также несколько других, некомпактно расположенных областей Европейской части. В данной группе пик миграции смещен к старшим возрастам, активный приток населения (большой, чем в других группах) наблюдается в возрасте 30-60 лет. Этому может быть два объяснения: возвратная миграция и профессиональная деятельность. Предположение о доминировании возвратной миграции в регионы данной группы, на наш взгляд, не вполне логично, так как группа объединяет субъекты РФ, не испытывающие сильного оттока на учебу (например, Московская, Ленинградская области, Краснодарский край), соответственно в них некому возвращаться. Поэтому предполагаем, что приток в регионы данной группы в большей мере связан с профессиональной самореализацией, с карьерным ростом и др. В частном случае Московской и Ленинградской областей наиболее важно, что они входят в состав крупнейших городских агломераций и сюда вселяются люди, ориентированные на рынок труда их центральных городов.

Регионы, формирующие **третью** группу, по возрастному распределению входящего потока мигрантов наиболее близки к общестрановому профилю; их 29. Одной из характеристик регионов данной группы является то, что здесь в числе прибывших повышена доля детей, как следствие высокой доли людей в возрастах их потенциальных родителей (25-50 лет).

К данной группе относится большинство регионов Центральной России (включая Москву), Приволжья и Юга Сибири. Здесь также находятся Республики Чечня и Ингушетия, но возрастное распределение прибывших в них, кроме выраженного пика в 18-19 лет, схоже с регионами второй группы. Причины отличий возрастных распределения прибытий в эти два региона от других республик Северного Кавказа не вполне понятны. Вероятно, они связаны в том числе с качеством статистического учета населения. Косвенным основанием для высказывания таких опасений является существование в Республике Ингушетии на протяжении всего периода после переписи населения 2010 г. миграционного прироста населения, этим республика отличается от всех соседних регионов. В целом проблемы с качеством учета населения в республиках Северного Кавказа неоднократно описывались [Андреев 2012; Мкртчян 2011]. Также, даже на фоне сравнительно «старого» возрастного профиля миграции в регионы данной группы, выделяются прибытия в Белгородскую область: сюда переселяется немало лиц в возрасте 50-65 лет, что сближает данный регион также с регионами второй группы. По-видимому, Белгородская область в силу благоприятных природно-климатических условий и социально ориентированной модели регионального развития привлекательна прежде всего для лиц предпенсионных и пенсионных возрастов. Играет роль и приграничное положение с Украиной, в случае возвратной миграции с «северов» это оказывается немаловажным: например, проще посещать оставшихся на Украине родственников, при этом не переселяясь из России [Замятина 2014].

В **четвертую** группу вошли 22 региона с более выраженным пиком миграции в возрасте поступления в вуз, чем в целом по стране, и одновременно менее активным

участием в миграции представителей возрастов старше 30 лет. К ним относятся регионы разных частей страны (за исключением Севера и Северного Кавказа), такие как Ярославская, Рязанская, Иркутская, Свердловская области, Красноярский край. Также к этой группе принадлежит Санкт-Петербург – крупнейший в России (наряду с Москвой) центр притока учебных мигрантов. Наиболее близка к этой группе регионов стоящая особняком Томская область. Это территория с гипертрофированно выраженным молодежным профилем прибывших. 61% прибывших в Томскую область – люди в возрасте 16-29 лет, в том числе 12% прибывших приходится на возраст 18 лет. Томские вузы, без преувеличения, «дирижируют» всей миграцией в области, старшие возрастные группы населения представлены в потоке существенно более скромно, чем в других регионах страны.

Еще одним регионом–исключением является Республика Тыва. Возрастной состав прибывших в нее также характеризуется выраженным молодежным профилем, но не таким острым, как в Томской области. Конечно, Тыва не является центром притока учебных мигрантов. В данном случае мы имеем дело с последствиями трансформации методики текущего учета миграции 2011 г., в результате которой изменения затронули не только прибытия, но и выбытия: ранее выбывшие из республики в другие регионы мигранты по мере окончания у них срочной регистрации считаются «прибывшими» в регион. Косвенно об этом свидетельствует «растянутость» пика прибытий: в отличие от других регионов он продолжается до возраста 25 лет. Иными словами, случай Тувы – это, возможно, в некоторой мере отражение «фиктивного» обратного потока мигрантов.

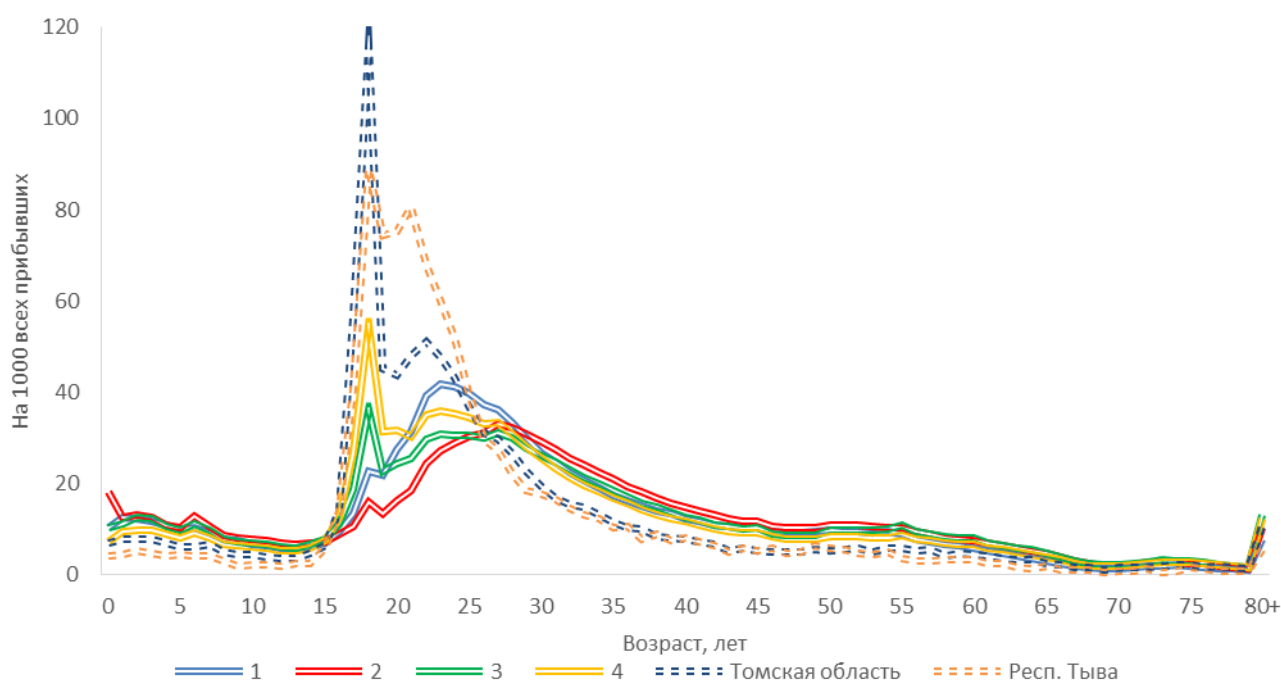

Рисунок 3. Прибывшие по однолетним возрастным группам в суммарном числе прибывших в регион, четыре группы регионов, в среднем за 2011-2015 гг., на 1000

Источник: Расчеты авторов на основе данных Росстата.

Примечания: Республика Тыва и Томская область не принадлежат ни к одной из групп.

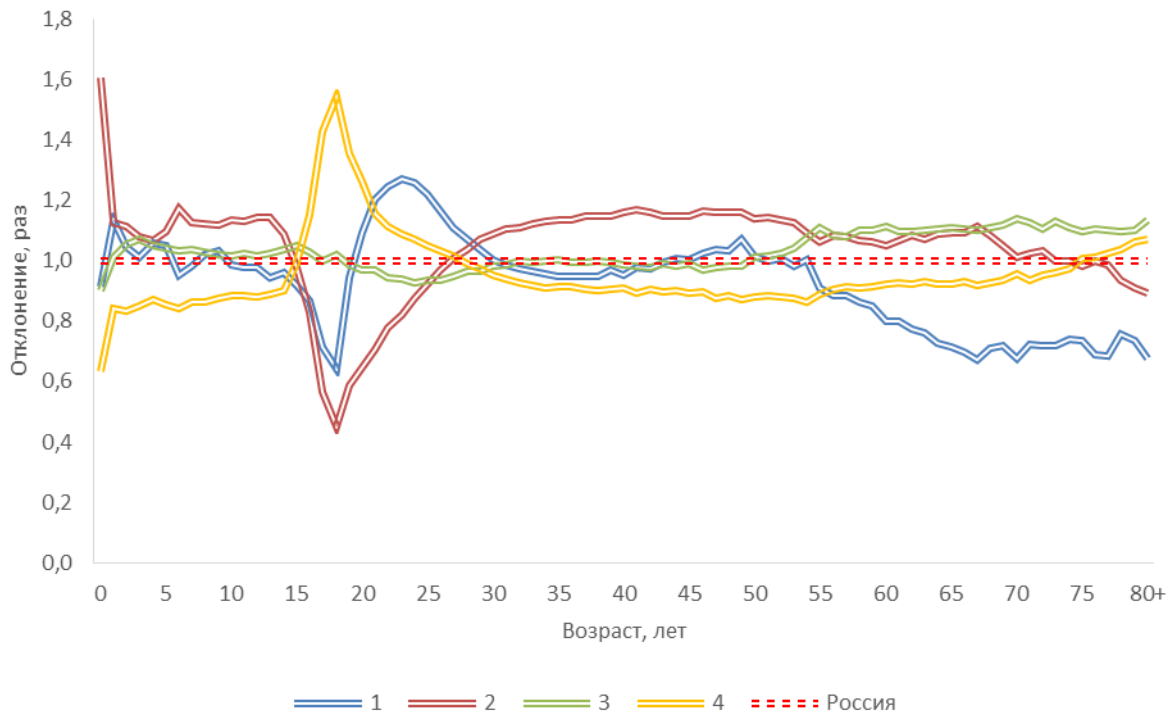

Рисунок 4. Отклонение долей прибывших в соответствующих возрастах от средних значений по России по четырем группам регионов

Источник: Расчеты авторов на основе данных Росстата.

Примечание: По оси абсцисс – возраст, лет, по оси ординат – отклонение, раз.

По распределению **выбывших межрегиональных мигрантов** регионы были разделены на четыре группы. **Первая** группа, состоящая из 49 субъектов РФ (т.е. почти две трети всех регионов), объединяет регионы, расположенные во всех частях страны, за исключением, пожалуй, зоны Севера. Профиль выбытий здесь очень похож на общероссийский: выраженный, но не большой пик в возрасте начала обучения в вузе, спад доли прибывших в возрасте 19-20 лет и второй, более продолжительный пик в возрасте 21-30 лет. Очевидно, что типичная для России ситуация – выезд части молодежи для обучения в другом регионе и последующий, более растянутый во времени, отток в возрасте после получения образования (второй, сглаженный пик) до возраста создания семьи и обзаведения детьми. После этого доля участвующих в миграции снижается.

Однако в данной группе есть регионы, немного отличающиеся по возрастному распределению выбывших. Например, Красноярский край, имеющий небольшой третий пик выбытий в возрасте 50-60 лет. Этот внутренне очень неоднородный регион включает в свой состав южную территорию, мало отличающуюся по условиям жизни от соседних регионов юга Сибири (к ней принадлежит и г. Красноярск с крупным по российским меркам университетом и целым рядом других вузов), а также отнесенный к зоне Крайнего Севера двухсоттысячный Норильск и другие территории Крайнего Севера. Юг Красноярского края «отвечает» за выбытия в молодых возрастах, а север – в ранних пенсионных (что сближает профиль миграции с четвертой группой регионов, в основном северных), но доля севера в

населении края не так высока, чтобы кардинальным образом поменять общий возрастной профиль миграции.

Вторая группа представлена всего двумя, но очень значимыми на миграционном поле страны субъектами – г. Москвой и Московской областью. Здесь в потоке выезжающих практически нет молодежного пика, основной выезд осуществляется в широком промежутке возрастов от 20 до 40 лет. С одной стороны, это могут быть мигранты, «не прижившиеся» в столичном регионе, в том числе возвращающиеся после завершения профессионального образования в свои регионы (включая «фиктивные» выбытия – по мере прекращения срочной регистрации, например, на период обучения). С другой стороны, и на это косвенно указывает высокая доля детей в возрасте 0 лет среди выезжающих из Москвы, поток могут формировать семьи, переезжающие в другие регионы, в первую очередь в Московскую область, приурочившие рождение детей к изменению жилищных условий (например, покупке квартиры или дома в Московской области). Подобные процессы имеют большое распространение в западных странах [Plane, Heins 2003; Geist, McManus 2008; Swiaczny, Graze, Schloemer 2008; Plane, Jurjevich 2009] и начинают просматриваться в Московском столичном регионе [Мкртчян 2015; Махрова, Нефедова, Трейвиш 2012]. Одновременно из Московской области есть встречный поток.

Третья группа регионов не имеет четкой территориальной локализации, ее отличает более выраженный, чем по стране в целом, пик выезда в возрасте 18 лет и в «поствузовское» время, равно как и более сильный спад доли выбытий в более старших возрастах. К этой группе регионов относятся, например, Республики Башкортостан и Татарстан, Томская, Липецкая области, Республика Дагестан. Выбытия здесь связаны как с желанием молодежи учиться и работать в других регионах, так и с выездом после окончания учебы в другие регионы страны ранее прибывших мигрантов (самый яркий пример – Томская область, рынок труда которой не может абсорбировать большую часть выпускников вузов, они возвращаются в свои регионы или в регионы, где есть рабочие места, соответствующие полученному профилю образования [Замятина 2012]).

Республика Тыва по возрастному профилю выбытий снова не похожа на другие регионы России, ее отличает острый пик выбытий в возрастах 18-25 лет и последующий резкий спад оттока. Близки к ней по виду профиля Республики Ингушетия и Алтай, здесь среди выбывающих также очень высока доля молодежи.

Четвертая группа объединяет северные регионы страны – от Мурманской области на западе до Сахалинской области и Чукотского АО на востоке. Важнейшая отличительная особенность распределения выбывших из этих регионов (рисунки 5, 6) – наличие третьего пика выбытий в возрастах от 50 до 65 лет, не уступающего по мощности пикам в молодых возрастах. Население российского Севера, сформированное в основном мигрантами в первом поколении, по наступлении пенсионного возраста (а в этих регионах срок выхода на пенсию у многих на 5-10 лет раньше, чем в целом по стране) активно выезжает в другие регионы страны, в том числе на территории с более благоприятными природно-климатическими условиями, возвращается в места своего проживания до переезда на север [Замятина 2014]. Такого значимого пика выезда в старших возрастах, кроме регионов Севера, больше нет нигде в России.

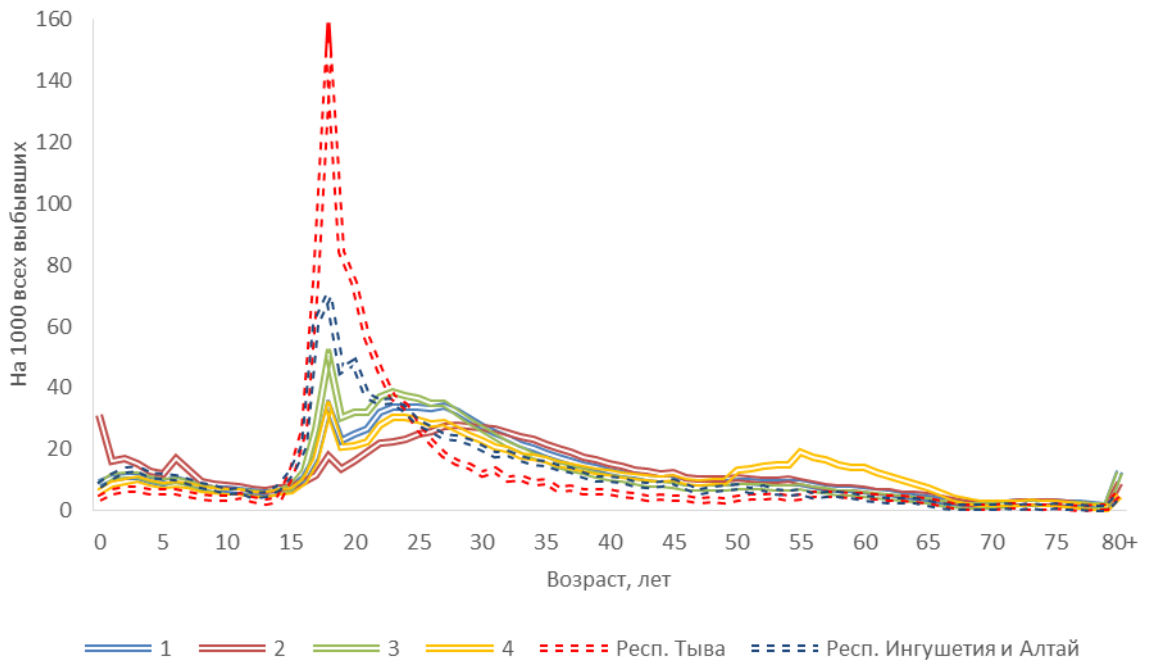

Рисунок 5. Выбывшие по однолетним возрастным группам в суммарном числе выбывших из региона, четыре группы регионов, в среднем за 2011-2015 гг., на 1000

Источник: Расчеты авторов на основе данных Росстата.

Примечания: Республики Тыва, Ингушетия и Алтай не принадлежат ни к одной из групп.

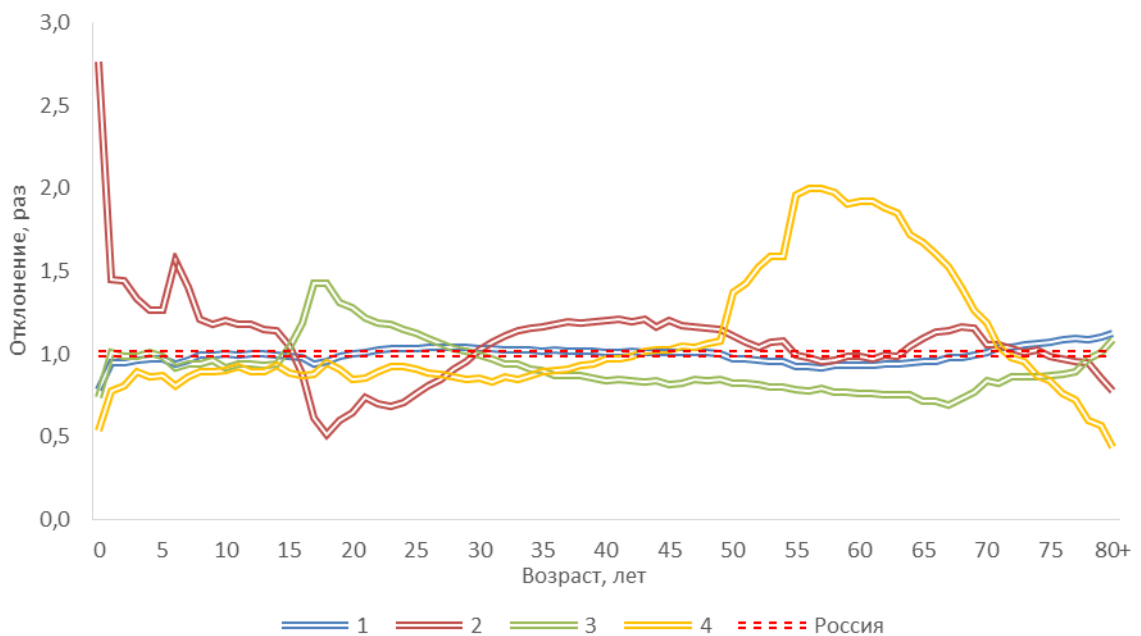

Рисунок 6. Отклонение долей выбывших в соответствующих возрастах от средних значений по России по четырем группам регионов

Источник: Расчеты авторов на основе данных Росстата.

Примечание: По оси абсцисс – Возраст, лет, по оси ординат – Отклонение, раз.

Таким образом, возрастное распределение мигрантов, участвующих во внутренней межрегиональной миграции, имеет существенные различия по регионам. В отдельных регионах пики прибытий в молодых возрастах могут сопровождаться еще более выраженным пиком убытий в том же возрасте или с небольшим лагом (как, например, в Томской области). Большая доля в потоке прибытий лиц молодых трудоспособных возрастов может сопутствовать их не менее активному оттоку как реальному (промывной режим миграции), так и фиктивному, связанному с окончанием срока временной регистрации, не всегда сопровождающемуся реальным возвращением в регион выхода. Приток в молодых возрастах может через много лет вести к активному выезду в старших трудоспособных и молодых пенсионных возрастах (так происходит в регионах российского Севера). Практически однонаправленный поток молодежи в Москву и Санкт-Петербург по мере взросления сменяется разнонаправленным движением: это может быть возврат к месту прежнего жительства или переезд в пристоличные области, на периферию крупнейших в стране агломераций и циркулярное движение в их пределах.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

В данной статье мы попытались описать региональные особенности возрастного распределения межрегиональных миграционных потоков. Но даже этот первый анализ позволяет сделать некоторые выводы, наметить пути перспективных исследований. В последние годы появляются работы, посвященные анализу миграции молодежи, но пока совершенно не изучены применительно к России вопросы пространственной мобильности иных возрастных групп населения. Этому есть свои объяснения. Действительно, по сравнению с молодежной миграцией, потоки, например, лиц пожилого возраста могут показаться незначимыми, но это так, только если смотреть на данные по стране в целом. В отдельных регионах этот вид миграции оказывается вполне сопоставимым по интенсивности с балансом иных возрастных групп. По отношению к убытиям – это северные регионы страны; соответственно большей, чем в других субъектах, долей пожилых в прибытиях отличаются регионы Центра, Юга и Северо-Запада.

Демографическое и социально-экономическое влияние миграции населения разных возрастов на регионы заметно различается. В регионах с ярко выраженным молодежным притоком миграция ведет к омолаживанию населения и необходимости подстройки социальной инфраструктуры под нужды и потребности молодых. В других ускоренный выезд молодых мигрантов по отношению к переселенцам других возрастов, наоборот, способствует более быстрому постарению населения регионов. Ускоренный рост численности и доли старших возрастов в регионах может быть вызван также преферентным притоком в них пожилого населения. Наконец, встречаются регионы, в которых наблюдается комбинация усиленного притока мигрантов самых активных трудоспособных возрастов с оттоком пожилых.

Как мы и ожидали, анализ показал, что различия между регионами – даже расположенными относительно недалеко друг от друга – недооцениваются. Например, северная дислокация вовсе не однозначно маркирует регионы как притягивающие

население преимущественно активных трудоспособных возрастов. Достаточно неожиданным, например, был «старый» профиль прибытий в Чукотский АО.

Проведенный нами анализ также показал, что многие регионы страны внутренне неоднородны (как в рассмотренном примере с Красноярским краем). На региональном уровне мы не можем видеть, насколько различен по возрастной составляющей баланс миграции региональных центров и внутрирегиональной периферии, отдельных (северных или южных, западных или восточных) частей регионов. Ощущаются только некоторые контуры этой неоднородности, прежде всего в тех регионах, где региональные центры составляют значительную долю в населении региона. Впрочем, рассмотрение этих вопросов – предмет самостоятельного исследования.

ЛИТЕРАТУРА

- Андреев Е.М. (2012). О точности результатов российских переписей населения и степени доверия к разным источникам информации // Вопросы статистики. 11: 21-35.
- Варшавская Е.Я., О.С. Чудиновских (2014). Миграционные планы выпускников региональных вузов России // Вестник Московского университета. Сер. 6: Экономика. 3: 36-58.
- Гридасов Г.Н., Н.О. Захарова, Е.С. Балужева (2011). Сравнительный анализ динамики миграционного прироста пожилого населения Самарской области // Успехи геронтологии. 24. 4: 707-712.
- Дементьева С.В., Е.В. Гиниятова (2012). Учебная миграция в Томский политехнический университет: механизм и практики эффективной адаптации // Известия Томского политехнического университета. Инжиниринг георесурсов. 321. 6: 187-190.
- Доклад о развитии человека 2009 (2009). Преодоление барьеров: человеческая мобильность и развитие. ПРООН.
- Ермаков С.П., С.Ю. Никитина (2015). Возрастные особенности миграции населения в субъектах Российской Федерации в 2000-2010 гг. // Народонаселение. 3: 15-29.
- Замятина Н.Ю. (2012). Метод изучения миграций молодежи по данным социальных интернет-сетей: Томский государственный университет как центр производства и распределения человеческого капитала (по данным социальной интернет-сети ВКонтакте) // Региональные исследования. 2: 15-29.
- Замятина Н.Ю. (2014). Социальная лесотундра: географическая подвижность как элемент семейных траекторий жителей северных городов (на примере Норильска и Дудинки) // Неприкосновенный запас. 5 (97): 189-208.
- Захаров С.В., Е.И. Иванова (1996). Региональная дифференциация рождаемости в России: 1959 – 1994 // Проблемы прогнозирования. 4: 109-130.
- Катровский А.П. (1999). Учебная миграция в вузы России: факторы и мотивация // Миграция и урбанизация в СНГ и Балтии в 90-е годы / Под ред. Ж.А. Зайончковской. М.: Совет по миграциям стран СНГ, Центр демографии и экологии человека: 269-276.
- Кашницкий И.С., Н.В. Мкртчян, О.В. Лешуков (2016). Межрегиональная миграция молодежи в России: комплексный анализ демографической статистики // Вопросы образования. 3: 169-203.

- Махрова А., Т. Нефедова, А. Трейвиш (2012). Москва: мегаполис? агломерация? мегалополис? // Демоскоп Weekly. 517-518. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2012/0517/demoscope517.pdf> (дата обращения 02.10.2016).
- Мкртчян Н.В. (2013). Миграция молодежи в региональные центры России в конце XX – начале XXI века // Известия РАН. Сер. География. 6: 19-32.
- Мкртчян Н.В. (2014). О влиянии миграции на возрастной состав населения регионов, городов и районов России // Научные труды ИНИ РАН. М.: МАКС Пресс: 381-396.
- Мкртчян Н.В. (2015). Миграция в Москве и Московской области: региональные и структурные особенности // Региональные исследования. 3: 107-116.
- Мкртчян Н.В. (2011). Динамика населения регионов России и роль миграции: критическая оценка на основе переписей 2002 и 2010 гг. // Известия РАН. Сер. География. 5: 28-42.
- Моисеенко В.М., О.С. Чудиновских (2000). Миграционные потоки пожилого населения в России // Психология зрелости и старения. 1: 28-35.
- Население России 2001 (2002). Девятый ежегодный демографический доклад / Отв. Ред. А.Г. Вишневский. М.: КД «Университет»: 47-50.
- Население России 2012 (2014). Двадцатый ежегодный демографический доклад / Отв. ред. А.Г. Вишневский. М.: Изд. дом Высшей школы экономики: 309-317.
- Рахманова Г. (1994). Возрастные профили миграции в России и ее регионах: 80-е и начало 90-х гг. // Миграционные процессы после распада СССР. Программа по исследованию миграции. Вып. V / Науч.ред. Ж.А. Зайончковская. М.: 82- 113.
- Тарасова Е.В. (2013). Особенности миграции населения старше трудоспособного возраста в Алтайском крае // Социальная интеграция и развитие этнокультур в Евразийском пространстве. 1: 150-153.
- Флоринская Ю.Ф., Т.Г. Рощина (2008). Оценка уровня миграционной мобильности молодежи малых российских городов (по опросам выпускников школ) // Проблемы прогнозирования. 3: 125-139.
- Чихичин В.В. (2014). Учебная миграция на Северном Кавказе: причины, география и возможные проблемы // Наука. Инновации. Технологии. 2: 161-178.
- Чудиновских О.С. (2005). Учет миграции в России: причины и последствия кризиса // Демоскоп Weekly. 185-186. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2005/0185/analit03.php> (дата обращения 01.10.2016).
- Чудиновских О.С., М.Б. Денисенко (2003). Где хотят жить выпускники российских вузов? // Демоскоп Weekly. 119-120. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2003/0119/tema01.php> (дата обращения 01.10.2016).
- Эмбрехт Р.В. (2011). Роль образовательной миграции в демографическом развитии Томской области (2000-2009 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 348: 76-79.
- Amcoff J., E. Westholm (2007). Understanding rural change - demography as a key to the future // Futures. 39 (4): 363-379.
- Biddle N., S. Prout (2009). The geography and demography of Indigenous temporary mobility: an analysis of the 2006 census snapshot // Journal of population research. 26: 305–326. DOI 10.1007/s12546-010-9026-1.

- Fuguitt G., T. Heaton (1995). The impact of migration on the nonmetropolitan population age structure, 1960-1990. // *Population research and policy review*. 14: 215-232.
- Geist C., P. McManus (2008). Geographical mobility over the life course: motivations and implications // *Population, space and place*. 14: 283-303. DOI: 10.1002/psp.508.
- Kalogirou S. (2005). Examining and presenting trends of internal migration flows within England and Wales // *Population, space and place*. 11: 283-297. DOI: 10.1002/psp.376.
- Kashnitsky I. S., N.V. Mkrtchyan (2014). Russian periphery is dying in movement: a cohort assessment of Russian internal youth migration based on census data. NIDI working papers. 14.
- Little J., A. Rogers (2007). What can the age composition of a population tell us about the age composition of its out-migrants? // *Population, space and place*. 13: 23-29. DOI: 10.1002/psp.440.
- Millington J. (2000). Migration and age: the effect of age on sensitivity to migration stimuli // *Regional studies*. 34 (6): 521-533.
- Pittenger D.B. (1974). A typology of age-specific net migration rate distributions // *Journal of the American institute of planners*. 40 (4): 278-283, DOI: 10.1080/01944367408977480.
- Plane D., F. Heins (2003). Age articulation of U.S. inter-metropolitan migration flows // *The annals of regional science*. 37: 107-130.
- Plane D., J. Jurjevich (2009). Ties that no longer bind? The patterns and repercussions of age-articulated migration // *The professional geographer*. 61(1): 4-20. DOI: 10.1080/00330120802577558.
- Rogers A., L. Castro (1981). Model migration schedules // Research report RR-81-30, IIASA, Laxenburg, Austria.
- Rogers A., L. Castro (1986). Migration // *Migration and settlement. A multiregional comparative study* / Rogers A. and F. Willekens, eds. Dordrecht: Reidel Publ.: 157-208.
- Smith P. W. F., J. Raymer, G. Corrado (2010). Combining available migration data in England to study economic activity flows over time // *Journal of the royal statistical society*. 173 (4): 733-753.
- Swiaczny F., Ph. Graze, C. Schloemer (2008). Spatial Impacts of demographic change in Germany — urban population processes reconsidered // *Zeitschrift für Bevölkerungswissenschaft*. 33 (2):181—206.
- Wilson T. (2010). Model migration schedules incorporating student migration peaks // *Demographic research*. 23: 191-222.

INTERREGIONAL MIGRATION IN RUSSIA: AGE CHARACTERISTICS

LILIYA KARACHURINA, NIKITA MKRTCHYAN

The paper analyses the age structure of internal migration across Russian regions. We use data on the age of interregional migrants in the regions of Russia in 2011-2015 given for one-year age groups and data on the population size of the Russian regions by one-year age groups.

The regions were grouped into clusters (by the ratio of arrivals/departures per age group to the total number of migrants) using the method of k-means clustering with SPSS. The results of the analysis indicate that, as in other countries, the peak of migration is observed at young ages, which is explained by mass enrollment of school graduates in institutions of higher education. As people become older, their migration activity declines. In some cases, regions experience another migration peak in young old age groups: after retirement, people may move to a place more appropriate for 50-60-year-olds or return to their previous place of residence.

The analysis also revealed significant variations in age patterns of interregional migration, both for inflows (arrivals) and outflows (departures). These differences mainly concern the level of the migration peak at young ages and the presence of additional migration peaks at other ages.

Key words: age, migration, inter-regional migration, the age profile, regions of Russia.

LILIYA KARACHURINA (lkarachurina@hse.ru), NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS, RUSSIA.

NIKITA MKRTCHYAN, NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS, RUSSIA.

THE RESULTS OF THE PROJECT "DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT IN RUSSIA IN 2005-2015 IN THE CONTEXT OF LONG-TERM TRENDS", CARRIED OUT WITHIN THE FRAMEWORK OF THE BASIC RESEARCH PROGRAM AT THE NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS (HSE) IN 2016, ARE PRESENTED IN THIS PAPER.

DATE RECEIVED: SEPTEMBER 2016.

REFERENCES

- Amcoff J., E. Westholm (2007). Understanding rural change - demography as a key to the future // *Futures*. 39 (4): 363-379.
- Andreev E.M. (2012). O tochnosti rezul'tatov rossiyskikh perepisey naseleniya i stepeni doveriya k raznym istochnikam informatsii [On accuracy of Russia population censuses results and level of confidence in different sources of information] // *Voprosy statistiki* [Problems in statistics]. 11: 21-35.
- Biddle N., S. Prout (2009). The geography and demography of Indigenous temporary mobility: an analysis of the 2006 census snapshot // *Journal of population research*. 26: 305-326. DOI 10.1007/s12546-010-9026-1.
- Chihichin V.V. (2014). Uchebnaya migratsiya na Severnom Kavkaze: prichiny, geografiya i vozmozhnye problem [Study migration in the North Caucasus: the causes, geography and potential problems] // *Nauka. Innovatsii. Tekhnologii* [Science. Innovation. Technologies]. 2: 161-178.
- Chudinovskih O.S. (2005). Uchet migratsii v Rossii: prichiny i posledstviya krizisa [The accounting of migration in Russia: reasons and consequences of the crisis] // *Demoscope*

- Weekly. 185-186. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2005/0185/analit03.php> (accessed 01.10.2016).
- Chudinovskih O.S., M.B. Denisenko (2003). Gde khotyat zhit' vypuskniki rossiyskikh vuzov? [Where graduates of the Russian higher education institutions want to live?] // Demoscope Weekly. 119-120. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2003/0119/tema01.php> (accessed 01.10.2016).
- Dement'eva S.V., E.V. Ginijatova (2012). Uchebnaya migratsiya v Tomskiy politekhnicheskiy universitet: mekhanizm i praktiki effektivnoy adaptatsii [Study migration in Tomsk polytechnic university: the mechanism and practice of effective adaptation] // Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta. Inzhiniring georesursov [Bulletin of the Tomsk polytechnic university. Engineering georesources]. 321. 6: 187-190.
- Ermakov S.P., S.Ju. Nikitina (2015). Vozrastnye osobennosti migratsii naseleniya v sub"ektakh Rossiyskoy Federatsii v 2000-2010 gg. [Age characteristics of migration in the Russian Federation in 2000-2010 years] // Narodonaselenie [Population]. 3: 15-29.
- Florinskaja Ju.F., T.G. Roshhina (2008). Otsenka urovnya migratsionnoy mobil'nosti molodezhi malykh rossiyskikh gorodov (po oprosam vypusknikov shkol) [Evaluation of migration youth mobility of small Russian cities (surveys of school leavers)] // Problemy prognozirovaniya [Studies on Russian economic development]. 3: 125-139.
- Fuguitt G., T. Heaton (1995). The impact of migration on the nonmetropolitan population age structure, 1960-1990. // Population research and policy review. 14: 215-232.
- Geist C., P. McManus (2008). Geographical mobility over the life course: motivations and implications // Population, space and place. 14: 283-303. DOI: 10.1002/psp.508.
- Gridasov G.N., N.O. Zaharova, E.S. Balueva (2011). Sravnitel'nyy analiz dinamiki migratsionnogo prirosta pozhilogo naseleniya Samarskoy oblasti [A comparative analysis of the dynamics of migration growth of the elderly population of the Samara region] // Uspekhi gerontologii [Advances in gerontology]. 24. 4: 707-712.
- Human Development Report 2009 (2009). Overcoming barriers: Human mobility and development. UNDP.
- Jembreht R.V. (2011). Rol' obrazovatel'noy migratsii v demograficheskom razvitii Tomskoy oblasti (2000-2009 gg.) [The role of educational migration in the demographic development of the Tomsk Region (2000-2009)] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Tomsk state university]. 348: 76-79.
- Kalogirou S. (2005). Examining and presenting trends of internal migration flows within England and Wales // Population, space and place. 11: 283-297. DOI: 10.1002/psp.376.
- Kashnickij I.S., N.V. Mkrтчjan, O.V. Leshukov (2016). Mezhtse regional'naya migratsiya molodezhi v Rossii: kompleksnyy analiz demograficheskoy statistiki [Interregional migration of youth in Russia: complex analysis of demographic statistics] // Voprosy obrazovaniya [Educational studies]. 3: 169-203.
- Kashnitskiy I. S., N.V. Mkrтчyan (2014). Russian periphery is dying in movement: a cohort assessment of russian internal youth migration based on census data. NIDI working papers. 14.
- Katrovskij A.P. (1999). Uchebnaya migratsiya v vuzy Rossii: faktory i motivatsiya // Migratsiya i urbanizatsiya v SNG i Baltii v 90-e gody [Educational migration in higher education institutions of Russia: factors and motivation] // Migratsiya i urbanizatsiya v SNG i Baltii v 90-e gody [Migration and urbanization in the CIS and the Baltic States in the 90th years] / Zh.A.

- Zajonchkovskaya, ed. Moscow: Sovet po migratsiyam stran SNG, Tsentr demografii i ekologii cheloveka: 269-276.
- Little J., A. Rogers (2007). What can the age composition of a population tell us about the age composition of its out-migrants? // *Population, space and place*. 13: 23-29. DOI: 10.1002/psp.440.
- Mahrova A., T. Nefedova, A. Trejvish (2012). Moskva: megapolis? aglomeratsiya? megalopolis? [Moscow: megalopolis? agglomeration? megalopolis?] // *Demoscope Weekly*. 517-518. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2012/0517/demoscope517.pdf> (accessed 02.10.2016).
- Millington J. (2000). Migration and age: the effect of age on sensitivity to migration stimuli // *Regional studies*. 34 (6): 521-533.
- Mkrтчjan N.V. (2011). Dinamika naseleniya regionov Rossii i rol' migratsii: kriticheskaya otsenka na osnove perepisey 2002 i 2010 gg. [The dynamics of the population of regions of Russia and the role of migration: a critical assessment on the basis of census 2002 and 2010] // *Izvestiya RAN [Proceedings of the Russian academy of sciences]*. Ser. Geografiya. 5: 28-42.
- Mkrтчyan N.V. (2013). Migratsiya molodezhi v regional'nye tsentry Rossii v kontse XX – nachale XXI veka [The migration of youth in the regional centers of Russia at the end of XX – the beginning of XXIst century] // *Izvestiya RAN [Proceedings of the Russian academy of sciences]*. Ser. Geografiya. 6: 19-32.
- Mkrтчyan N.V. (2014). O vliyaniy migratsii na vozrastnoy sostav naseleniya regionov, gorodov i rayonov Rossii [The effect of migration on the age structure of the population of the regions, cities and districts of Russia] // *Nauchnye trudy INP RAN [Scientific articles – Institute of economic forecasting Russian academy of sciences]*. Moscow: MAKS Press: 381-396.
- Mkrтчyan N.V. (2015). Migratsiya v Moskve i Moskovskoy oblasti: regional'nye i strukturnye osobennosti [Migration in Moscow and the Moscow region: the regional and structural features] // *Regional'nye issledovaniya [Regional studies]*. 3: 107-116.
- Moiseenko V. M., O.S. Chudinovskih (2000). Migratsionnye potoki pozhilogo naseleniya v Rossi [Migration flows of the elderly population in Russia] // *Psikhologiya zrelosti i stareniya [Psychology of a maturity and aging]*. 1: 28-35.
- Naselenie Rossii 2001 [Population of Russia 2001] (2002). Devyatyy ezhegodnyy demograficheskiy doklad [The ninth annual demographic report] / A.G. Vishnevskij, ed. Moscow: KD «Universitet»: 47-50.
- Naselenie Rossii 2012 [The population of Russia 2012] (2014). Dvadtsatyy ezhegodnyy demograficheskiy doklad [Ninth annual demographic report] / A.G. Vishnevskij, ed. Moscow: Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki: 309-317.
- Pittenger D.B. (1974). A typology of age-specific net migration rate distributions // *Journal of the American institute of planners*. 40 (4): 278-283, DOI: 10.1080/01944367408977480.
- Plane D., F. Heins (2003). Age articulation of U.S. inter-metropolitan migration flows // *The annals of regional science*. 37: 107–130.
- Plane D., J. Jurjevich (2009). Ties that no longer bind? The patterns and repercussions of age-articulated migration // *The professional geographer*. 61(1): 4-20. DOI: 10.1080/00330120802577558.

- Rahmanova G. (1994). Vozrastnye profili migratsii v Rossii i ee regionakh: 80-e i nachalo 90-kh gg. [The age profiles of migration in Russia and its regions: the 80th and the beginning of the 90th] // Migratsionnye protsessy posle raspada SSSR. Programma po issledovaniyu migratsii [Migratory processes after the collapse of the USSR. Program for a migration research]. Vyp. V / Zh.A. Zajonchkovskaja, ed. Moscow: 82- 113.
- Rogers A., L. Castro (1981). Model migration schedules // Research report RR-81-30, IIASA, Laxenburg, Austria.
- Rogers A., L. Castro (1986). Migration // Migration and settlement. A multiregional comparative study / Rogers A. and F. Willekens, eds. Dordrecht: Reidel Publ.: 157-208.
- Smith P. W. F., J. Raymer, G. Corrado (2010). Combining available migration data in England to study economic activity flows over time // Journal of the royal statistical society. 173 (4): 733–753.
- Swiaczny F., Ph. Graze, C. Schloemer (2008). Spatial Impacts of demographic change in Germany — urban population processes reconsidered // Zeitschrift für Bevölkerungswissenschaft. 33 (2):181—206.
- Tarasova E.V. (2013). Osobennosti migratsii naseleniya starshe trudosposobnogo vozrasta v Altayskom krae [Features of migration over the working age population in the Altai Territory] // Sotsial'naya integratsiya i razvitie etnokul'tur v Evrazijskom [Social integration and development of ethnocultures in Euroasian space]. 1: 150-153.
- Varshavskaja E.Ja., O.S. Chudinovskih (2014). Migratsionnye plany vypusknikov regional'nykh vuzov Rossii [Migration plans of graduates of regional higher education institutions of Russia] // Vestnik Moskovskogo universiteta [Bulletin of the Moscow university]. Ser. 6: Ekonomika. 3: 36-58.
- Wilson T. (2010). Model migration schedules incorporating student migration peaks // Demographic research. 23: 191-222.
- Zaharov S.V., Ivanova E.I. (1996). Regional'naya differentsiatsiya rozhdhaemosti v Rossii: 1959 – 1994 [Regional differentiation of birth rate in Russia: 1959 – 1994] // Problemy prognozirovaniya [Studies on Russian economic development]. 4: 109-130.
- Zamjatina N.Ju. (2012). Metod izucheniya migratsiy molodezhi po dannym sotsial'nykh internet-setey: Tomskiy gosudarstvennyy universitet kak tsentr proizvodstva i raspredeleniya chelovecheskogo kapitala (po dannym sotsial'noy internet-seti VKontakte) [The method of studying the migration of young people according to online social networks: Tomsk State University as the center of production and distribution of human capital (according to the Internet social network VKontakte)] // Regional'nye issledovaniya [Regional studies]. 2: 15-29.
- Zamjatina N.Ju. (2014). Sotsial'naya lesotundra: geograficheskaya podvizhnost' kak element semeynykh traektoriy zhiteley severnykh gorodov (na primere Noril'ska i Dudinki) [Social forest-tundra: geographical mobility as an element of the family trajectories of the northern urban population (on the example of Norilsk and Dudinka)] // Neprikosnovennyy zapas [The NZ library]. 5 (97): 189-208.

**ИСТОРИЧЕСКАЯ
ДЕМОГРАФИЯ**

**HISTORICAL
DEMOGRAPHY**

МЕЖДУНАРОДНАЯ МИГРАЦИЯ В РОССИИ (СССР) В КОНЦЕ XIX – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА

Часть первая. Международная миграция до 1914 г.

ВАЛЕНТИНА МОИСЕЕНКО

В истории международной миграции в России конца XIX – первой трети XX века можно выделить три периода – конец XIX в. - 1913 г., 1914-1922 гг. и 1923-1930 гг. Тенденции международной миграции в течение первого периода проявились в росте различных видов международной мобильности населения. Рассматриваются источники данных о международной миграции в России в то время. Увеличение масштабов движения российских подданных в европейские страны означало расширение базы для европеизации страны. Значительными были социальные функции миграции. В то же время увеличивавшаяся нелегальная эмиграция, в основном инородцев, стала частью потока эмигрантов из европейских стран за океан. Законодательство России, не признававшее изменение российского подданства, сохранилось до 1917 г. Как и в ряде европейских стран, последствия международной миграции в России состояли в оттоке населения из страны при сохранявшемся высоком уровне естественного прироста.

Ключевые слова: эмиграция, иммиграция, статистика внешнего пассажирского движения, российские подданные, иностранцы, заграничный паспорт, легитимационные билеты, плакатные паспорта, нелегальная эмиграция.

МЕЖДУНАРОДНАЯ МИГРАЦИЯ ДО 1914 Г.

Наряду с увеличением внутренней миграции (неземледельческого отхода крестьян на заработки в города, притока сельского населения в города на постоянное жительство, переселения крестьян за Урал), рост масштабов международной миграции в рассматриваемый период стал следствием и в то же время необходимым условием модернизации России. В условиях улучшения путей сообщения население России стало более активно совершать поездки в страны Западной Европы, а также включилось в масштабное движение из стран Западной Европы в США, Канаду, Аргентину, Бразилию, отчасти Южную Африку и Палестину. Цель нашего исследования – возможно глубже понять и интерпретировать тенденции международной миграции в России в конце XIX – начале XX века с помощью анализа разнообразных источников: статистических данных, взглядов современников, законодательства.

ВАЛЕНТИНА МИХАЙЛОВНА МОИСЕЕНКО (mvm.msu@gmail.com), Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Россия.

Статья поступила в редакцию в октябре 2016 г.

Тенденции международной миграции в странах Западной Европы привлекли внимание российских ученых в 1870-е годы (А.И. Васильчиков и др.). Ю.Э. Янсон проанализировал состояние учета, масштабы и состав эмиграции из Западной Европы за океан. Одним из первых в России он привлек внимание к обозначившемуся росту масштабов эмиграции из России в США [Янсон 1878: 139]. В начале 1890-х годов Ю.Э. Янсон определил движение населения из Европы как одно из важнейших мировых явлений «истории человечества в новейшее время» [Янсон 1892: 405, 410]. В конце XIX – начале XX века тенденции международной миграции нашли отражение в статьях Н. Рейтлингера, Д.И. Рихтера и других авторов, опубликованных в российских энциклопедиях и словарях. Существенный вклад в изучение международной миграции внес К.Г. Воблый, определивший эмиграцию из Западной Европы как процесс, имеющий громадное практическое значение. Как и другие статистики, К.Г. Воблый поставил задачу «скорейшей и точной организации учета эмиграции из России» [Воблый б. г.: 91, 104 -107, 111; 1924: 278].

При обсуждении вопросов эмиграции в начале XX века был поставлен вопрос об изменении эмиграционного законодательства в России (С.А. Яновский и др.).

В конце XIX века большинство европейских стран приняли законы, устанавливавшие свободу эмиграции и совместимые с организацией ее статистического учета. Для учета заатлантической миграции был принят упрощенный способ регистрации: в портах выбытия и прибытия [Майр 1901: 466]. Более точной считалась статистика иммиграции в портах США (в первую очередь в Нью-Йорке). Но, по сравнению с естественным движением, эмиграция учитывалась менее точно из-за неполной регистрации и трудностей разделения «собственно переселенцев» и «обычных путешественников». Для российских ученых статистический анализ стал «первым серьезным затруднением» в исследовании внешней миграции в России.

В то же время возраставший интерес к международной миграции подтвердили переписи населения крупных городов, прежде всего С.-Петербурга и Москвы, Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г., в рамках которой были получены сведения об иностранных подданных и уроженцах других государств. Но в начале XX века текущий учет позволял более полно и точно анализировать тенденции эмиграции и иммиграции. В России эти функции в известной мере выполняла статистика внешнего пассажирского движения.

СТАТИСТИКА ВНЕШНЕГО ПАССАЖИРСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Статистика перехода границы российскими и иностранными пассажирами была введена в России в 1828 г. [Оболенский (Осинский) 1928: 10-11]. Ведомственный характер статистики определил ее главную задачу - учет числа пассажиров, приехавших и пришедших в Россию и выехавших и ушедших из России. С середины 1870-х годов в составе пассажиров были выделены лица, имевшие заграничный паспорт [Покровский 1895: XXXII - XXXIII]. Затем эта категория пассажиров была разделена в зависимости от подданства в рамках статистики внешнего пассажирского движения. В конце XIX века Департамент таможенных сборов

организовал регистрацию выданных и завизированных заграничных паспортов и других заменяющих их документов. С этого времени материалы статистики внешнего пассажирского движения регулярно публикуются в «Ежегодниках России» (с 1911 г. «Статистических ежегодниках России») за 1904-1915 гг. в разделе «Движение населения». Из факта публикации следует, что ЦСК (Центральный статистический комитет) МВД России признал публикуемые материалы неким аналогом статистики международной миграции. Но использование термина «эмиграция», вопреки принятому широкому толкованию, было строго ограничено заокеанскими перемещениями. В «Ежегодниках» материалы статистики внешнего пассажирского движения комментировались С. Паткановым – членом Комитета ЦСК МВД России.

Рассмотрим состояние статистики внешнего пассажирского движения. По мнению современников, статистику внешнего пассажирского движения в России отличала полнота охвата пассажиров по сравнению с большинством стран Европы, где заграничные паспорта в рассматриваемое время были необязательны. Все подданные Российской империи, направлявшиеся сухопутным или морским путем через границы государства, независимо от срока, на который совершалось передвижение, должны были иметь при себе соответствующие документы. Особые правила получения заграничных документов, дифференцированные для различных слоев населения и территорий Российской империи, были сложными, что отображало особенности социально-пространственной структуры России. Такую оценку подтверждает раздел II «О паспортах заграничных, пропуске через границы и пограничных сообщениях» Устава о паспортах [Свод законов... 1903: т. XIV ст. 129-145].

Состояние статистики определяли исходные документы. Подданные России, выбывавшие за границу, должны были иметь один из трех документов: 1) заграничные паспортные книжки, обязательные для всех русских подданных, за исключением лиц, указанных в пп. 2 и 3; 2) легитимационные (краткосрочные) билеты, установленные для жителей пограничных губерний; 3) так называемые плакатные паспорта для крестьян, уходивших на сельскохозяйственные работы в Германию. Как видим, статистика внешнего пассажирского движения учитывала различные виды пространственного движения населения, за исключением так называемых «сообщений» - краткосрочного обмена населением между ближайшими пограничными районами.

Иностранцы, прибывавшие в Россию, были также обязаны иметь паспорта, которые необходимо было завизировать в русских консульствах мест отправления или у градоначальника в ближайшем губернском городе при въезде в Россию.

В числе особенностей статистики внешних пассажирских передвижений следует отметить учет числа передвижений, поскольку не исключалась возможность неоднократного пересечения границы в течение года.

Статистика внешних пассажирских передвижений не включала соответствующие данные Финляндии, где учитывались только прямые и обратные заокеанские перемещения. Кроме того, в ряде государств (Бухаре, Афганистане и др.) отсутствовала паспортная система.

Основной недостаток внешней пассажирской статистики состоял в том, что она не отражала значительную часть эмиграции из России, связанную с водворением населения в другом государстве. Такой недостаток статистики, по замыслу ЦСК, должны были восполнить иностранные источники: сведения о численности русских подданных, эмигрировавших в 1890-1902 гг. через порты Германии (Гамбург, Бремен, Штеттин (Щецин) и др.), и статистика иммиграции США, также публиковавшиеся в отдельных изданиях «Ежегодника». Отметим также, что не учитывались политические эмигранты, часть китайцев и др., нелегально переходившие государственную границу.

Отсутствие учета эмиграции в России объясняется законодательством Российской империи, отрицавшим возможность перемены российского подданства, что в рассматриваемое время отличало законодательство России от большинства европейских стран.

В числе других недостатков статистики внешнего пассажирского движения следует отметить крайне ограниченные сведения о составе пассажиров. ЦСК объяснял такой недостаток краткостью и неопределенностью сведений и признаков, содержащихся в заграничных документах пассажиров, включавших: 1) имя, отчество и фамилию; 2) пол; 3) подданство; 4) сословие или звание; 5) данные о лицах, принадлежащих к составу семьи или хозяйству владельца паспорта в случае, если они сопровождали его. Дополнительная разработка материалов, полученных на таможнях, показала, что отдельные сословия показывались подробно (князья, графы, бароны и др.), в то время как сведения о сословии (звании, занятии) и о составе семьи основной массы пассажиров заполнялись неточно. В итоге важные сведения о сословии (занятости и др.) были признаны «неопределенными». Так, по данным за 1902-1906 гг., в среднем за год, среди пассажиров было 5448 высокопоставленных лиц, 40155 человек среднего класса, 56471 человек, отнесенных к простому народу, рабочим. Но звание и положение 39639 человек было неизвестно [Патканов 1910: LXXII].

На основе отметок о времени въезда и выезда была определена средняя продолжительность пребывания за границей. В 1904-1905 гг. этот показатель составил 84 дня у мужчин и 109 дней у женщин [Патканов 1910: LXXII – LXXIII].

В итоге из пяти перечисленных выше пунктов и признаков, включенных в заграничные документы, достоверными у иностранных подданных были сведения о составе пассажиров по полу и подданству, у русских подданных – по полу. Поэтому статистика внешнего пассажирского движения в России отставала от стран Запада и, за исключением пола, не учитывала демографические характеристики.

Наконец, в числе недостатков данных о внешнем пассажирском движении следует отметить отсутствие информации о местах прибытия (выбытия) пассажиров, в первую очередь русских подданных. Такой недостаток не только влиял на достоверность сведений о численности и составе наличного населения, но не позволял определить включенность социально-демографических и этнических групп различных территорий в процесс международного обмена.

В предвоенные годы в оценку статистики внешнего пассажирского движения были внесены коррективы. По мнению ЦСК, в статистических сведениях о внешнем пассажирском движении в России отсутствовала «желаемая полнота»: часть пассажиров не оформляла никаких документов при пересечении государственной границы. Наибольший пробел в учете приходился на категорию лиц, выбывавших по заграничным паспортам. [Статистический ежегодник... 1913: 51].

И все же статистика внешнего пассажирского движения представляет несомненный интерес [Сифман 1977: 62-82]. Она характеризует внешние миграционные связи, важные для понимания социально-экономической динамики страны и общественной жизни России в начале XX века. Данные статистики внешнего пассажирского движения незаменимы при оценке драматических изменений, происшедших в международной миграции в РСФСР (СССР) в последующие десятилетия.

ТЕНДЕНЦИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ МИГРАЦИИ ПО ДАННЫМ ВНЕШНЕГО ПАССАЖИРСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Внешние миграционные потоки в начале XX века различались величиной, направлением, составом, целями пребывания в странах притока, географией поездок и т.д. Часть характеристик такого движения была в известной мере predetermined. Так, движение по плакатным паспортам означало строгую однозначность и замкнутость, охватывая движение определенной социальной группы.

К.Г. Воблый исследовал отхожие промыслы крестьян из Царства Польского и отчасти Юго-Западного края России в Пруссию. Население, пересекавшее границу по плакатным билетам, состояло в основном из поляков. В 1905 г. отход на заработки составил 397024 человека. Заработки в Пруссии позволяли расширять крестьянское хозяйство. Крестьяне получали опыт ведения интенсивного хозяйства и т.д. В рамках готовившегося Русско-Германского торгового договора предлагалось защитить интересы российских подданных на рынке труда, учитывая несправедливое, одностороннее со стороны Германии регулирование условий отхода российских подданных [Воблый 1914: 8, 13-16].

Накануне Первой мировой войны увеличились международные потоки сельскохозяйственных рабочих на заработки в Австрию и Германию за счет крестьян Привисленского края, северо-западных и отчасти юго-западных губерний Европейской России. Кроме этого, сельскохозяйственные рабочие из России, включая Украину, эмигрировали на 2-3 года в США. В результате под угрозой сокращения оказался рынок сельскохозяйственных рабочих на юге и юго-востоке Европейской России, перспективы которого вызывали беспокойство крупных землевладельцев этого региона [Полферов 1913: 46-48].

Движение второй группы внешних пассажиров (по легитимационным билетам) характеризует обмен населением приграничных районов России с подданными соседних государств. Экономическое и демографическое значение такого обмена современники недооценивали, что противоречило большой и быстро растущей величине этого движения, в основе которого были особенности состава населения ряда районов Европейской России,

где значительной была численность уроженцев других государств, показанных переписью 1897 г. К числу таких территорий относились Бессарабская, Винницкая, Санкт-Петербургская, Таврическая, Херсонская, Бакинская, Привисленские губернии и др. В данном случае речь идет о важной социальной функции миграции – поддержании родственных, соседских связей.

С демографической точки зрения важным было передвижение третьей группы - пассажиров с заграничными паспортами, в число которых входила эмигранты, легально покидавшие Россию, совершавшие деловые поездки, путешественники, лица, уезжавшие за границу на лечение, учебу и т.д. Структуру этих передвижений статистика не выявляла. Масштабы передвижения трех категорий внешних пассажиров показаны в таблице 1.

Таблица 1. Пассажирское движение между Россией и другими государствами по категориям внешних пассажиров за 1897- 1914 гг., тыс. человек

Год	Выбывшие				Прибывшие				Чистая миграция пассажиров, имевших заграничные паспорта
	по паспортам	по легитимным билетам	по плакатным билетам	всего	по паспортам	по легитимным билетам	по плакатным билетам	всего	
1897	399,6	3479,7	н/св.	3879,3	419,6	3452,1	н/св.	3871,7	20,0
1898	402,2	3664,5	н/св.	4066,8	416,7	3635,0	н/св.	4051,7	14,5
1899	407,0	3564,1	н/св.	3971,1	407,7	3520,6	н/св.	3928,3	0,7
1900	451,1	3507,6	н/св.	3958,7	443,2	3448,8	н/св.	3892,0	-7,9
1901	470,6	4269,9	н/св.	4740,4	484,6	4251,5	н/св.	4736,1	-14,0
1902	456,8	5121,2	н/св.	5577,9	489,4	5072,2	н/св.	5561,6	-32,6
1903	513,2	5374,0	н/св.	5887,2	493,8	5317,7	н/св.	5811,6	-19,4
1904	466,6	5604,0	н/св.	6070,6	421,8	5575,2	н/св.	5997,0	-44,8
1905	483,3	7101,0	н/св.	7584,3	394,3	6980,7	н/св.	7375,0	-89,0
1906	596,3	8199,0	н/св.	8795,3	536,7	8140,0	н/св.	8676,7	-59,6
1907	581,4	8515,8	542,1	9639,3	565,8	8423,0	511,5	9500,2	-15,6
1908	530,6	8233,2	569,6	9333,4	547,4	8186,2	553,0	9286,9	-16,8
1909	569,6	9825,9	513,1	10919,4	585,7	9815,2	498,1	11007,5	-16,1
1910	720,4	9580,3	636,8	10947,3	719,4	9481,2	633,9	10920,1	-1,0
1911	787,8	9808,3	740,0	11347,0	778,6	9767,4	736,7	11364,6	-9,2
1912	864,6	10604,0	793,7	12286,5	859,4	10591,5	766,5	12288,0	-5,2
1913	950,4	11229,9	849,8	13023,6	920,0	11273,2	856,9	13050,1	-30,4
1914	603,5	5876,3	645,8	7129,6	615,7	5831,6	252,0	6737,9	12,2

Источники: [Ежегодник...1905: 122-123; 1907: 109; 1908a: 94-95; 1908b: 113; 1911: 143; Патканов 1910: XXXV; Статистический ежегодник...1913: 27-28; 1914: 47-48; 1915: 28-29].

Представленные в таблице 1 данные позволяют сделать ряд выводов. Несмотря на отсутствие сведений о числе плакатных пассажиров за ряд лет, обращает внимание динамичный рост обмена населения России с другими странами, происходивший с конца XIX века вплоть до начала Первой мировой войны. Общее число прибывших и выбывших, пересекших российскую границу в конце XIX века, превысило 7 млн человек. В 1913 г. их было уже более 26 млн. Устойчивость движения подтвердили масштабы перемещения населения в кризисные 1904-1906 гг. Определяющим, судя по масштабам, было движение с легитимационными и плакатными документами, т.е. лиц, перемещавшихся на сравнительно небольшие расстояния и на сезон или относительно короткое время.

В 1897 г. миграционный оборот этой категории пассажиров (сумма прибывших и выбывших) составил 6931,8 тыс. человек (89,4% общего числа прибывших и выбывших). В 1913 г. этот показатель достиг 22503,1 тыс. (86,3%), т.е. оборот увеличился в 3,2 раза.

«Конкурентами» за второе место были две других категории пассажиров: выбывавшие и прибывавшие по плакатным билетам и заграничным паспортам. В 1907-1908 гг. масштабы передвижения этих групп сблизились, но число пассажиров с заграничными паспортами, увеличившееся в 1906 г., сократилось в 1907-1909 гг. В 1905 г. было зафиксировано наиболее неблагоприятное соотношение выбывших и прибывших - 1028 человек при средней величине этого показателя 1013 человек за 1901-1905 гг. Эти показатели отразили влияние революционных событий, беспокойной обстановки в России на рост эмиграции, отмеченный современниками [Схейен 2013: 170]. С 1910 г. число пассажиров, выбывших с заграничными паспортами, снова начало расти.

Более значимым было движение мигрантов с заграничными паспортами. Величина этой категории пассажиров, составлявшая в 1897 г. 819,2 тыс. человек, в 1913 г. выросла до 1870,4 тыс., т.е. в 2,3 раза. Такая динамика наглядно свидетельствует о расширявшихся внешних миграционных связях России и разнообразных причинах поездок. В то же время результатом движения этой группы стал в основном отрицательный миграционный прирост, резко возросший в 1904-1906 гг. В условиях высокой рождаемости отрицательный миграционный прирост не привлекал особого внимания. Заметим, что по данным упомянутой выше статистики перехода российской государственной границы за 1828-1915 гг., не учитывавшей нелегальную миграцию, миграционный прирост населения России был также отрицательным (- 4509495 человек) [Оболенский (Осинский) 1928: 10-11]. Таким образом, речь идет об устойчивом оттоке населения из России почти за столетний период.

Удельный вес мужчин в составе пассажиров, имевших паспорта, составил 73,3% (прибывших 75,7%) в 1907-1911 гг., легитимационные билеты – соответственно 55,9 и 55,8%, плакатные билеты – 56,3 и 57,3%. Относительно низким был удельный вес мужчин в составе иностранных подданных, выбывших из России через европейскую границу (в 1912 г. 49,7%), в то время как среди российских подданных этот показатель был 59,5%. [Статистический ежегодник... 1913: 51-52].

Динамику масштабов движения трех категорий пассажиров дополняют данные об их подданстве, показанные в таблице 2.

С начала XX века заметен рост числа российских подданных, пересекавших государственную границу, впрочем число иностранцев, прибывавших в Россию (или выбывавших из нее) также увеличивалось. В 1913 г. по сравнению с 1897 г. число выбывших за границу российских подданных выросло в 5,7 раза, прибывших – в 5,4 раза. За эти же годы рост числа иностранных подданных (выбывших и прибывших) составил 1,7 раза.

В целом с начала XX века в составе международных мигрантов преобладали русские подданные. В 1912 г. удельный вес русских подданных среди прибывших был 69,2%, среди выбывших – 68,3%, иностранцев – соответственно 30,8 и 31,7%.

Поскольку сведения о странах прибытия русских подданных отсутствуют, отметим преобладающую роль западного вектора - более 95% всех внешних поездок русских подданных были зарегистрированы на европейской границе.

Таблица 2. Состав пассажирского движения между Россией и другими государствами в зависимости от подданства за 1897-1913 гг., тыс. чел.

Год	Выбывшие			Прибывшие		
	русские подданные	иностранцы	всего	русские подданные	иностранцы	всего
1897	1605,9	2273,4	3879,3	1519,0	2352,8	3871,8
1898	1907,7	2159,0	4066,8	1809,0	2242,7	4051,7
1899	2156,1	1814,9	3971,1	2018,2	1910,1	3928,3
1900	2210,0	1748,7	3958,7	2080,7	1811,3	3892,0
1901	2273,7	2466,8	4740,4	2171,7	2564,4	4736,1
1902	2483,5	3094,5	5577,9	2372,1	3189,5	5561,6
1903	3002,8	2884,3	5887,1	2845,1	2966,5	5811,6
1904	3323,2	2747,3	6070,6	3195,0	2802,0	5997,0
1905	4240,5	3343,8	7584,3	4022,2	3352,8	7375,0
1906	5890,0	2905,3	8795,3	5751,0	2925,7	8676,7
1907	6292,4	2834,7	9097,1	6050,6	2938,1	8988,7
1908	6601,4	2732,0	9333,4	6573,4	2814,4	9387,8
1909	7495,9	3423,5	10919,4	7475,0	3532,5	11007,5
1910	7623,0	3324,3	10947,3	7545,0	3375,1	10920,1
1911	7894,7	3451,8	11346,5	7820,8	3543,8	11364,6
1912	8505,2	3781,4	12286,5	8391,9	3896,1	12288,0
1913	9124,2	3914,3	13038,5	9030,2	4098,5	13128,8

Источники: [Ежегодник... 1905: 122-123; 1907: 109; 1908а: 94-95; 1909: 113; 1910:76;

Статистический ежегодник... 1912: 22-25; 1913:27-28; 1914: 48-49; 1915: 28-29].

Данные таблиц 1 и 2 характеризуют рост международной мобильности различных категорий населения России, сочетавшейся с растущей привлекательностью России для подданных других государств. В основе двустороннего движения населения лежали расширявшиеся экономические, торговые и культурные связи России со странами Западной Европы, увеличение иностранных инвестиций в экономику России, значительное число уроженцев других государств, проживавших на территории Российской империи.

Число иностранных подданных, прибывших (выбывших) в Россию в начале XX века колебалось, но их структура, в первую очередь тех, кто был зарегистрирован на западной границе, была устойчивой. Среди иностранцев преобладали подданные Австро-Венгрии и Германии. Приведем данные, свидетельствующие о разнообразном по составу потоке иностранных подданных в России (таблица 3).

Как видим, в 1911-1912 гг. наиболее тесными были миграционные связи России с Австро-Венгрией и Германией, а также с Персией, Китаем и Турцией. Эта же тенденция просматривается в составе прибывавших (выбывавших) по легитимационным билетам, где доминировала Германия. Помимо значительных масштабов, движение иностранных подданных отличало положительное сальдо миграции. В отличие от отрицательного миграционного прироста движения российских подданных с паспортами, результаты движения иностранных подданных, имевших паспорта, были положительными (в 1911 г. – 58,5 тыс. человек, в 1912 г. – 70,4 тыс.). Приток населения в предвоенную Россию – страну

с низким уровнем социально-экономического развития, – зафиксированный статистикой внешнего пассажирского движения, примечателен.

Таблица 3. Распределение иностранных подданных, прибывавших через западную и восточную границы России, по категориям и подданству за 1911-1912 гг., тыс. чел.

Подданные	1911 г.						1912 г.					
	выбывшие			прибывшие			выбывшие			прибывшие		
	муж.	жен.	итого	муж.	жен.	итого	муж.	жен.	итого	муж.	жен.	итого
<i>А. Едущие по паспортам</i>												
1. Австро-Венгрии	60,2	25,8	86,0	64,3	29,0	93,3	58,2	29,5	87,6	63,7	31,2	94,9
2. Болгарии	8,2	0,6	8,8	8,6	0,6	9,2	12,0	0,6	12,6	8,3	0,7	9,0
3. Великобритании	6,6	3,6	10,2	7,5	4,1	11,6	7,5	4,1	11,6	8,4	4,9	13,3
4. Германии	47,3	27,3	74,6	51,3	39,5	80,6	54,3	31,3	85,6	57,6	34,5	92,2
5. Греции	3,3	0,6	3,9	3,8	0,7	4,5	3,6	0,6	4,2	3,2	0,6	3,8
6. Италии	1,7	0,8	2,5	2,0	0,8	2,8	2,5	1,4	3,9	2,7	1,3	4,0
7. Китая	53,7	0,6	54,3	46,8	1,0	47,8	47,3	1,7	49,0	62,6	1,5	64,2
8. Персии	50,5	4,6	64,5	78,1	6,1	84,2	69,2	6,2	74,3	95,1	8,2	103,3
9. Румынии	3,6	1,2	4,8	3,5	1,1	4,6	4,4	1,2	5,6	4,6	1,1	5,7
10. С.Ш.С. Америки	3,2	1,7	4,9	3,5	1,7	5,2	3,6	2,1	5,7	3,8	2,2	6,0
11. Турции	30,0	3,1	33,1	50,2	6,1	56,3	33,5	3,4	36,9	39,7	4,9	44,6
12. Франции	8,3	5,1	13,4	8,5	5,8	14,3	9,9	6,1	16,0	10,5	6,9	17,4
13. Швейцарии	2,0	1,0	3,0	2,2	1,2	3,4	3,5	2,2	5,7	3,6	2,4	6,0
14. Японии	3,3	0,7	4,0	4,4	0,8	5,2	2,5	0,6	3,1	3,9	0,9	4,8
15. Прочих гос-в	11,6	4,3	15,9	14,0	5,0	19,0	14,7	5,5	20,2	17,4	5,9	23,3
Итого	102681,2	81,2	383,9	348,7	93,6	442,3	325,5	96,7	422,2	385,1	107,3	492,5
<i>Б. Едущие по легитимным билетам</i>												
1. Австро-Венгрии	396,2	308,6	704,7	400,0	311,8	711,9	379,2	299,1	678,3	378,4	299,0	677,4
2. Германии	1083,9	1148,2	2232,0	1090,6	1153,5	2244,1	1121,5	1322,3	2442,8	1136,4	1327,6	2464,0
3. Китая	16,7	-	16,7	19,4	0,1	19,5	67,3	0,7	68,0	72,5	0,1	72,6
4. Персии	94,8	0,9	95,7	107,1	1,5	108,6	141,9	2,5	144,4	161,2	4,2	165,4
5. Румынии	4,8	1,8	6,6	5,3	1,9	7,2	6,3	2,5	8,8	6,7	2,6	9,3
Прочих государств	2,6	-	2,6	2,4	-	2,5	11,1	0,6	11,7	10,5	0,3	10,8
Итого	1588,9	1459,5	3058,4	1694,6	1469,0	3033,6	1727,3	1627,7	3355,1	1765,6	1633,8	3399,4
<i>В. Едущие без видов (Бухара, Афганистан)</i>												
Итого	9,2	0,3	9,5	7,8	-	7,8	4,1	0,1	4,2	4,2	-	4,2
Итого	1910,7	1541,1	3451,8	1981,1	1562,7	3543,8	2054,9	1724,5	3781,3	2154,9	1741,2	3896,1

Источники: [Статистический ежегодник... 1913: 29-30; 1914: 49-50].

Эмиграция. В отличие от статистики внешнего пассажирского движения, оставшейся практически невостребованной современниками, заокеанская эмиграция из России привлекла внимание своими характеристиками: ростом масштабов, устойчивостью, особенностями этнической структуры. Всего с 1821 по 1909 г. из России (включая Финляндию) прибыло в США 2329,7 тыс. человек, в том числе в 1821-1830 гг. – 91 человек, в 1831-1840 гг. – 606, в 1841-1850 гг. – 656, в 1851-1860 гг. – 1611, в 1861-1870 гг. – 4536, в 1881-1880 гг. – 52,3 тыс., в 1881-1890 гг. – 265,1 тыс., в 1891-1900 гг. – 593,7 тыс., в 1901-1909 гг. – 1410,5 тыс. За эти же годы из Великобритании прибыло в США 7582,1 тыс. человек, из Германии 5300,4 тыс., из Австро-Венгрии 2579,4 тыс. В итоге Россия заняла четвертое место среди стран Европы по численности иммигрантов в США. Часть эмиграции из России была временной, возвратной. Масштабы эмиграции стали особенно значительными в начале XX века. В 1902 г. эмигрировало 107,3 тыс. человек, в 1903 г. – 136,1 тыс., в 1904 г. – 145,1 тыс., в 1905 г. – 184,9 тыс., в 1906 г. – 215,7 тыс., в 1907 г. – 258,9 тыс., в 1908 г. – 156,7 тыс., в 1909 г. – 120,5 тыс. [Патканов 1911: 29, 32-33, 37]. Как

видим, увеличившаяся эмиграция в 1906 и 1907 гг., как и показатели внешнего пассажирского движения, подтвердили влияние на отток населения напряженной общественно-политической ситуации в стране. Успокаивая общественное мнение, называются «более слабые» масштабы эмиграции из России по сравнению с другими странами Европы. Вместе с тем трудно согласиться с другим «преимуществом»: в отличие от стран Европы, терявших в результате эмиграции «своих граждан господствующей народности», Россия «отпускала за океан лишь граждан нерусского происхождения» [Патканов 1911: 85].

Важнейшая особенность эмиграции из России состояла в преобладании в ней «инородцев». В 1901-1910 гг. в составе эмигрантов в США было 44,1% евреев, 27,2% поляков, 9,5% литовцев, 5,6% немцев, 8,1% финнов, русских было 4,7% (в основном духоборов и других сектантов). Наиболее интенсивной эмиграция была из финляндских и привисленских губерний [Статистический ежегодник... 1913: 42]. По официальным данным, среднегодовой доход еврейского ремесленника в 1900 г. составил 150-300 руб., крестьянина – 400-500 руб. 19% евреев были фактически пауперами, существуя за счет благотворительности своих соплеменников [Сборник материалов... 1903: т.1.: 35-39, т.2.: 226].

Этническая структура «разделила» взгляды современников на оценку последствий эмиграции. С одной стороны, налицо было стремление рассматривать эмиграцию как объективный процесс. Следствием такой позиции было предложение легализовать эмиграцию, изменив законодательство, организовать по европейскому образцу помощь эмигрантам в передвижении и т.д. Однако правительство, основываясь на опыте второй половины XVIII века, рассматривало Россию как страну *иммиграции* (курсив - С.Я. Яновского). Такой подход фактически отрицал объективные причины эмиграции из России. К тому же по времени эмиграция совпала с массовым переселением крестьян за Урал, потребовавшим значительных ресурсов и внимания. В итоге законодательство России по-прежнему допускало только «временное оставление родины».

Отрицательное отношение к легальной эмиграции означало большие социальные издержки, связанные с незаконным (нелегальным) перемещением населения через границы с помощью сети «тайных агентов». Первым актом, отразившим новое отношение к эмиграции, стало утвержденное 8 мая 1892 г. Положение Комитета Министров о деятельности Еврейского колонизационного общества в России, созданного еврейским филантропом Гиршем в Англии. Правила разрешали эмиграцию евреев целыми семьями, которые должны были покинуть Россию навсегда, без права возвращения, и т.д. Однако Правила не решили разнообразных вопросов, вызванных эмиграцией. Одним из важных направлений эмиграции в рассматриваемое время стала колонизация Палестины. Несмотря на некоторые послабления в получении заграничного паспорта, условия его получения, прежде всего удостоверения полицейского управления об отсутствии препятствий для отъезда, мало изменились.

«Неудивительно, что все эти затруднения, которыми обставлено получение заграничного паспорта, особенно для темного крестьянина или обывателя глухого местечка, вызывают к жизни в западной и южной России особый тип посредников, берущих

на себя все хлопоты, связанные с переходом границы. И в Западной Европе существуют такие посредники-«агенты»...В России деятельность агентов далеко не ограничивается продажей пароходных билетов: главной их функцией является снабжение эмигрантов паспортами...Если паспорт никак невозможно получить, то агент перевозит эмигранта через границу без паспорта» [Яновский 1909: 101-102].

Осенью 1907 г. междуведомственное совещание разработало проект «Положения об эмиграции». Проект учитывал новейшие принципы эмиграционного законодательства ряда стран Западной Европы: право на эмиграцию, помощь государства в его реализации и др. [Яновский 1909: 112-113]. Мы не встретили в литературе упоминания об изменении эмиграционного законодательства в России в предвоенные годы. Согласно Уложению о наказании, российские подданные карались за «недозволенное оставление отечества» в случае поступления за границей на иностранную службу без разрешения правительства, получения подданства иностранного государства, неявки на родину по вызову правительства, пребывания за границей больше определенного законами срока без достаточных причин, распространения среди населения заведомо ложных слухов о выгодах переселения за границу [Свод законов... 1916: Т. XV (ч.1-2): ст. 325-328].

Последствия невозможности перемены российского подданства были глубокими и многообразными. Они определяли масштабы нелегального перехода государственной границы и положение эмигрантов в странах иммиграции. В связи с тяжелым положением поляков и евреев из России в Англии предлагалось принять международный договор, регулировавший их положение [Рихтер 1904: 757-758]. В начале Первой мировой войны еврейская молодежь, прибывшая в Палестину (Эрец-Исраэль), не могла вступить в ряды английской армии, поскольку сохраняла российское подданство [Паттерсон 2014: 9].

Нелегальной эмиграции во многом способствовали также трудности и дороговизна заграничного паспорта для податных сословий. Так, для получения удостоверения полиции об отсутствии законных препятствий к отъезду за границу крестьяне должны были пройти пять инстанций (сельское общество, волостное и уездного управление и др.). В результате для значительной части «бедных людей» нелегальная эмиграция означала существенное сокращение затрат денег и времени на оформление заграничного паспорта. К тому же переход через западную границу России был «правильно организован» с помощью сети «тайных агентов» и «почти не представлял риска». Если совокупные расходы на получение заграничного паспорта официальным путем достигали 35-40 руб. (при стоимости паспорта 15 руб.), затраты времени – 1,5-2 месяца, то неофициальная стоимость перехода через границу была 3-5 руб. с человека.

Как видим, характерной чертой эволюции России в начале XX века стало усиливавшееся влияние международной миграции, проявившееся в возраставших масштабах обмена населением со странами Западной Европы, Азии, США и др., а также в притоке иностранцев из ряда европейских и азиатских стран в Россию. В начале XX века в процесс международной миграции были вовлечены широкие слои российского общества: высшие и средние европеизированные слои, крестьяне западных губерний, инородцы. В составе эмигрантов постепенно увеличивалась роль русских подданных. Тенденции международной миграции стимулировали обсуждение места России в общеевропейских

эмиграционных процессах, причин и последствий эмиграции. Для анализа международной миграции использовались данные о внешнем пассажирском движении, которые лишь частично решали задачу источников данных. Более точными были сведения об эмиграции из России, полученные в странах прибытия. Вместе с тем нерешенным вопросом оставалось состояние эмиграционного законодательства, свидетельствующее об отставании России в области прав личности. Характер международной миграции в начале XX века свидетельствует о противоречивости этого процесса: о важной роли международной миграции в процессе сближения России с Западной Европой в качестве условия модернизации страны, с одной стороны, а с другой – об отрицании объективного характера эмиграции в условиях кризиса национальной политики. Значительная эмиграция означала ее влияние на численность населения. В то же время увеличение масштабов движения российских подданных в европейские страны расширяло базу для европеизации страны, косвенно подтверждая поддержку частью населения, прежде всего высшими и средними слоями, европейского курса социально-экономического развития России.

ЛИТЕРАТУРА

- Воблый К.Г. (1914). Отход на заработки в Германию и русско-германский торговый договор // Труды Юго-Западного отделения Российской экспортной палаты. XI. Киев: 16 с.
- Воблый К.Г. (1924). Статистика. Пособие для учащихся и самообразования. 6-е изд., перераб. Киев: 278 с.
- Воблый К.Г. (б.г.). Заатлантическая эмиграция, ее причины и следствия. Опыт статистико-экономического исследования. Варшава: 195 с.
- Ежегодник России... (1905). Ежегодник России 1904 г. (год первый). СПб.: 122-129.
- Ежегодник России... (1907). Ежегодник России 1906 г. (год третий). СПб.: 103-111.
- Ежегодник России... (1908а). Ежегодник России 1907 г. (год четвертый). СПб.: 94-100.
- Ежегодник России... (1908b). Ежегодник России 1908 г. (год пятый). СПб.: 112-127.
- Ежегодник России... (1910). Ежегодник России 1909 г. (год шестой). СПб.: 142-169.
- Ежегодник России... (1911). Ежегодник России 1910 (год седьмой). СПб.: 142-169.
- Майр Г. (1901). Статистика и обществоведение. Пер. с нем. / 2. 2. Статистика населения. СПб.: 466 с.
- Оболенский (Осинский) В.В. (1928). Международная и межконтинентальная миграция в довоенной России и СССР. М.: 136 с.
- Патканов С. (1910) Внешнее пассажирское движение между Россией и другими государствами за период времени 1897-1907 г. // Ежегодник России 1909 г. (год шестой). СПб.: XXIX-СХІІІ.
- Патканов С. (1911). Иммиграция из России в Соединенные Штаты за десятилетие 1900-1909 гг. // Ежегодник России 1910 г. (год седьмой). СПб.: 94-100.
- Паттерсон Д.Г. (2014). С иудеями в палестинской компании. Пер. с англ. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге: 254 с.

- Покровский В.И. (1895). Краткий очерк внешней торговли и таможенных доходов России за 1856-1893 гг. СПб.: 34 с.
- Полферов Я.Я. (1913). Сельскохозяйственные рабочие руки. Статистико-экономический очерк. СПб.: 53 с.
- Рихтер Д. (1904). Эмиграция // Энциклопедический словарь. XLA / Ред. Ф.А. Бродгауз, И.А. Ефрон: 757-758.
- Сборник материалов... (1903). Сборник материалов об экономическом положении евреев в России. 1, 2. СПб: т.1: 411 с., т.2.: 390 с.
- Свод законов... (1903). Свод законов Российской империи. XIV. Устав о паспортах. СПб.: ст. 129-145.
- Свод законов... (1916). Свод законов Российской империи. XV (1-2). СПб.: ст.325-328.
- Сифман Р.И. (1977). Динамика численности населения России за 1897-1914 гг. // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. Сб-к статей / Под ред. А.Г. Вишневого. М.: Статистика: 62-82.
- Статистический ежегодник... (1914). Статистический ежегодник России. 1913 г. (год десятый). СПб.: 142-169.
- Схейен Ш (2013). Дягилев. «Русские сезоны навсегда». Пер. с нидерландского. М.: Колибри: 170 с.
- Яновский С.А. (1909). Русское законодательство и эмиграция // Журнал министерства юстиции. 4: 86-114.
- Янсон Ю.Э. (1878). Сравнительная статистика России и западноевропейских государств / 1. Территория и население. СПб.: 373 с.
- Янсон Ю.Э. (1892). Сравнительная статистика населения (Состав населения; брачность, рождаемость, смертность; механическое движение). СПб.: 446 с.

INTERNATIONAL MIGRATION IN RUSSIA (THE USSR) DURING THE END OF THE 19th – THE FIRST THIRD OF THE 20th CENTURY

Part 1. International migration in Russia before 1914

VALENTINA MOISEENKO

International migration in Russia (the USSR) during the end of the 19th – the first third of the 20th century can be divided into three periods: the end of the 19th century to 1914, 1914-1921 and 1922-1930. International migration trends during the first period took the form of an increase in different forms of international mobility of the population. The sources of data on international migration in Russia at the time are discussed. The increased scale of movement of Russian nationals to European countries widened the base for the Europeanization of Russia. The social functions of migration were significant. At the same time, increased illegal migration, mainly of non-ethnic Russians, became a part of the flow of European overseas migration. Russian legislation did not recognize the change of Russian citizenship until 1917. As in a number of European countries, in Russia the consequence of international migration consisted in the outflow of population from the country at a continuing high level of natural increase.

Key words: emigration, immigration, external passenger statistics, Russian citizens, foreigners, foreign passport, illegal migration.

VALENTINA M. MOISEENKO (mvm.msu@gmail.com), LOMONOSOV MOSCOW STATE UNIVERSITY, RUSSIA.

DATE RECEIVED: OCTOBER 2016.

REFERENCES

- Ezhegodnik Rossii... [Statistical yearbook of Russia...] (1905). Ezhegodnik Rossii 1904 g. (god pervyy) [Statistical yearbook of Russia 1905 (year first)]. Sankt-Peterburg: 122-129.
- Ezhegodnik Rossii... [Statistical yearbook of Russia...] (1907). Ezhegodnik Rossii 1906 g. (god tretiy) [Statistical yearbook of Russia 1906 (year third)]. Sankt-Peterburg: 103-111.
- Ezhegodnik Rossii... [Statistical yearbook of Russia...] (1908a). Ezhegodnik Rossii 1907 g. (god chetvertyy) [Statistical yearbook of Russia 1907 (year fourth)]. Sankt-Peterburg: 94-100.
- Ezhegodnik Rossii... [Statistical yearbook of Russia...] (1908b). Ezhegodnik Rossii 1908 g. (god pyatyy) [Statistical yearbook of Russia 1907 (year fourth)]. Sankt-Peterburg: 112-127.
- Ezhegodnik Rossii... [Statistical yearbook of Russia...] (1910). Ezhegodnik Rossii 1909 g. (god shestoy) [Statistical yearbook of Russia 1909 (year sixth)]. Sankt-Peterburg: 142-169.
- Ezhegodnik Rossii... [Statistical yearbook of Russia...] (1911). Ezhegodnik Rossii 1910 (god sed'moy) [Statistical yearbook of Russia 1910 (year tenth)]. Sankt-Peterburg: 142-169.
- Mair G. (1901). Statistika i obshchestvovedenie [Statistics and social science]. Per. s nem. [Translated from German.] / 2. 2. Statistika naseleniya [Population statistics]. Sankt-Peterburg: 466 p.
- Obolenskii (Osinskii) V.V. (1928). Mezhdunarodnaya i mezhkontinental'naya migratsiya v dovoennoy Rossii i SSSR [International and intercontinental migration in pre-war Russia and in the USSR]. Moscow: 136 p.

- Patkanov S. (1910). Vneshnee passazhirskoe dvizhenie mezhdru Rossiey i drugimi gosudarstvami za period vremeni 1897-1907 g. [External movement of passengers between Russia and other states in 1897-1907] // *Ezhegodnik Rossii 1909 g. (god shestoy)* [Statistical yearbook of Russia 1909 (the sixth year)]. Sankt-Peterburg: XXIX-CXIII.
- Patkanov S. (1911). Immigratsiya iz Rossii v Soedinennye Shtaty za desyatiletie 1900-1909 gg. [Immigration from Russia to United States during 1901-1909 y.] // *Ezhegodnik Rossii 1910 g. (god sed'moy)* [Statistical yearbook of Russia 1910 (the seventh year)]. Sankt-Peterburg: 94-100.
- Patterson J.H. (2014). S iudeyami v palestinskoy kompanii [With the Judeans in the Palestine campaign]. SPb.: Izdatel'stvo Evropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge: 254 p. Perevod s [transl. from]: Patterson J.H. (1922). With the Judeans in the Palestine campaign. Lieut.-Colonel, D.S.C. New York: The Macmillan Company.
- Pokrovsky V.I. (1895). Kratkiy ocherk vneshney torgovli i tamozhennykh dokhodov Rossii za 1856-1893 gg. [Brief essay of foreign trade and customs revenues in Russia during 1856-1893]. Sankt-Peterburg: 34 p.
- Polferov Ya.Ya. (1913). Sel'skokhozyaystvennyye rabochie ruki. Statistiko-ekonomicheskii ocherk [Agricultural manpower. Statistical-economic essay]. Sankt-Peterburg: 53 p.
- Richter D. (1904). Emigratsiya [Emigration] // *Entsiklopedicheskiy slovar'* [Encyclopedic dictionary]. XLA / F.A. Brokgauz, I.A. Efron, eds. Sankt-Peterburg: 757-758.
- Sbornik materialov... [Digest...] (1903). Sbornik materialov ob ekonomicheskom polozhenii evreev v Rossii [Collected data about economic position of Jews in Russia] / 1, 2. Sankt-Peterburg: t.1: 411 p., t. 2: 390 p.
- Sheijen S. (2013). Dyagilev. "Russkie sezony navsegda" [Traslated from Dutch "Diaghilev een leven voor de Kunst"]. Moscow: Kolibri: 170 p.
- Sifman R.I. (1977). Dinamika chislennosti naseleniya Rossii za 1897-1914 gg. [Dynamics of population in Russia in 1897-1914] // *Brachnost', rozhdzaamost', smertnost' v Rossii i v SSSR* [Marriage, fertility, mortality in Russia and in the USSR]. Sbornik statei [Collected papers] / A.G. Vishnevskiy, ed. Moscow: 62-82.
- Statisticheskii ezhegodnik... [Statistical yearbook...] (1914). Statisticheskii ezhegodnik Rossii. 1913 g. (god desyatyy) [Statistical yearbook of Russia. 1913 (the tenth year)]. Sankt-Peterburg: 142-169.
- Svod zakonov... [Code of laws...] (1903). Svod zakonov Rossiyskoy imperii [Code of laws of the Russian Empire]. XIV. Ustav o pasportakh [Passport statute]. Sankt-Peterburg: art.129-145.
- Svod zakonov... [Code of laws ...] (1916). Svod zakonov Rossiyskoy imperii [Code of laws of the Russian Empire]. XV (1-2). Sankt-Peterburg: art. 325-328.
- Vobly K.G. (1914). Otkhod na zarabotki v Germaniyu i russko-germanskiiy torgovyy dogovor [Seasonal migration for work to Germany and Russia-German trade agreement // *Trudy Yugo-Zapadnogo otdeleniya Rossiyskoy eksportnoy palaty* [Woks of the South-Western department of the Russian export chamber]. XI. Kiev: 16 p.
- Vobly K.G. (1924). Statistica. Posobie dlya uchashihsya i samoobrazovania. 6 izd., pererab. [Statistics guide for students and self-education. 6 ed. and revised]. Kiev: 278 p.
- Vobly K.G. (without date of publication). Zaatlanticheskaya emigratsiya, ee prichiny i sledstviya. Opyt statistiko-ekonomicheskogo issledovaniya [Transatlantic emigration, reasons and consequences. Experience of statistical-economical research]. Warsawa: 195 p.

Yanovskii S.A. (1909). Russkoe zakonodatel'stvo i emigratsiya [Russian legislation and emigration] //

Yanson Yu. E. (1878). Sravnitel'naya statistika Rossii i zapadnoevropeyskikh gosudarstv [Comparative statistics of Russia and Western states] / 1. Territoriya i naselenie [Territory and population]. Sankt-Peterburg: 373 p.

Yanson Yu.E. (1892). Sravnitel'naya statistika naseleniya (Sostav naseleniya; brachnost', rozhdaemost', smertnost'; mekhanicheskoe dvizhenie) [Comparative statistics of population (Structure of population, marriage, fertility, mortality: mechanical movement)]. Sankt-Peterburg: 446 p.

Zhurnal ministerstva yustitsii [Journal of the Ministry of Justice]. 4: 86 -114.

ЭПИДЕМИОЛОГИЧЕСКИЙ ПЕРЕХОД В РОССИИ: ВЗГЛЯД ИСТОРИКА

Владимир Исупов

В статье на основе главным образом архивных статистических данных, значительная часть которых впервые вводится в научный оборот, рассматриваются основные исторические тенденции динамики эпидемиологического перехода в России в XX столетии. Показаны особенности этого процесса в нашей стране. Доказано, что эпидемиологический переход в России имел несколько стартовых точек, которые не давали реального эффекта. Вскрыты причины такого рода фальстартов. Показано негативное воздействие факторов демографического характера на динамику процесса эпидемиологического перехода в России. Сделан вывод, что одной из важнейших и вместе с тем парадоксальных особенностей российской демографической истории XX века является тот факт, что эпидемиологический переход в тыловых районах страны развернулся только в годы Второй мировой войны.

Ключевые слова: эпидемиологический переход, смертность, причины смерти, половозрастной состав умерших, демографические катастрофы.

Демографическая история России, к изучению которой исследователи приступили сравнительно недавно, только после того, как были сняты некоторые идеологические «табу», полна неясных мест. Одно из таких неясных мест – исходная точка кардинальных перемен, именуемых демографическим переходом. Решение этой задачи усложняется тем, что демографический переход в России протекал в специфических условиях мощного давления государственных институтов на демографическую подсистему общества. Этот фактор, внешний по отношению к демографической подсистеме, не только придал демографической истории России особый характер, но и заметно исказил все демографические процессы.

Исследование воздействия факторов экзогенного характера на динамику народонаселения представляет особенно большой интерес для историков. И если для демографов, в том числе и для тех из них, кто изучает демографическую историю, предметом исследования является собственно воспроизводство населения, то для историков особенно важно связать воедино процесс воспроизводства населения в его ретроспективном измерении с социально-политическими и экономическими событиями. В этом, собственно, и заключается «взгляд историка».

В историко-демографической литературе высказана весьма перспективная, на наш взгляд, идея о прерывности процесса демографического перехода в России [Жиромская 2012]. Суть ее в том, что в первой половине XX столетия наша страна испытала несколько попыток развернуть демографический переход, но эти попытки заканчивались фальстартами, так как прерывались факторами экзогенного порядка. Разделяя в целом идею В.Б. Жиромской о прерывности демографического перехода в России, считаем нужным внести незначительное уточнение.

Владимир Анатольевич Исупов (Vladimir_2004_@mail.ru), Институт истории Сибирского отделения Российской Академии Наук, Россия.

Статья публикуется в рамках проекта РГНФ № 16-01000412 «Людской потенциал Сибири в условиях системной трансформации российского общества в XX веке».

Статья поступила в редакцию в сентябре 2016 г.

Концептуально демографический переход предполагает не только сокращение смертности, но и снижение рождаемости. Тенденция к снижению рождаемости сначала слабо, а затем все сильнее проявилась в России в конце XIX века. Внешние по отношению к демографической подсистеме исторические события (форсированная индустриализация, насильственная коллективизация, ускоренная урбанизация, голод, военные конфликты и войны) только подталкивали процесс снижения рождаемости. Рождаемость в России сокращалась скачкообразно: резкие её спады чередовались с не менее резкими подъемами, но общий тренд динамики рождаемости очевиден и выражен ее сокращением. Всякий раз, когда страна преодолевала очередной демографический кризис, уровень рождаемости оказывался ниже, чем до кризиса.

Стало быть, снижение рождаемости как важнейший компонент демографического перехода никогда не прекращалось, но воздействие экзогенных факторов придало прерывистый характер другому его узловому компоненту – изменениям смертности. В сущности именно повышенная смертность и замедленный процесс её снижения тормозили становление нового типа воспроизводства населения. Таким образом, речь должна идти не столько о демографическом переходе как целостном процессе, сколько об эпидемиологическом переходе. Его мерцающий характер стал не только важнейшей особенностью демографической истории России XX века, но и главным её парадоксом. Именно эпидемиологический переход несколько раз заканчивался фальстартами.

Как известно, эпидемиологический переход представляет собой феномен модернизации смертности на основе структурной перестройки причин смерти и соответственно кардинальных сдвигов в возрастном составе умерших. Это и лежит в основе увеличения продолжительности жизни. Но всякий раз, когда в России разворачивался процесс эпидемиологического перехода, страна в силу особенностей своей социально-политической истории оказывалась на пороге мощного кризиса, следствием которого оказывалось увеличение смертности, а в структуре причин смертности возрастал удельный вес экзогенного компонента. Таким образом, устаревший, в сущности, почти средневековый тип смертности консервировался. К несчастью, социальные кризисы и порождаемые ими демографические кризисы и катастрофы в истории России XX столетия происходили с «завидным» постоянством [Исупов 2000].

Возможно, начало первого эпидемиологического перехода в России следует датировать концом XIX – началом XX века. Но имеющиеся в распоряжении историков ограниченные статистические материалы не позволяют пока однозначно подтвердить или опровергнуть этот тезис. В концентрированном виде статистические материалы, содержащие сведения о динамике смертности в этот период демографической истории страны представлены в получившей широкую известность книге одного из «отцов-основателей» отечественной демографии С.А. Новосельского [Новосельский 1916]. Анализируя статистический материал, охватывающий период с 1890-х годов до 1913 г., он обратил внимание на заметное снижение общих коэффициентов смертности, на сокращение детской смертности, а также на незначительное, но все же увеличение средней продолжительности жизни. Причину этого явления С.А. Новосельский видел главным образом в уменьшении смертности от отдельных инфекционных заболеваний, в частности от скарлатины, дифтерии, кори, коклюша, оспы и тифов.

Вместе с тем С.А. Новосельский подчеркивал, что снижение смертности затронуло далеко не все группы населения. Так, смертность мужчин за период 1896-1897 – 1907-1908 гг. сократилась только в возрастных группах 0 – 15 и 25 – 35 лет. Во всех остальных возрастных группах мужского населения смертность увеличилась. Фиксирует демограф и рост смертности от туберкулеза и сифилиса, что в значительной степени определялось, по его мнению, стремительно развивающейся урбанизацией. Исходя из материалов, глубоко проанализированных С.А. Новосельским, не будет преувеличением утверждение, что бурный рост городского населения и явился тем фактором, который, если не отменял вовсе, то значительно замедлял течение эпидемиологического перехода.

Обращает на себя внимание и тот факт, что в начале XX столетия практически не изменилась величина средней продолжительности жизни населения России. Согласно расчету Б.Я. Смулевича, средняя продолжительность жизни в Российской империи за 1896-1897 – 1907-1910 гг. выросла всего на 0,5 года с 31,4 до 31,9 года у мужчин и с 33,4 до 33,9 года у женщин [Смулевич 1931: 137]. Характеризуя тенденции смертности в начале XX века, Б.С. Смулевич писал: «До революции смертность была почти стабильна» [Смулевич 1931: 137]. Однако нельзя не отметить, что в данном случае мы опираемся на выводы, представленные в докладе Б.С. Смулевича на Международном демографическом конгрессе в Риме, прошедшем в сентябре 1931 г. Возможно, необходимо делать поправку на политическую ситуацию, сложившуюся в СССР 1930-е годы. Но в любом случае, если эпидемиологический переход в Российской империи к концу XIX – началу XX века и развернулся, то процесс этот находился в самой зачаточной стадии.

Вместе с тем характер изменений, происходивших в демографической подсистеме России, не может однозначно оцениваться как эпидемиологический переход, а скорее являет собой накопление экономических, социальных, ментальных и других предпосылок для еще только предстоящего эпидемиологического перехода.

Начавшаяся в 1914 г. Первая мировая война не могла, по нашему мнению, отменить этот процесс. Как установлено [Максудов 1989; Кабузан 1994], в 1914 – 1917 гг. резкого повышения смертности не было. Мировая война не отменила, но замедлила темпы подготовки условий для будущего развертывания эпидемиологического перехода. Катастрофа произошла в годы революции и Гражданской войны с их социальным хаосом, распадом государственных и общественных институтов, крахом здравоохранения, эпидемиями сыпного и брюшного тифов, холеры и других инфекционных заболеваний.

Из-за полного разрушения статистического аппарата у нас нет сведений о параметрах смертности в годы революции и Гражданской войны. Но имеющиеся разрозненные данные свидетельствуют о резком и грубом подъеме смертности. Согласно данным, собранным В.З. Дробижевым, в 1920 г. на 1000 человек населения скончалось в Орле 73 человека, в Самаре – 94, в городах Ярославской губернии – 61, в городах Саратовской губернии – 57 человек [Дробижев 1987: 69]. Но все рекорды побил Томск, в котором в 1920 г., как свидетельствует очевидец, уровень смертности повысился до невообразимой величины – 103% [Сергеев 1923: 85]. Причиной, определившей катастрофические величины смертности, была эпидемия сыпного тифа. Уровень смертности оставался крайне высоким и в 1921 – 1922 гг., когда на страну обрушился

страшный голод. В условиях резкого повышения экзогенно детерминированной смертности об эпидемиологическом переходе не могло идти и речи. Процесс прервался.

Только после 1922 г. в ходе реализации новой экономической политики проявилась тенденция к постепенному преодолению демографической катастрофы. Это был период, когда на основе частично восстановленной (хотя и жестко контролируемой) рыночной экономики удалось в основном преодолеть последствия голода, улучшить материальное положение населения. Правительство, напуганное эпидемиями острозаразных заболеваний в годы Гражданской войны, улучшило финансирование здравоохранения, усилило санитарную деятельность. Эпидемии постепенно уходили в прошлое. Экзогенные факторы смертности, главным образом сыпной и брюшной тиф, туберкулез, дизентерия, воспаление легких, диарея и энтерит еще занимали ведущее место среди причин смерти населения, но сам процесс вытеснения их на периферию структуры причин смерти очевиден.

Своего рода «застрельщиками» процесса перестройки структуры причин смертности были крупные столичные города – Москва и Ленинград. Здесь здравоохранение и санитарная культура развивались динамичнее, чем в провинции. Так, если в Москве в 1926 г. на 1000 смертей приходилось 0,45 смертей от сыпного тифа, а в Ленинграде – 0,23, то в городах европейской части РСФСР – 1,76 смертей, от возвратного тифа – соответственно 0,26, 0,04 и 0,45 смертей, от коклюша – 6,12, 5,33 и 12,69 смертей, от дизентерии – 9,18, 15,50 и 17,74 смертей [Естественное движение... 1929: 26].

Итак, после окончания кровопролитной Гражданской войны обозначилась тенденция к снижению смертности. В 1923 г., согласно расчетам работников ЦСУ СССР, общий коэффициент смертности населения по 51 губернии РСФСР составлял 22,9‰. Не исключено, что этот показатель сильно занижен, но других данных обнаружить не удалось [Народное хозяйство... 1925: 40]. К 1926 г. общий коэффициент смертности в России сократился до 20,7‰, тогда как в 1913 г. он был существенно выше, составляя 32,4‰ [Население России... 1998: 84]. Ожидаемая продолжительность жизни в 1926 – 1927 гг. достигла у мужчин 40,2 года против 29,3 года в 1896 – 1897 гг., у женщин соответственно 45,6 против 31,7 года [Население России... 1998: 164]. Исходя из этого, можно утверждать, что первая в демографической истории нашей страны попытка полновесного эпидемиологического перехода документально фиксируется в относительно стабильный период НЭПа. Несомненно, это было только начало, но сам факт зарождения этого важнейшего процесса не вызывает сомнений.

Однако едва начавшись, эпидемиологический переход был грубо прерван. Он завершился демографической катастрофой, вызванной голодом начала 1930-х годов. Собственно, уже 1929 г., названный Сталиным «годом великого перелома», демонстрирует пример ухудшения всех параметров демографического развития. Но голод 1932 – 1933 гг. сопровождался необычно крутым подъемом инфекционной заболеваемости. Особенно резкий рост дал сыпной тиф. По сведениям советской медицинской статистики, в 1930 г. на 10 тыс. человек населения РСФСР было зарегистрировано 2,6 случая заболевания этой чрезвычайно опасной болезнью, в 1931 г. – 6,4, в 1932 г. – 18,3, в 1933 г. – 47,4 случаев. Таким образом, с начала голода в 1930 г. и до его максимального пика заболеваемость сыпным тифом увеличилась сразу в 18 раз. Помимо этого, в стране был зафиксирован рост

дизентерии, брюшного тифа, туберкулеза и других инфекций¹. По материалам ЦСУ РСФСР, опирающимся на врачебную регистрацию причин смерти городского населения (в сельской местности такой статистики не велось), удельный вес инфекционных заболеваний в составе причин смерти в 1933 г. составлял 21,4%, болезней органов дыхания – 11,8, желудочно-кишечных болезней – 18,4%². Таким образом, главными причинами смерти людей были болезни экзогенного происхождения. Среди них преобладали так называемые «детские инфекции», такие как скарлатина, дифтерия, коклюш. Много детей погибало от диареи и колитов. Соответственно смертность концентрировалась в младших возрастных группах. Среди горожан, скончавшихся в 1933 г., почти 34,6% смертей приходилось на возраст от 0 до 4 лет³. На самом деле удельный вес детей в составе умерших был значительно выше, но в данном случае мы сталкиваемся с феноменом недоучета смертности, вообще характерного для советской статистики голодных лет.

В итоге и без того низкая ожидаемая продолжительность жизни сокращалась. Согласно оценке Е.М. Андреева, Л.Е. Дарского и Т.Л. Харьковской общий коэффициент смертности в России к 1933 г. увеличился до 51‰, а ожидаемая продолжительность жизни понизилась у мужчин до 15,2 года, у женщин до 19,5 года [Андреев, Дарский, Харькова 1998].

Перед нами типичная картина, по существу, «средневековой» смертности, когда эпидемиологический переход представлял собой очень далекую перспективу. Из этого следует, что переворот в структуре смертности, собственно и означающий эпидемиологический переход, едва наметившийся в годы нэпа, был сорван в ходе форсированной индустриализации и насильственной коллективизации.

Очередная попытка эпидемиологического перехода фиксируется в демографической истории России во второй половине 1930-х годов, после преодоления очевидных последствий голода начала 1930-х. Но процесс этот оказался не только кратковременным, но и очень вялым. Скорее, это был не эпидемиологический переход как таковой, а восстановление демографических параметров докризисного периода. Вследствие этого «бега на месте» к концу 1930-х годов Россия по параметрам смертности оказалась в том же положении, что и в 1920-е годы. Но даже эти, в сущности, позитивные тенденции динамики демографической подсистемы российского общества так и не получили развития и не переросли в полноценный эпидемиологический переход. Они были прерваны Второй мировой войной. Общие коэффициенты смертности населения России в 1940 г. (20,6‰) оказались аналогичными показателям 1926 г. (20,7‰), а показатели детской смертности за эти годы даже выросли. В 1926 г. на 1000 родившихся умерло 180 младенцев в возрасте до 1 года, тогда как в 1940 г. – 205 младенцев [Население России... 1998: 84]. Причинами, уносившими большинство жизней в 1940 г., как и прежде были инфекционные и желудочно-кишечные болезни, а также заболевания органов дыхания.

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-630. Оп. 1. Д. 64. Л. 70.

² Там же. Ф. А-374. Оп. 23. Д. 224. Л. 54 – 54 об.

³ Там же.

В итоге самой результативной оказалась следующая, четвертая по счету, попытка эпидемиологического перехода. Но когда она возникла? В конце 1940-х – начале 1950-х годов, уже после завершения Второй мировой войны или ранее? Чтобы найти ответы на эти вопросы, были использованы данные текущего учета населения, который проводился в нашей стране в течение всей войны. Считается, что сбой в учете смертности и рождаемости в 1941 – 1944 гг. был столь глубоким, что выявить даже самое общее направление демографического развития не представляется возможным. Анализ конкретных архивных документов показал, что загсы на территориях СССР, не подвергавшихся оккупации, исправно работали в течение всей войны. Качество их работы даже повысилось. ЦСУ СССР, ЦСУ РСФСР и региональные (краевые, областные, автономно-республиканские) статистические управления регулярно оценивали численность населения, обрабатывали сведения загсов о естественном движении населения, а также материалы медицинской регистрации причин смерти в городах.

Если элиминировать боевые потери вооруженных сил и смертность в лагерях и колониях (смертность среди этих групп населения носит столь специфический характер, что требует особого, углубленного анализа), то статистических сведений для анализа демографические процессы среди гражданского населения тыловых районов вполне достаточно. Чтобы не повторяться и не перегружать статью излишней информацией, отсылаем читателя к нашей статье, специально анализирующей состояние статистических источников в РСФСР в военные годы [Исупов 2011].

Таблица 1. Воспроизводство населения РСФСР в годы Второй мировой войны

Год	На 1000 человек населения			Источник
	родилось	умерло	прирост	
1940	33,6	21,0	+12,6	ЦСУ СССР (без Нижне-Амурской и 2-х округов Камчатской области)
1941	33,3	24,4	+11,9	ЦСУ СССР (42 территории РСФСР)
1942	20,2	27,6	-7,4	ЦСУ СССР (38 территорий РСФСР)
1943	12,0	20,2	-8,2	ЦСУ СССР (48 территорий РСФСР)
1944	12,9	16,2	-3,3	ЦСУ СССР
1945	16,0	11,8	+4,2	ЦСУ СССР

По нашему мнению, статистические материалы, сосредоточенные в таблице 1, вполне достоверны. Если они и содержат погрешность, то в пределах, не искажающих наши представления об общем тренде динамики смертности. Изменения, произошедшие в воспроизводственных процессах в военные годы, необычны и парадоксальны. Для них характерны очень резкие колебания показателей. Смертность тылового населения России в 1941 – 1942 гг. резко выросла. Этот рост обуславливался условиями жизни военного времени, ухудшением материального обеспечения населения, трудностями здравоохранения и неудачно проведенной эвакуацией. Но обратим внимание на сокращение смертности после 1942 г. Её общие коэффициенты за 1942 – 1945 гг. сократились более чем вдвое. Это нечасто встречающийся феномен для страны, ведущей одну из самых кровавых и тяжелых войн в своей истории. Не менее важно указать на сокращение детской смертности, что демонстрируют статистические материалы таблицы 2. После скачкообразного повышения детской смертности в 1942 г. её показатели к 1945 г. понизились почти в 4 раза. Гипотеза о снижении детской смертности в СССР в годы войны находит подтверждение в статье Р. И. Сифман [Сифман 1979].

Таблица 2. Детская смертность в РСФСР в годы Второй мировой войны

Год	На 1000 родившихся умерло в возрасте моложе 1 года			Источник
	мальчики	девочки	оба пола	
1940	227,9	200,9	214,3	ЦСУ СССР (без Нижне-Амурской области и 2-х округов Камчатской области)
1941	181,4	160,8	171,4	ЦСУ СССР (42 неоккупированных территории РСФСР)
1942	328,5	298,1	313,7	ЦСУ СССР (38 неоккупированных территорий РСФСР)
1943	171,4	153,4	162,7	ЦСУ СССР (48 неоккупированных территорий РСФСР)
1944	118,3	104,6	111,6	ЦСУ СССР
1945	91,7	78,1	85,1	ЦСУ СССР

Чтобы перепроверить и подтвердить реальное существование тенденции, направленной на снижение общих коэффициентов смертности после 1942 г., обратимся к статистическим материалам, содержащимся в сообщении ЦСУ Госплана СССР «О предварительных итогах естественного движения населения за 1943 г.». Документ подписан начальником ЦСУ Госплана СССР В.Н. Старовским. Сообщение предназначалось для информирования партийных вождей самого высокого ранга – Молотова, Микояна, Берии и Маленкова. Такого рода документы готовились с особой тщательностью. По расчету работников ЦСУ СССР на 1000 человек тылового населения (без армии, госпиталей и оккупированных территорий) уровень смертности по СССР в целом составлял в 1940 г. 20%, в 1942 г. – 25%, а в 1943 г. – 18%. При этом в городах Советского Союза общий коэффициент смертности понизился в 1943 г. до 24% против 32% в 1942 г., в сельской местности – до 15% в 1943 г. против 21% в 1942 г.⁴

Если рост смертности в 1941 и 1942 г. вполне объясним, то сокращение смертности в 1943 – 1945 гг. требует особого осмысления. В данном случае возникает несколько вопросов, на которые пока нет твердых ответов. Непонятно, являются ли резкие колебания смертности в военный период простым результатом воздействия внешних, исключительно ситуационных факторов военного времени, не вызвавших глубинных перемен в демографической подсистеме общества? Или это было началом процесса, определившего принципиальные сдвиги в демографической подсистеме, которые можно интерпретировать как старт эпидемиологического перехода? Наконец, остается неясным, уходит ли послевоенный феномен форсированного эпидемиологического перехода в СССР своими корнями в военные годы или он возник только в 1950-е годы как новое явление в демографической истории населения России?

Чтобы понять суть происходивших в военные годы демографических процессов, обратим внимание на бросающиеся в глаза структурные изменения в смертности. В частности, изменился возрастной состав умерших (таблица 3). Это выразилось в увеличении в составе умерших удельного веса старших возрастов и уменьшении доли младших возрастов. И если в 1940 г. смертность концентрировалась в возрастной группе 0 – 4 года, то в 1944 г. она оказалась как бы размазанной по всем возрастам (таблица 3). Столь резкие изменения в возрастной структуре умерших нельзя объяснить только сокращением

⁴ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 122. д. 322. Л. 27 – 29.

рождаемости и разрежением детского контингента. Проблема, очевидно, значительно глубже.

Таблица 3. Распределение умерших по возрасту, РСФСР, 1940 и 1944, %

Возраст (лет)	1940 г. Сведения ЦСУ СССР		1944 г. Сведения ЦСУ РСФСР	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины
Моложе 1 года	35,7	32,9	8,7	8,1
1 – 4	20,9	21,5	11,6	11,9
5 – 9	2,7	2,7	5,2	4,5
10 – 14	1,7	1,6	2,7	2,2
15 – 19	1,7	1,7	3,5	3,1
20 – 24	1,6	1,6	1,3	2,7
25 – 29	2,3	2,2	2,5	2,5
30 – 34	2,4	2,1	4,1	3,7
35 – 39	2,7	2,2	4,5	3,7
40 – 44	2,6	2,0	5,5	4,3
45 – 49	2,8	1,9	5,9	4,3
50 – 54	3,1	2,1	7,1	4,2
55 – 59	3,4	2,8	7,4	4,2
60 и старше	16,0	22,3	28,8	39,7
Возраст неизвестен	0,4	0,4	1,2	0,9
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0

Претерпели заметные трансформации причины смерти (таблица 4). В их структуре значительно сократился удельный вес экзогенных факторов, таких как острые инфекции, желудочно-кишечные болезни и заболевания органов дыхания. Именно это и вызвало к жизни процесс перестройки возрастно-полового состава умерших в сторону повышения доли старших возрастов.

**Таблица 4. Распределение умерших по причинам смерти, городское население РСФСР, 1940 и 1944, %
(по номенклатуре причин смертности соответствующих лет)**

Причины смерти	1940 г. (данные ЦСУ СССР)		1944 г. (данные ЦСУ РСФСР)	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины
Острые инфекционные заболевания	16,2	17,8	5,7	6,9
Хронические инфекционные болезни	12,6	9,8	16,9	12,4
Травмы и отравления	4,2	0,7	6,5	4,5
Рак и доброкачественные новообразования	4,1	5,2	3,4	5,4
Артериосклероз, кровоизлияния в мозг и прочие болезни нервной системы	3,0	4,1	3,1	4,6
Грудная жаба и прочие болезни сердца	7,1	9,8	13,6	18,8
Воспаления легких и прочие болезни органов дыхания	19,2	17,8	12,4	11,2
Токсическая диспепсия	8,4	8,8	1,4	1,6
Гастроэнтероколит	6,8	6,9	2,5	2,6
Болезни беременности и родов	-	1,1	-	0,9
Болезни новорожденных	5,3	4,7	1,8	1,8
Старческая дряхлость	0,6	1,7	1,2	3,8
Прочие и неточно обозначенные причины	12,2	11,6	31,5	25,5
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0

Это дает нам основания утверждать, что начиная примерно с конца 1942 – начала 1943 г. в СССР развернулся процесс эпидемиологического перехода. Мы оцениваем его как

вступление населения страны в первую, начальную фазу эпидемиологического перехода, который в полную силу развернулся после завершения Великой Отечественной войны.

ЛИТЕРАТУРА

- Андреев Е.М., Л.Е. Дарский, Т.Л. Харькова (1998). Демографическая история России: 1927 – 1957. М.: Информатика. 197 с.
- Дробижев В.З. (1987). У истоков советской демографии. М.: Мысль. 221 с.
- Естественное движение... (1929). Естественное движение населения Союза ССР в 1926 г. М.: ЦСУ СССР. 179 с.
- Жиромская В.Б. (2012). Основные тенденции демографического развития России в XX веке. М.: Кучково поле. 320 с.
- Исупов В.А. (2000). Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: Историко-демографические очерки. Новосибирск: Сибирский хронограф. 224 с.
- Исупов В.А. (2011). Статистические источники по демографической истории России периода Великой Отечественной войны // Достоинство историка. К 90-летию со дня рождения академика РАН Ю.А. Полякова. М.: 277–294.
- Кабузан В.М. (1994). Демографическая ситуация в России в годы Первой мировой войны // Население России в 1920 – 1950-е годы: численность, потери, миграции. Сб. науч. трудов. М.: 5–26.
- Максудов С. (1989). Потери населения СССР. Vermont: Benson. 298 с.
- Народное хозяйство... (1925). Народное хозяйство Союза ССР в цифрах с приложением данных по мировому хозяйству. Стат. справочник. Год 2-й. М.: ЦСУ СССР. 798 с.
- Население России... (1998). Население России за 100 лет (1897 – 1997). Стат. сборник. М.: Госкомстат России. 222 с.
- Новосельский С.А. (1916). Смертность и продолжительность жизни в России. Петроград. 207 с.
- Сергеев А. (1923). Гор. Томск на экране санитарной статистики (по материалам Томского Губстатбюро, Губзакса и других источников) // Сибирский медицинский журнал. 1: 85–90.
- Сифман Р. И. (1979) К вопросу о причинах снижения детской смертности в годы Великой Отечественной войны // Продолжительность жизни: анализ и моделирование. Сб. статей. М.: Статистика: 50 – 60.
- Смулевич Б.Я. (1931). Социальные и культурные сдвиги в населении СССР // Народное хозяйство СССР. 1–2: 136–155.

THE EPIDEMIOLOGICAL TRANSITION IN RUSSIA: A HISTORIAN'S VIEW

VLADIMIR ISUPOV

This article considers the main historical trends in the dynamics of the epidemiological transition in Russia during the 20th century. The particular characteristics of this process are described. It is proved that the epidemiological transition in Russia had several starting points which had no real effect, and the reasons for these kinds of false starts are identified. The negative impact of non-demographic factors on the nature of the dynamics of the process of the epidemiological transition in Russia is shown. It is concluded that one of the most important and at the same time paradoxical features of Russian demographic history of the twentieth century is the fact that the epidemiological transition in the back areas of the country started only during the Second World War.

Key words: *epidemiological transition, death rate, cause of death, sex and age composition of the dead, demographic catastrophe.*

VLADIMIR A. ISUPOV (Vladimir_2004_@mail.ru), INSTITUTE OF HISTORY OF THE SIBERIAN BRANCH OF THE RAS, RUSSIA.

THE ARTICLE IS PUBLISHED IN THE FRAMEWORK OF PROJECT RHSF # 16-01-00412 "HUMAN POTENTIAL OF SIBERIA IN THE CONDITIONS OF SYSTEMIC TRANSFORMATION OF RUSSIAN SOCIETY IN THE TWENTIETH CENTURY"

DATE RECEIVED: SEPTEMBER 2016.

REFERENCES

- Andreev E.M., Darskiy L.E., Kharkova T.L. (1998). Demograficheskaya istoriya Rossii: 1927 – 1957 [Demographic history of Russia: 1927-1957]. Moscow: Informatika. 197 p.
- Drobizhev V.Z. (1987). U istokov sovetskoy demografii [At the origins of the soviet demography]. Moscow: Mysl'. 221 p.
- Estestvennoe dvizhenie... (1929). Estestvennoe dvizhenie naseleniya Soyuza SSR v 1926 g. [The natural movement of the population of the Union of SSR in 1926]. Moscow: TsSU SSSR. 331 p.
- Isupov V.A. (2000). Demograficheskie katastrofy i krizisy v Rossii v pervoy polovine XX veka: Istoriko-demograficheskie ocherki [Demographic catastrophes and crises in Russia in the first half of the XX century: Historical and demographic essays]. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf. 224 p.
- Isupov (2011). Statisticheskie istochniki po demograficheskoy istorii Rossii perioda Velikoy Otechestvennoy voyny [Statistical sources on demographic history of Russia during the Great Patriotic war] // Dostoinstvo istorika. K 90-letiyu so dnya rozhdeniya akademika RAN. Yu. A. Polyakova [The dignity of the historian. To the 90th anniversary of academician Yu. A. Polyakov]. Moscow: 277–294.
- Kabuzan V.M. (1994). Demograficheskaya situatsiya v Rossii v gody Pervoy mirovoy voyny [The demographic situation in Russia during the World War I] // Naselenie Rossii v 1920 – 1950-e gody: chislennost', poteri, migratsii. Sb. nauch. trudov [The population of Russia in 1920 – 1950s: size, losses, migrations. Collected articles]. Moscow: 5–26.
- Maksudov S. (1989). Poteri naseleniya SSSR [Population losses of the USSR]. Vermont: Benson. 298 p.

- Narodnoe khozyaystvo... (1925). Narodnoe khozyaystvo Soyuza SSR v tsifrakh s prilozheniem dannykh po mirovomu khozyaystvu. Stat. spravochnik. God 2-y [National economy of the Union of SSR in figures with data on world economy. Statistical Handbook. Year of the 2nd]. Moscow: TsSU SSSR. 798 p.
- Naselenie Rossii... (1998). Naselenie Rossii za 100 let (1897 – 1997). Stat. sbornik [The population of Russia for 100 years (1897 – 1997). Statistical handbook]. Moscow: Goskomstat Rossii. 222 p.
- Novoselskiy S.A. (1916). Smertnost' i prodolzhitel'nost' zhizni v Rossii [Mortality and life expectancy in Russia]. Petrograd. 207 p.
- Sergeev A. (1923). Gor. Tomsk na ekrane sanitarnoy statistiki (po materialam Tomskogo Gubstatbyuro, Gubzaksa I drugikh istochnikov) [Tomsk on the screen of the sanitary statistics (by the materials of Tomsk provincial bureau of statistics, Provincial legislature and other sources)] // Sibirskiy meditsinskiy zhurnal [Siberian medical journal]. 1: 85–90.
- Sifman R. I. (1979). K voprosu o prichinakh snizheniya detskoy smertnosti v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [About the causes of the child mortality reduction during the Great Patriotic War] // Life expectancy: analysis and modeling. Collected articles. Moscow: Statistics: 50 - 60.
- Smulevich B. Ya. (1931). Sotsial'nye i kul'turnye sdvigi v naselenii SSSR [Social and cultural shifts in population of the USSR] // Narodnoe khozyaystvo SSSR [National economy of the USSR]. 1–2: 136–155.
- Zhiromskaya V.B. (2012). Osnovnye tendentsii demograficheskogo razvitiya Rossii v XX veke [The key tendencies of the demographic development of Russia in the 20th century]. Moscow: Kuchkovo pole. 320 p.

ИСТОЧНИКИ ИНФОРМАЦИИ

**SOURCES
OF INFORMATION**

ЧИСЛО ДЕТЕЙ В СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЯХ ДАГЕСТАНА: СОПОСТАВЛЕНИЕ ИСТОЧНИКОВ ДАННЫХ

КОНСТАНТИН КАЗЕНИН

В статье исследуется возможность использования данных учреждений, работающих на уровне муниципальных образований (администраций местного самоуправления, медицинских и образовательных учреждений), а также микроданных Всероссийской переписи населения 2010 г. для исследования рождаемости в населенных пунктах Республики Дагестан. Такое исследование представляется актуальным как в связи с известными проблемами с официальной демографической статистикой в Дагестане, так и в связи с большим разнообразием населенных пунктов Дагестана по уровню рождаемости, которое требует изучения и объяснения. В статье изложены результаты исследования, в ходе которого в 2015 г. в десяти селах Дагестана были получены данные о численности детей 2000-2014 годов рождения от сельских администраций и медицинских учреждений, а по численности детей 2000-2007 годов рождения также от общеобразовательных школ. Эти данные сопоставляются между собой, а также (для 2000-2009 гг.), с микроданными Всероссийской переписи населения 2010 г. Показано, что эти источники обычно дают разную информацию по численности детей, но между ними существуют регулярные, статистически значимые соотношения. На основании интервью, проведенных с работниками указанных учреждений в селах Дагестана, выдвигается гипотеза о том, почему между разными источниками данных о численности детей имеются обнаруженные расхождения. Обосновывается использование данных медицинских учреждений и школ как более надежных источников по абсолютному количеству детей разных годов рождения. Также сопоставляются данные сельских администраций и медицинских учреждений по числу женщин различных возрастов. На этой основе обсуждается возможность использования этих источников для вычисления коэффициентов рождаемости (общего коэффициента рождаемости, суммарного коэффициента рождаемости, коэффициента детности) для разных территорий Дагестана с целью сопоставления динамики репродуктивного поведения населения на этих территориях.

Ключевые слова: *рождаемость, Северный Кавказ, муниципальная статистика, общий коэффициент рождаемости, суммарный коэффициент рождаемости.*

ВВЕДЕНИЕ

Цель настоящей статьи - оценить возможности использования данных различных учреждений, функционирующих на муниципальном уровне, для исследования рождаемости в Дагестане. Вопрос об использовании таких данных представляется актуальным по следующим причинам.

Константин Игоревич Казенин (kz@ranepa.ru), Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Россия.

Статья отражает результаты исследования по НИР РАНХиГС 2016 г. «Влияние социальных изменений на рождаемость в регионах Северного Кавказа».

Статья поступила в редакцию в сентябре 2016 г.

Во-первых, в специальной литературе неоднократно указывалось на то, что ключевые процедуры сбора демографической информации, применяемые в масштабах страны (прежде всего, проведение переписей и ведение текущего учета населения), в ряде республик Северного Кавказа, включая Дагестан, сталкиваются со значительными трудностями [Андреев 2012; Богоявленский 2008, 2012], в силу чего для исследователя-демографа в северокавказских регионах остро стоит вопрос об использовании дополнительных источников информации. Однако прежде, чем их использовать, необходимо оценить их достоверность.

Во-вторых, есть основания говорить о том, что в сегодняшнем Дагестане важно изучение различий в рождаемости, фиксируемых между небольшими территориями и даже отдельными населенными пунктами. Это обусловлено особенностями того этапа демографического развития, на котором сейчас находится Дагестан. Как было показано ранее [Казенин, Козлов 2016], данный регион демонстрирует количественные характеристики рождаемости, типичные для демографического перехода. Речь идет о снижении рождаемости до уровня простого воспроизводства (что соответствует значению суммарного коэффициента рождаемости немного выше 2,0). Такое снижение рождаемости произошло в Дагестане сравнительно недавно, в постсоветскую эпоху [Алиева 2007; Мудуев 2003]. Однако вопрос о том, в какой мере это снижение рождаемости сопровождалось социальными изменениями и, прежде всего, изменениями семейного уклада, типичными для демографического перехода, представляется открытым. Предварительные результаты полевых исследований в Дагестане показывают, что по «глубине» некоторых изменений, часто рассматриваемых в качестве неотъемлемой части демографического перехода – таких, как секуляризация семейной жизни, снижение роли «большой» семьи в пользу семьи нуклеарной и т.п. - территории республики демонстрируют заметное разнообразие [Kazenin, Kozlov 2016a]. Одновременно разные территории Дагестана имеют различия и по характеристикам рождаемости, на что также указывают предварительные данные полевых исследований. Например, в [Казенин, Козлов 2016] показано, что разница между некоторыми селами Дагестана по среднему возрасту матери при рождении первого ребенка в 2013-2014 гг. превышала два с половиной года. Некоторые данные официальной статистики позволяют предполагать, что между различными территориями Дагестана заметны и различия по уровню рождаемости. Так, общий коэффициент рождаемости, ежегодно подсчитываемый для районов Дагестана, в 2014 г. колебался в интервале 14,5–30,8 родившихся детей на 1000 жителей [Дагестанстат 2015: 47-60]. Хорошо известно, что общий коэффициент рождаемости как показатель, характеризующий репродуктивное поведение населения, весьма ненадежен даже в случае, если он высчитывается на основании абсолютно надежных данных демографического учета. Тем не менее такие "скачки" в значениях этого показателя по районам позволяют, по крайней мере, допустить возможность заметных территориальных различий по репродуктивной активности. Ожидания различий по рождаемости между разными территориями Дагестана подкрепляются разницей в их национальном составе. Как показано в [Богоявленский 2014], в поколении, достигшем на момент Всероссийской переписи населения 2010 г. 50-54 лет, у женщин разных народов Дагестана фиксировались заметные различия по итоговой рождаемости: у некоторых народов она составляла менее 2500 детей на 1000 женщин, а у некоторых – более 3000 детей.

Итак, складывающаяся в Дагестане картина рождаемости делает этот регион весьма многообещающим для исследования социальных основ демографических трансформаций: если подтвердятся предварительные выводы о внутрирегиональных различиях по характеристикам семейного уклада, а также о внутрирегиональных различиях по рождаемости, то естественно будет задать вопрос о корреляции между этими различиями. Корреляции, которые окажутся значимыми, будут представлять существенный интерес для исследования условий первого демографического перехода. Отметим, что ранее для понимания этих условий много дало исследование территориального разнообразия протекания этого процесса внутри некоторых стран. В качестве примера можно привести исследование территориального разнообразия рождаемости в Индии: различия между ее регионами по уровню рождаемости и параллельные различия между ними по характеристикам организации семьи много обсуждались в литературе [Dyson, Mooge 1983].

Однако для того, чтобы изучать территориальное разнообразие рождаемости в Дагестане, необходимо оценить имеющиеся источники по характеристикам рождаемости в муниципальных образованиях этой республики. Хотя исследование описанных выше вопросов вряд ли возможно иначе, как полевыми методами, для планирования такого исследования необходимы предварительные оценки (гипотезы) о различиях по рождаемости между разными территориями Дагестана. А для этого, в свою очередь, нужна оценка имеющихся источников по рождаемости в этом регионе в муниципальном разрезе. Проблемам такой оценки и посвящена настоящая статья.

В статье сопоставляются данные по рождаемости в населенных пунктах Дагестана, содержащиеся в опубликованных результатах Всероссийской переписи населения 2010 г., и данные трех типов учреждений, функционирующих данные на муниципальном уровне:

- администраций сельских поселений;
- медицинских учреждений, функционирующих в селах;
- сельских школ.

Ни один из этих источников не предлагает в "готовом" виде каких-либо показателей (коэффициентов), характеризующих рождаемость на уровне муниципальных образований. Однако все они содержат информацию о числе детей определенных годов рождения, проживающих в том сельском поселении, в котором работают эти учреждения. Поскольку количество детей служит числителем при вычислении большинства используемых в демографии коэффициентов рождаемости, оценить достоверность перечисленных источников информации именно по данному показателю представляется принципиально важным для оценки возможности использования этих источников в исследованиях рождаемости.

Мы сопоставили количество детей по всем указанным источникам в десяти населенных пунктах Дагестана (выбор населенных пунктов для исследования описывается в разделе 1). Между данными изучаемых источников обнаружили регулярные, статистически значимые различия, о причинах которых наше исследование также позволяет выдвинуть определенные предположения. На основе полученных результатов мы делаем выводы об относительной применимости данных четырех источников для оценки рождаемости на различных территориях Дагестана.

Статья основана на исследовании, проведенном автором в селах Дагестана в 2015-2016 гг. В разделе 2 описывается способ проведения исследования и приводятся его базовые результаты, касающиеся различий между данными о количестве детей по годам рождения, полученными из вышеперечисленных источников, а также обсуждаются возможные причины различий между данными изучаемых источников. В разделе 3 отдельно рассматривается вопрос о возможности вычисления характеризующих рождаемость коэффициентов на основе этих данных.

ЧЕТЫРЕ ИСТОЧНИКА ДАННЫХ О КОЛИЧЕСТВЕ ДЕТЕЙ В СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЯХ ДАГЕСТАНА

Данные о численности населения, проживающего в некотором сельском поселении, по годам рождения в Дагестане можно получить, используя источники сельских администраций и находящихся в сельском поселении медицинских учреждений (это может быть больница, амбулатория или фельдшерско-акушерский пункт). Сведения о числе детей определенных возрастов можно также получить в сельских школах. Необходимо оговорить, что все три источника дают информацию именно о числе детей разных годов рождения, проживающих в селе на момент обращения к этим источникам, а не о родившихся в селе в разные годы. Следовательно, эта информация может исказить картину рождаемости в селе за предыдущие годы из-за детской смертности и миграций, однако «местных» источников, свободных от такого рода потенциальных искажений, к сожалению, нет.

Информация, которой располагают сельские администрации, основана на похозяйственных книгах. В последние 5-7 лет похозяйственные книги в большинстве сел Дагестана получили компьютерную версию. Это произошло благодаря внедрению информационной системы «ПАРУС – муниципальный учет». Данная система в том виде, в каком она используется в администрациях большинства сельских поселений Дагестана, включает примерно тот же состав рубрик, характеризующих каждое хозяйство в составе сельского поселения, что и «бумажные» похозяйственные книги, которые после внедрения системы «ПАРУС», как правило, не пополняются. Среди прочей информации система «ПАРУС» содержит данные о датах рождения всех жителей, зарегистрированных по адресам конкретных домохозяйств, и позволяет подсчитать общее количество жителей того или иного года рождения (с возможностью разбивки по полу), зарегистрированных в селе.

Медицинские учреждения, расположенные в сельских поселениях, отражают информацию о численности жителей разных возрастов в так называемых «паспортах участков», заполняемых участковыми врачами. Свои «паспорта» имеют как участки врачей-терапевтов, обслуживающих взрослое население, так и участки врачей-педиатров. Суммирование данных всех участковых паспортов по возрастам дает возможность определить общее количество жителей разных возрастов в селе. Какой-либо «синхронизации» данных, содержащихся в медицинских паспортах участков и в системе «ПАРУС», по-видимому, не осуществляется. Нами не было выявлено случаев, когда численность населения какого-либо года рождения в селе по данным этих двух источников совпадала бы полностью. Медицинские работники периодически пересматривают данные о численности населения на своих участках, учитывая выбывших и вновь прибывших, но

отработанной системы, при которой, например, снятие человека с регистрации в селе автоматически вело бы к внесению изменений в медицинский паспорт участка, насколько мы могли судить, нет.

Наконец, информация по числу детей определенных годов рождения имеется в сельских школах. Эти сведения определяются наличным составом детей в школах. Отчетность школ не связана с отчетностью сельских администраций и медучреждений, поэтому данный источник можно считать независимым от двух других. Для сопоставления источников имеет смысл использовать «школьную» информацию по тем годам рождения, по которым предполагается полный охват детей школьным образованием. На 2015 г. таковыми можно считать 2001-2007 годы рождения. В паспортах общеобразовательных школ за 2014/2015 учебный год имеются данные об общей численности учащихся разных годов рождения, однако для того, чтобы сопоставлять эти данные с данным администраций и медицинских учреждений, необходимо знать, кто из учащихся данной школы проживает в других селах. Такая информация может быть дополнительно получена от школьных администраций¹.

В ходе нашего исследования, проведенного в 2015-2016 гг., мы получили информацию о численности детей с 2000 до 2014 годов рождения от указанных источников в ходе поездок в десять сел Дагестана. Среди сел, включенных в исследование, пять относятся к равнинной зоне, три – к предгорной и два – к горной. Села существенно различаются между собой по общей численности населения: она колеблется в интервале 500–19000 человек. Два села многонациональны по составу, восемь других практически мононациональны (одна какая-либо национальность составляет в них более 95%). В селах представлены следующие национальности: аварцы, даргинцы, кумыки, лакцы, чеченцы (совокупно эти национальности составляют более 70% жителей Дагестана согласно Всероссийской переписи населения 2010 г.). Таким образом, рассматриваемое подмножество сел Дагестана включает села разных географических поясов, разной численности населения и разного национального состава.

В качестве четвертого используемого источника выступают данные Всероссийской переписи населения 2010 г. по числу детей разных годов рождения (с 2000 до 2009 г.) в селах, охваченных нашим исследованием. Информация о количестве жителей разных годов рождения по муниципальным образованиям и населенным пунктам содержится в микроданных переписи на сайте Росстата.

Статистические данные о жителях различных национальностей как в республике в целом, так и в отдельных муниципальных образованиях, неоднократно становились в Дагестане причиной политической напряженности. Это проявлялось, например, в канун

¹ Очевидно, что использование данных школ как источника информации о количестве детей в селе не имеет смысла в селах, где значительное количество учеников посещает школы других населенных пунктов (например, районных центров). В наше исследование, однако, такие села включены не были. Во всех исследуемых селах директора школ и сотрудники сельских администраций оценивали такую «образовательную миграцию» либо как вовсе не существующую, либо как ограниченную 2-3% школьников села.

Всероссийской переписи населения 2002 г.² По этой причине, излагая результаты исследования, мы не раскрываем названий сел и абсолютного количества их жителей по различным источникам. Эти данные имеются у автора, а приводятся лишь соотношения количества населения по разным источникам для изучаемых сел, а также различные коэффициенты, вычисляемые для сел на базе различных источников. Это представляется достаточным в контексте целей настоящей статьи.

Наибольшим охватом годов рождения характеризуются полученные нами данные медицинских учреждений. Эти данные по всем десяти селам содержат численность детей всех годов рождения с 2000 до 2014 г. Данные школ, разумеется, охватывали меньшее количество лет. В ряде сел эти данные удалось получить не по всем годам рождения, по которым ожидается полный охват детей школьным образованием. Данные сельской администрации в шести селам покрывали все годы рождения с 2000 до 2014, а в других селам имелись «лакуны» по отдельным годам. С учетом этого для всех сел в качестве базы сравнения выбираются данные медицинских учреждений, а другие данные представлены как проценты от числа детей по данным медиков. Микроданные Всероссийской переписи населения ограничены годом, предшествующим ее проведению (2009 г.). Также микроданные переписи отсутствуют по одному из десяти сел (село 7).

В таблицах 1-3 приводятся процентные соотношения между данными медицинских учреждений (принимаемыми за 100%) и данными соответственно сельских администраций, школ и микроданных переписи.

На рисунке 1 для сел представлены средние за все годы рождения процентные соотношения числа детей по данным администрации, по данным школы и по данным Всероссийской переписи населения 2010 г. к числу детей по данным медицинского учреждения (подсчитаны как средние процентных соотношений для всех годов рождения, за которые по данному селу имеется информация от сопоставляемых источников; также приведены в таблицах 1-3).

Таблица 1. Отношение количества детей по данным сельских администраций к количеству детей по данным медицинских учреждений, по всем исследованным селам, по годам рождения детей, %

Село	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007
1	102,3	104,5	105,8	113,3	101,9	110,6	102,8	104,5
2								130,0
3	102,1	111,4	133,3	125,0	148,6	117,1	196,4	190,5
4						117,9	117,9	131,2
5	115,2	111,4	103,8	119,8	123,3	110,8	123,4	107,7
6					70,6	300,0	120,0	126,7
7	42,9	84,6	62,5	80,0	142,9	150,0	71,4	100,0
8	116,2	110,9	104,6	112,2	112,9	104,3	81,6	116,0
9	85,7	140,0	88,9	133,3	100,0	130,0	140,0	113,3
10	117,3	129,1	148,9	131,0	97,3	131,1	142,4	114,7
Среднее за год	97,4	113,1	106,9	116,4	112,2	141,3	121,8	123,5

² Казенин К. (2002). Есть такие нации: перепись населения может изменить структуру Госсовета Дагестана // Время новостей. 26 сентября. URL:<http://www.vremya.ru/print/27420.html> (дата обращения 16.08.2016).

Таблица 1 (продолжение)

Село	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	Среднее соотношение по селу
1	105,8	105,4	169,7	118,7	116,9	139,3	113,6	114,3
2	115,6	139,3	150,0	111,5	132,3	131,3	135,3	130,6
3	133,3	138,9	147,8	161,3	154,1	145,5	200,0	147,0
4	108,8	126,2	119,9	121,5	116,4	134,1	127,9	122,2
5	113,3	88,6	110,6	109,4	117,2	109,2	118,5	112,1
6	133,3	115,0	140,0	96,0	123,3	100,0	112,9	130,7
7	62,5	108,3	100,0	118,2	72,7	100,0	100,0	93,0
8	111,4	110,4	114,9	114,3	112,7	115,3	129,0	111,1
9	140,0	155,6	100,0	275,0	283,3	188,9	137,5	147,4
10	169,8	162,1	125,0	135,8	128,2	142,9	116,0	132,8
Среднее за год	119,4	125,0	127,8	136,2	135,7	130,6	129,1	

Таблица 2. Отношение количества детей по данным сельских школ к количеству детей по данным медицинских учреждений, по всем исследованным селам, по годам рождения детей, %

Село	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	Среднее соотношение по селу
1	102,3	122,7	71,8	83,7	95,3	88,3			94,0
2	93,9	96,7	110,3	91,2	92,9	100,0	93,8	100,0	97,3
3			100,0	100,0	85,7	97,1	135,7	119,0	106,3
4	48,5	100,0	104,0	72,5	101,0	100,9	100,8	99,1	80,7
5	59,1	92,9	88,5	87,7	98,8	93,2	98,4	98,9	79,7
6		76,5	111,1	76,9	100,0	116,7	70,0	86,7	91,1
7		100,0	112,5	120,0	128,6	125,0	100,0	100,0	109,9
8		98,0	98,6	95,7	100,7	88,1	74,3	95,8	93,0
9	92,9	100,0	100,0	133,3	125,0	90,0	80,0	73,3	99,3
10	55,8	85,5	93,6	84,5	90,7	75,4	93,2	95,6	84,2
Среднее за год	75,4	96,9	99,0	94,5	101,9	97,5	94,0	96,5	

Таблица 3. Отношение количества детей по микроданным Всероссийской переписи населения 2010 г. к количеству детей по данным медицинских учреждений, по всем исследованным селам, по годам рождения детей, %

Село	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	Среднее соотношение по селу
1	96,5	95,5	102,9	98,0	95,3	100,0	94,4	100,9	100,8	98,2	98,2
2	109,1	126,7	134,5	138,2	128,6	157,1	218,8	170,0	140,0	146,4	146,9
3	89,4	104,5	130,0	121,4	137,1	125,7	192,9	185,7	120,8	133,3	134,0
4	123,2	130,9	118,7	108,3	126,0	126,8	125,2	116,5	109,6	120,6	120,5
5	109,1	102,9	97,4	106,2	119,8	110,8	96,9	114,3	101,8	80,3	103,9
6	173,3	135,3	188,9	184,6	111,8	300,0	180,0	160,0	173,3	140,0	174,7
8	117,5	104,8	103,2	104,3	107,1	101,7	78,1	109,1	105,4	92,8	102,4
9	142,9	100,0	100,0	133,3	100,0	110,0	100,0	80,0	90,0	122,2	107,8
10	107,7	120,0	140,4	119,0	108,0	100,0	111,9	107,4	134,0	122,4	117,1
Среднее за год	118,7	113,4	124,0	123,7	114,9	136,9	133,1	127,1	119,5	117,4	

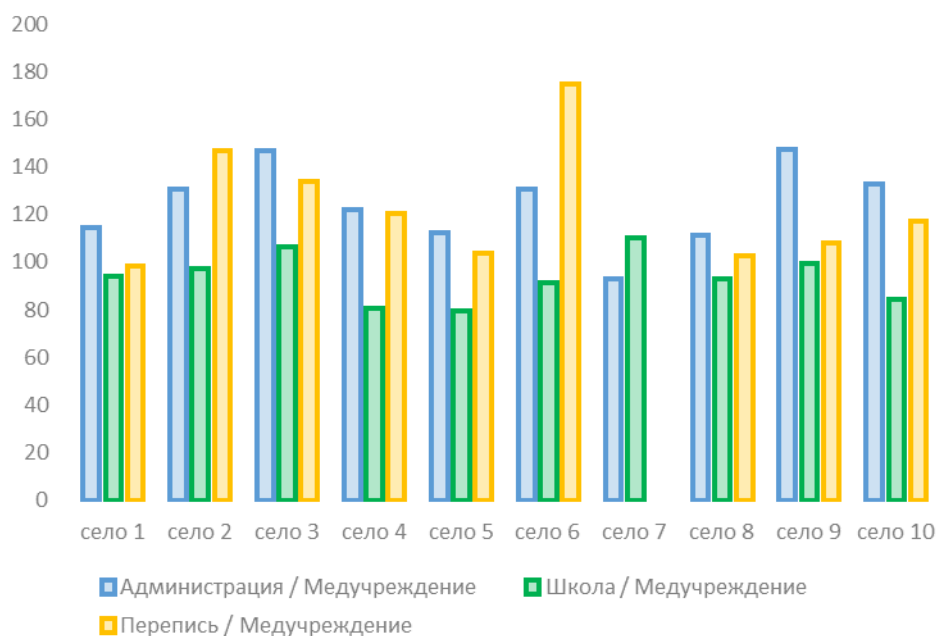

Рисунок 1. Отношение числа детей по данным разных источников к их числу по данным медучреждений, все годы рождений, %

Сопоставим сначала три "местных" источника данных. На рисунке 1 можно видеть, что число детей по данным администрации регулярно (за исключением одного села из десяти) выше числа детей по данным медицинского учреждения. Число детей по данным общеобразовательной школы, наоборот, регулярно ниже числа детей по данным сельских медиков. В одном селе (село 7) нарушаются сразу две закономерности, еще в двух селах (селах 3 и 9) – по одной. Интересно отметить, что два села-«нарушителя» (села 7 и 9, и только они из всех десяти сел) расположены на землях отгонного животноводства – крупном земельном массиве в равнинном Дагестане, где функционирование органов местного самоуправления и социальных учреждений имеет значительные отличия от других частей республики (подробнее об особенностях статистики населения на этих землях см. ниже).

Что касается микроданных переписи, то число детей по данным этого источника регулярно превышает число детей по данным школы и медицинского учреждения. При этом в некоторых селах число детей по микроданным переписи уступает их числу по данным сельской администрации, а в некоторых - превышает его.

На рисунке 2 показана динамика средних процентных соотношений числа детей по данным трех источников по годам рождения во всех исследуемых селах. Эти отношения вычисляются для каждого года как среднее процентное отношение количества детей по данным администрации (школы, переписи) к количеству детей по данным медучреждения во всех селах, для которых за данный год известно это отношение (отношения также приведены в таблицах 1-3). Видно, что «отрыв» данных администрации от данных медиков за все годы, кроме начала 2000-х, заметно больше, чем «отрыв» данных медиков от данных школ. Микроданные переписи за каждый год имеют среднее соотношение с данными медиков и школы, превышающее 100%. В некоторые годы они уступают по этому показателю данным сельских администраций, в некоторые – превосходят их.

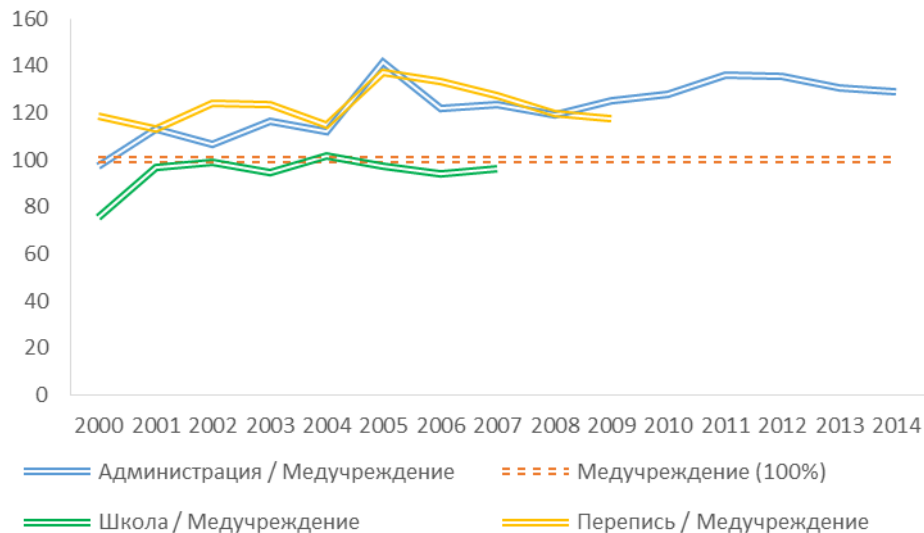

Рисунок 2. Отношение числа детей по данным разных источников к их числу по данным медучреждений, в среднем по всем 10 селам, %

В таблице 4 содержатся среднее значение годовых процентных соотношений (т.е. среднее значение процентных соотношений, представленных на рисунке 2, за все годы), а также процентных соотношений без учета года (подсчитаны как средние соотношения для сопоставляемых пар во всех селам за все годы).

Таблица 4. Отношение числа детей по данным разных источников к их числу по данным медучреждений, в среднем по всем 10 селам, %

	Среднее годовых соотношений	Среднее соотношение
По данным сельской администрации	122,41	123,68
По данным сельской школы	94,47	95,46
По микроданным переписи	122,87	122,87

Рассмотрев имеющиеся процентные отношения «администрация/медики», «школа/медики» и «перепись/медики» как три выборки, мы можем определить для каждой из них стандартную ошибку среднего и границы доверительного интервала при желаемом уровне значимости (размер выборок, т.е. количество соотношений, полученных для всех сел за все годы, позволяет считать распределение выборочных средних нормальным; при этом объемы выборок разные, поскольку, как мы видели выше, у каждого из трех соотношений разный набор сел, по которым оно доступно за тот или иной год). Как видно из таблицы 5, при уровне значимости 95% соотношение «администрация/медучреждение» не становится ниже 117%, а соотношение «школа/медучреждение» остается ниже 100%, хотя может быть очень близким к этой отметке. Соотношение «перепись/медучреждение» находится в доверительном интервале, очень близком к соотношению «администрация/медучреждение». Таким образом, обнаруженные на базе наших сел расхождения данных разных источников можно считать статистически значимыми.

Таблица 5. Доверительные интервалы для соотношений между данными разных источников

	Администрация/ медучреждение	Школа/ медучреждение	Перепись/ медучреждение
Среднее соотношение (выборочное среднее), %	123,68	95,46	122,87
N	134	74	90
Верхняя граница доверительного интервала ($p < 0,05$), %	129,59	99,16	129,75
Нижняя граница доверительного интервала ($p < 0,05$), %	117,77	91,71	115,99

Доверительные интервалы, представленные в таблице 5, позволяют разбить исследуемые источники на две группы так, чтобы данные источников каждой группы по числу детей были статистически близки между собой. В первую группу попадут школы и медицинские учреждения. Несмотря на то, что число детей по данным школ регулярно несколько меньше, чем по данным медиков, верхняя граница доверительного интервала соотношения «школа/медики» находится между 99 и 100%, т.е. почти касается той отметки, при которой число детей по двум источникам совпадает.

В другую группу, очевидно, входят данные сельских администраций и микроданные переписи. У обоих источников нижняя граница доверительного интервала отношения к числу детей по данным медиков превышает 115%, т.е. эти два источника, как показывает элементарный статистический анализ, заметно превышают данные медиков и школ по числу детей. При этом верхние границы доверительных интервалов соотношений «администрация/медики» и «перепись/медики» почти совпадают, что позволяет говорить о большой статистической близости этих источников между собой, несмотря на имеющиеся расхождения между ним по конкретным годам и селам.

Чем может объясняться выявленное статистически значимое расхождение между данными администраций и микроданными переписи, с одной стороны, и данными медицинских учреждений и школ, с другой? Мы не имеем возможности определенно назвать причины этого расхождения, однако можем высказать некоторые предположения на основании интервью с работниками различных сельских учреждений, собранных в ходе нашего исследования.

Вероятная причина регулярно большего количества детей по данным сельских администраций по сравнению с данными медиков и школ заключается в том, что часть детей, зарегистрированных в селе вместе с родителями, фактически в нем не проживает: это семьи выходцев из села, которые могут жить либо в дагестанских городах, либо за пределами региона. Сельские жители, мигрирующие из села в город, с большой вероятностью сохраняют регулярные контакты с сельскими родственниками, периодически бывают в селе и находят постоянную регистрацию в нем более комфортной для себя (на «малой родине» легче получать необходимые документы и т.п.). Поскольку дети, проживающие в городе, не посещают в селе школу и медицинское учреждение, они с большой вероятностью не отражаются и в статистике этих учреждений. При этом семьи

выходцев из села, проживающих в городе, могли лишь недавно туда мигрировать, а могли и сформироваться уже в городе. Поэтому мы не можем высказать обоснованных предположений о том, какая часть детей, «переучтенных» администрациями, родилась в селе и впоследствии уехала из него вместе с родителями, а какая часть родилась уже за пределами села.

Поскольку доверительные интервалы указывают на почти одинаковые границы отношения микроданных переписи и данных администраций к данным медиков, уместно предположить, что расхождение между переписной статистикой, с одной стороны, и статистикой медицинских учреждений и школ, с другой, имеет те же причины. Вместе с тем нельзя не заметить, что по конкретным селам и годам данные администраций и микроданные переписи почти никогда не демонстрируют полного числового совпадения или стабильной разности количества детей. Это показывает, что данные двух источников формировались самостоятельно, без прямой зависимости одного источника от другого. Видимо, речь можно вести не о технической зависимости одного источника от другого, а о сходных принципах учета населения при проведении в Дагестане переписи и при текущем учете населения сельскими администрациями.

Альтернативное объяснение регулярных расхождений между двумя группами источников могло бы состоять в том, что школы и медицинские учреждения недоучитывают детей, поскольку охватывают своими услугами не всех детей, реально проживающих в селе. Такое объяснение, однако, не подкрепляется имеющимися данными. В СМИ периодически появляются сообщения со ссылкой на правоохранительные органы о том, что часть детей школьного возраста в Дагестане без уважительных причин не обучается в школе³. Однако число таких детей, если верить официальным источникам, слишком мало, чтобы влиять на соотношение данных разных источников по селам: правоохранители сообщают о менее чем 300 детях, необоснованно не посещающих школу, по всей республике. Кроме того, следует заметить, что если бы в селах, включенных в наше исследование, на «школьные» данные заметно влияло непосещение школ живущими в селе детьми, то надо было бы ожидать, что число детей по данным школ наиболее существенно отставало бы от их числа по данным других источников, начиная с детей в возрасте 10-12 лет. Дело в том, что, по нашим полевым наблюдениям, в охваченных этим исследованием и других селах Дагестана запрет на посещение каких-либо общественных мест по религиозным соображениям родители чаще налагают на дочерей с возраста 10-12 лет (что касается непосещения школы из-за ранней беременности, то случаи деторождений в возрасте до 18 лет в исследованных селах носили единичный характер и не могли влиять на совокупные данные). В действительности же мы наблюдаем в исследованных селах заметное увеличение разрыва между «школьными» и «медицинскими» данными только для детей 2000 года рождения, т.е. тех, кому на момент исследования было 14-15 лет (см. рисунок 2). В целом имеющиеся данные не позволяют предложить правдоподобного

³ Прокуратура: более 200 детей в Дагестане не посещают школу по неуважительным причинам (2014) // Черновик. 18 декабря. URL: <http://chernovik.net/content/lenta-novostey/prokuratura-bolee-200-detey-v-dagestane-ne-poseshchayut-shkoly-po> (дата обращения 16.08.2016); Дроботов А. (2011). В Дагестане детей, не посещающих школу, будут отбирать у родителей // Комсомольская правда. 30 сентября. URL: <http://www.kp.ru/daily/25762/2747750/> (дата обращения 16.08.2016).

объяснения расхождений между источниками по числу детей в селах неполным охватом детей образовательными учреждениями. Что касается медицинских учреждений, то на возможный недоучет ими фактически проживающих в селе детей нет указаний ни в собранных нами интервью работников сельских учреждений, ни в сообщениях правоохранительных органов или СМИ. Отметим, что, в условиях подушевого финансирования, в таком недоучете были бы крайне не заинтересованы сами эти учреждения.

Итак, из возможных объяснений расхождения данных разных источников по числу детей в селах более обоснованным представляется объяснение, предполагающее учет в данных сельских администраций и в микроданных Всероссийской переписи населения 2010 г. детей из семей выходцев из села, фактически в нем не проживающих.

Отдельно остановимся теперь на «нестандартном» соотношении между данными различных источников в тех исследованных селах, которые находятся на землях отгонного животноводства (села 7 и 9). Особенность этих сел состоит в том, что они, находясь в границах равнинных районов, входят в состав горных районов. Отгонные земли в советское время предоставлялись в Дагестане горным колхозам и совхозам для выпаса скота в зимнее время. Тогда же на них стали стихийно возникать населенные пункты, в которых селились работники горных хозяйств. По данным Министерства сельского хозяйства и продовольствия Республики Дагестан, общее число населенных пунктов на землях отгонного животноводства составляет примерно 200. Общую численность населения на отгонных землях в Бабаюртовском районе, где находится 110 из этих 200 сел, республиканский Минсельхоз на 2012 г. оценивал в 26 тыс. человек⁴. Официальных данных о численности населения на всех отгонных землях на текущий момент нет. В настоящее время часть населенных пунктов, расположенных на отгонных землях, не имеет какого-либо официального статуса, а часть является отдельными муниципальными образованиями горных районов (от которых эти населенные пункты в территориальном отношении значительно удалены)⁵. Оба включенных в наше исследование «отгонных» села относятся ко второму типу. Наши интервью с сотрудниками администраций таких сел показали, что там распространена ситуация, когда жители, постоянно проживающие в селе, зарегистрированы на своей исторической родине, в одном из сельских поселений в горах. Одной из причин этого является нестабильный режим регистрации жителей на землях отгонного животноводства. Большинство жилых домов там не имеют легального статуса, так как расположены на землях сельскохозяйственного назначения, в связи с чем в настоящее время у сельских администраций нет и права предоставлять жителям постоянную регистрацию в этих домах. По свидетельству сотрудников местных администраций, в ситуации запрета на регистрацию они в ряде случаев все же продолжают вносить информацию о вновь прибывающих в село в систему «ПАРУС», хотя не всегда регулярно. В такой ситуации в данных администраций возможен не только учет фактически не проживающего населения (наблюдаемый и в прочих селах), но и недоучет фактически

⁴ В Дагестане предлагают легализовать стихийные поселки на сельхозземлях (2012) // Мемо.ру. 16 августа. URL: <http://www.memo.ru/d/131407.html> (дата обращения 13.12.2016).

⁵ Подробнее см. [Казенин 2015a, 2015b].

проживающего. Поэтому и ожидаемо, что в «отгонных» селах нарушается выявленная нами закономерность, состоящая в регулярно большем числе детей по данным администрации по сравнению с данными медиков и школ.

Подведем итог. Среди четырех рассмотренных нами источников данных о числе детей в селах Дагестана нет ни одной пары источников, данные которых полностью бы совпадали или регулярно отличались друг от друга на одну и ту же величину. Все четыре источника отражают разные системы учета. Однако данные администраций и микроданные переписи регулярно превосходят данные школ и медицинских учреждений о числе детей. Мы видели, что такое соотношение статистически значимо. Рассматривая возможные его причины, мы нашли некоторые основания предполагать, что в данных администраций и микроданных переписи могут быть отражены дети из семей, фактически не проживающих в селе. По этой причине при оценке количества детей различных годов рождения в селах Дагестана данные школ и медицинских учреждений представляются более надежными. Это не распространяется на населенные пункты, расположенные на землях отгонного животноводства, где ряд особых, действующих только там, факторов делает соотношение числа детей по разным источникам менее предсказуемым.

ВЫЧИСЛЕНИЕ КОЭФФИЦИЕНТОВ РОЖДАЕМОСТИ НА ОСНОВЕ ДАННЫХ РАЗНЫХ ИСТОЧНИКОВ

В предыдущем разделе мы рассмотрели возможность использования разных источников о числе детей в селах при исследовании рождаемости в Дагестане. Если какой-либо источник признан надежным (выше мы оценили в качестве более надежных источников данные медицинских учреждений и школ), то он может быть использован для сопоставления рождаемости в данном селе и в других населенных пунктах (во введении мы объяснили, почему эта задача весьма актуальна для Дагестана).

Хорошо известно, однако, что для сопоставления рождаемости в разных сообществах требуются не абсолютные данные о родившихся детях, а различные коэффициенты рождаемости, для вычисления которых, помимо числа родившихся детей, необходимо знать численность определенных групп взрослого женского населения (при вычислении коэффициента суммарной рождаемости, коэффициента детности и др.) или численность всего населения (при вычислении общего коэффициента рождаемости).

Для подсчета коэффициентов мы можем использовать данные только двух «местных» источников: сельской администрации и медицинского учреждения, - поскольку школы не обладают данными о возрастной структуре взрослого населения (в том числе женщин)⁶. Рассмотрим сначала возможность вычисления таких коэффициентов, где в качестве знаменателя выступает число женщин определенных поколений. К сожалению, мы имели возможность сопоставить данные администраций и медицинских учреждений по количеству женщин разных годов рождения не во всех исследуемых селах. Данные по

⁶ Возможность вычисления коэффициентов на основе микроданных переписи мы в этом разделе не рассматриваем в силу их большой статистической близости с данными администраций.

количеству женщин по годам рождения из двух источников мы получили только для трех сел. Как показывают рисунки 3-5, в трех этих селах, существенно различающихся по количеству населения, число женщин по данным двух источников соотносится по-разному, причем имеются также серьезные колебания этого соотношения за разные годы для одного и того же села (села немного отличаются границами временных промежутков, за которые удалось получить данные из обоих источников; рисунки 3-5).

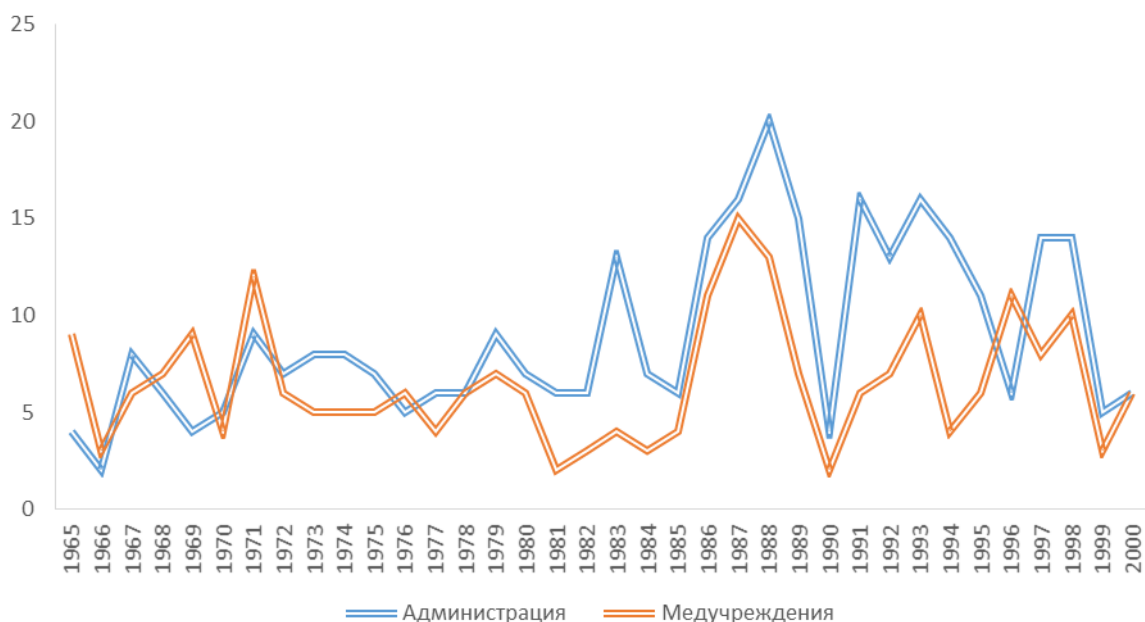

Рисунок 3. Число женщин по годам рождения: село 6

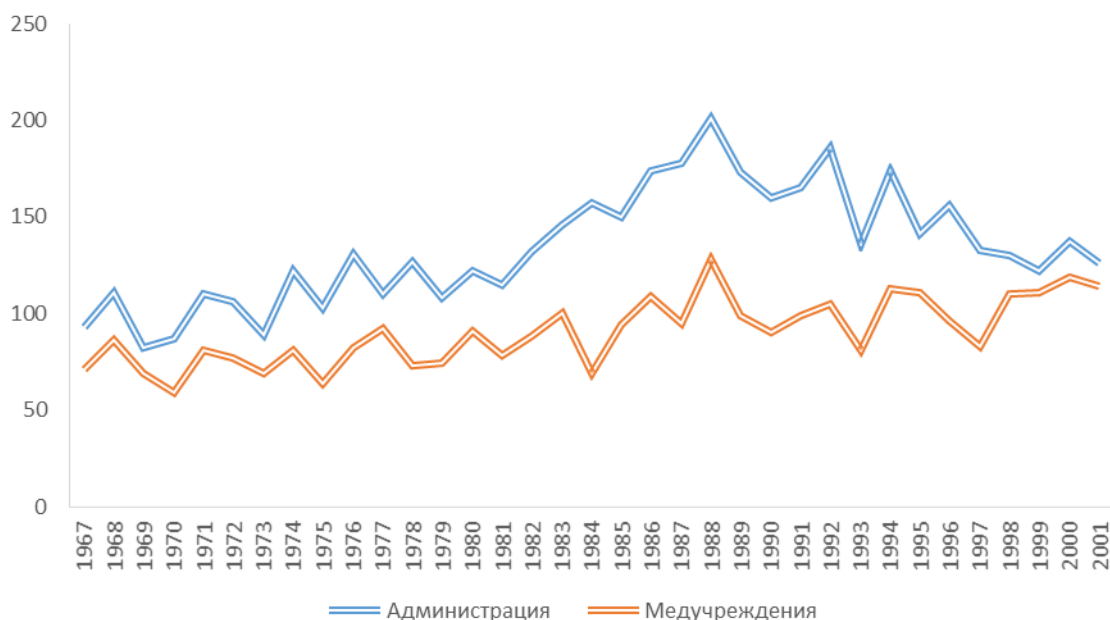

Рисунок 4. Число женщин по годам рождения: село 8

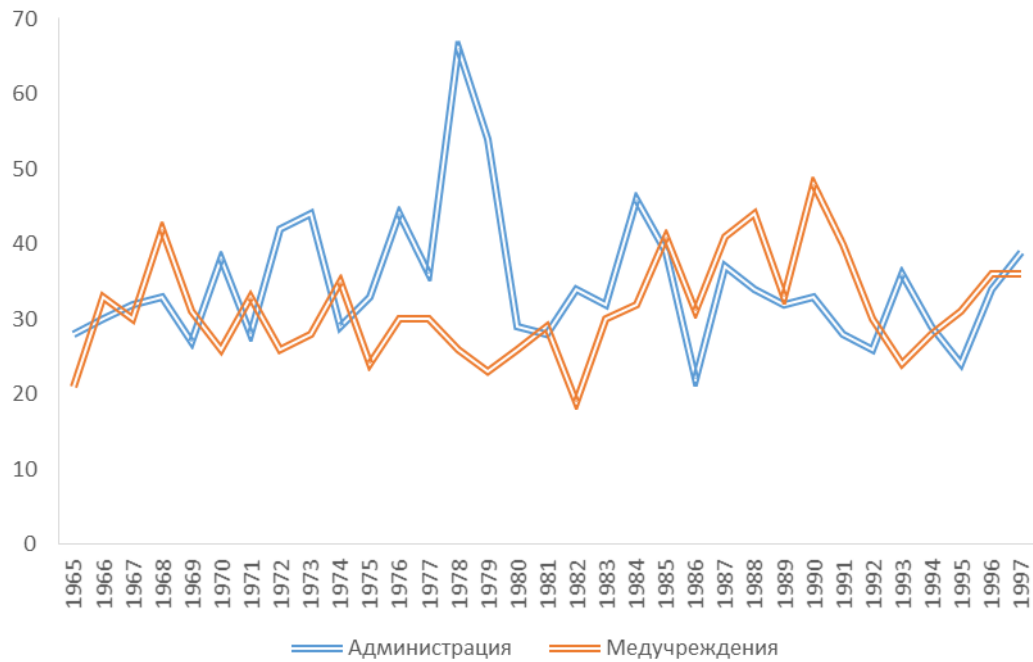

Рисунок 5. Число женщин по годам рождения: село 10

Нерегулярность соотношения числа женщин, определяющих знаменатели коэффициентов рождаемости, по двум источникам заставляет предположить, что нерегулярным будет и соотношение самих этих коэффициентов, вычисленных по данным этих источников. Эта нерегулярность будет ожидаемой даже при выявленном нами статистически предсказуемом соотношении данных по количеству детей, т.е. соотношении числителей.

Данные о числе женщин по поколениям требуются для вычисления коэффициента суммарной рождаемости и возрастных коэффициентов рождаемости. Для коэффициента детности достаточно знать лишь общее число женщин детородного возраста (15-49 лет), которое выполняет там роль знаменателя при числителе – количестве детей 0-4 лет. Данные по общему количеству женщин детородного возраста на момент, близкий к времени исследования, от двух источников нам удалось также получить в трех селах. Коэффициенты в определенных точках времени (незначительно отличавшихся от села к селу) и используемые для их вычисления данные представлены в таблице 6. Как видно из таблицы 6, число женщин детородного возраста по данным администрации во всех селах выше, чем по данным медиков. Однако «разброс» значений по разным селам разный. Как следствие, имея коэффициенты детности, подсчитанные для разных сел по разным источникам, мы не сможем на основании одних этих коэффициентов судить, связаны ли различия между ними с разной численностью детей, женщин или обеих этих групп населения по двум источникам. Поэтому сопоставление рождаемости по таким коэффициентам также затруднено.

Таблица 6. Коэффициенты детности по отдельным селам

Село	Женщины детородного возраста			Дети 0-4 лет			Коэффициент детности	
	администрация	медучреждение	администрация /медучреждение	администрация	медучреждение	администрация /медучреждение	администрация	медучреждение
Село 5	1679	1172	1,43	676	598	1,13	0,40	0,51
Село 6	317	229	1,38	175	128	1,36	0,55	0,56
Село 8	4693	3841	1,22	2065	1892	1,09	0,44	0,49

Итак, наши наблюдения не дают возможности утверждать, что данные «местных» источников позволяют вычислять коэффициент суммарной рождаемости или коэффициент детности, которые в свою очередь могли бы стать надежной основой для сопоставления рождаемости по селам. Для «грубой» оценки уровня рождаемости может, как известно, применяться также общий коэффициент рождаемости (далее ОКР), т.е. отношение родившихся в течение года к среднему общему числу жителей на этот год. Мы имели возможность вычислить этот коэффициент на основании данных двух источников для семи сел на 2014 г.⁷ Как видно из таблицы 7, ОКР, посчитанный на основе данных администрации, регулярно выше, чем ОКР, посчитанный по медицинским данным; исключение составляет только село 7 (напомним, что оно расположено на землях отгонного животноводства, где, как мы видели, соотношение данных из разных источников во многом отличается от наблюдаемого в других селам). При этом, после исключения из рассмотрения села 7, для любой пары сел, если ОКР, вычисленный по данным администрации, у одного села больше, чем у другого, то у этого же села больше и ОКР, вычисленный по данным медицинского учреждения (рисунок 6). Иными словами, исследуемые села одинаково ранжируются по ОКР, подсчитанному по данным сельской администрации, и по ОКР, подсчитанному по данным медучреждения. Такое «согласие» данных двух независимых источников позволяет использовать ОКР для сопоставления рождаемости по разным селам. То, что такого «согласия» источников не наблюдается, например, для коэффициента детности (таблица 6), может быть объяснено тем, что у этого коэффициента меньший, чем у ОКР, знаменатель, вследствие чего возможные различия знаменателей при подсчете коэффициента по разным источникам на значения ОКР влияют меньше, чем на значения коэффициента детности.

Итак, исходя из наших наблюдений, можно утверждать, что предварительное сопоставление уровней рождаемости в разных населенных пунктах Дагестана возможно на основе ОКР, подсчитанного по данным медучреждений. Надежность такой оценки подкрепляется, во-первых, описанными выше преимуществами данных медучреждений по

⁷ ОКР подсчитан для большего числа сел, чем коэффициент детности, поскольку для ОКР достаточно было получить общую численность населения села, тогда как данные о числе женщин определенных возрастов оказались доступными в меньшем числе сел. Не подсчитаны ОКР для сел 4, 9 и 10, где не удалось получить сведения об общей численности населения по данным медицинского учреждения.

количеству детей, а во-вторых, ожидаемым на основе наших наблюдений сходством в ранжировании сел по ОКР, подсчитанным по разным показателям. При этом, разумеется, необходимо помнить, что причина различий между разными территориями по ОКР может быть связана не только с репродуктивным поведением, но и с возрастной структурой женского населения. Практика показала, что получить полные данные о ней из местных источников часто весьма затруднительно. Тем не менее при отборе населенных пунктов для дальнейшего углубленного исследования различий в рождаемости и их причин такой способ оценки соотношения рождаемости представляется достаточным.

Таблица 7. Общие коэффициенты рождаемости в некоторых из исследованных сел по данным администраций и медучреждений

Село	Общая численность населения (соотношение источников), %		Число детей, родившихся в 2014 г. (соотношение источников), %		Общий коэффициент рождаемости, ‰	
	администрация	медучреждение	администрация	медучреждение	администрация	медучреждение
Село 1	101,0	100	113,6	100	30,56	27,18
Село 6	111,2	100	112,9	100	27,07	26,65
Село 5	117,0	100	118,5	100	26,50	26,17
Село 8	105,9	100	129,0	100	26,31	21,61
Село 2	123,1	100	135,3	100	18,24	16,60
Село 3	136,5	100	200,0	100	16,50	11,26
Село 7	127,1	100	100,0	100	20,61	26,20

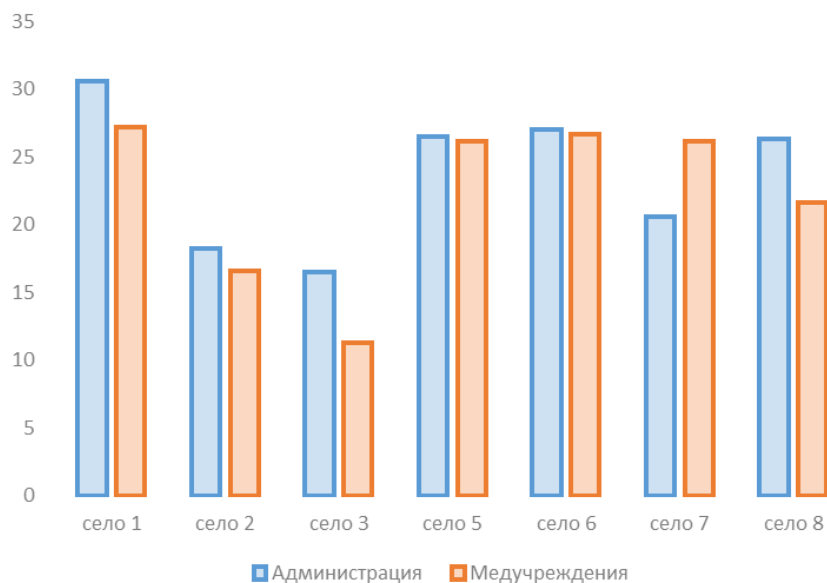

Рисунок 6. Общие коэффициенты рождаемости, рассчитанные на основе данных из разных источников, ‰

Выводы

Мы видели, что данные разных источников об абсолютном числе детей по годам рождения в дагестанских селах находятся в достаточно регулярном, статистически значимом соотношении друг с другом. Полученные результаты позволили нам предположить, что данные медицинских учреждений и школ являются более адекватным источником для оценки числа детей в селе.

Заметно более ограничены возможности использования источников, доступных в дагестанских селах, для вычисления коэффициентов рождаемости. Мы видели, что данные этих источников о числе в селе женщин разных годов рождения соотносятся друг с другом нерегулярно, что не позволяет ожидать регулярности и в соотношении коэффициентов. Вместе с тем простые коэффициенты рождаемости, посчитанные на основе данных медиков, могут быть использованы для предварительного сопоставления рождаемости в разных селах.

Наш общий вывод состоит в том, что для изучения внутрирегионального разнообразия рождаемости – задачи, весьма актуальной для такого демографически «нестандартного» субъекта РФ, как Дагестан, – исследователь может пользоваться данными учреждений, работающих в сельских поселениях. При всех известных сложностях с учетом населения в Дагестане данные разных источников находятся в предсказуемых соотношениях и могут служить инструментом для выявления территориальных контрастов по рождаемости, подлежащих уточнению и объяснению в ходе дальнейшего исследования.

Благодарности

Автор благодарит С.В. Захарова и В.А. Козлова за ценные консультации в ходе подготовки статьи. За все оставшиеся недочеты ответственность несет только автор.

Литература

- Алиева В.Ф. (2007). Демографические процессы в современном Дагестане. М.: Наука. 325 с.
- Андреев Е.М. (2012). О точности результатов российских переписей населения и степени доверия к разным источникам информации // Вопросы статистики. 11: 21-35.
- Богоявленский Д.Д. (2008). Все ли российские народы верно посчитали? // Демоскоп Weekly, 319 – 320. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2008/0319/tema01.php> (дата обращения 13.12.2016).
- Богоявленский Д.Д. (2012). Перепись 2010: этнический срез // Демоскоп Weekly, 531 – 532. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0531/tema03.php> (дата обращения 13.12.2016).
- Богоявленский Д.Д. (2014). Этническая дифференциация рождаемости в России // Население России 2012: двадцатый ежегодный демографический доклад / Отв. ред. А.Г. Вишневский. М.: Изд. дом Высшей школы экономики: 174-188.
- Дагестанстат (2015). Дагестан - 2015: статистический сборник. Махачкала: Дагестанстат.

- Казенин К.И. (2015a). Регулирование земельных отношений в Дагестане: социально-экономические корни "традиционализации" // Экономическая политика. 3: 113-133.
- Казенин К.И. (2015b). Земельная реформа в Дагестане: социально-политические риски // Экономическое развитие России. 6: 34-39.
- Казенин К.И., В.А. Козлов (2016). Омоложение материнства в Дагестане: тенденция или артефакт? // Демографическое обозрение. 3(3): 100-123.
- Мудуев Ш.С. (2003). Население и хозяйство Дагестана на рубеже веков. Махачкала: Дагкнигоиздат. 304 с.
- Dyson T., M. Moore (1983). On kinship structure, female autonomy, and demographic behavior in India // Population and development review. 9(1): 35-60.
- Kazenin K., V. Kozlov (2016). Islam and fertility in the end of the first demographic transition: the case of North Caucasus / Paper presented at European population conference-2016. Mainz, September 1-3.

ESTIMATING NUMBER OF CHILDREN IN VILLAGES OF DAGHESTAN: A COMPARISON OF DATA SOURCES

KONSTANTIN KAZENIN

The paper deals with different 'local' sources of data on the number of children and fertility in the Republic of Dagestan (North Caucasus, Russia). A study of 'local' sources on fertility in comparison with census data in Dagestan is necessary for two reasons. First, the region is known to have serious problems with official demographic statistics, so that all alternative sources should be considered. Second, different parts of Dagestan demonstrate outstanding diversity with respect to fertility, which needs to be studied and explained. The paper discusses the results of a field study undertaken in Dagestan in 2015. In the course of that study, data on the number of children born in different years between 2000 and 2014 were collected from local administrations, medical institutions and schools in ten villages of Dagestan. The data of the three sources never fully agreed with each other or with census data, but showed regular, statistically significant correspondences. We hypothesize about possible reasons for the differences between the data of the sources on the basis of our interviews with local officials in the villages under study. We argue that the data of medical institutions and schools should be the most reliable. We also compare data of local administrations and medical institutions on the number of women of different age groups and study the possibility of using these data for calculating fertility rates (crude birth rate, total fertility rate, etc.) for different parts of Dagestan, in order to establish the differences between their fertility dynamics.

Key words: fertility, North Caucasus, local statistical data, crude birth rate, total fertility rate.

KONSTANTIN I. KAZENIN (kz@ranepa.ru), THE RUSSIAN PRESIDENTIAL ACADEMY OF NATIONAL ECONOMY AND PUBLIC ADMINISTRATION, RUSSIA.

DATE RECEIVED: SEPTEMBER 2016.

REFERENCES

- Alieva V.F. (2007). Demograficheskie protsessy v sovremennom Dagestane [Demographic processes in today's Dagestan]. Moscow: Nauka. 325 p.
- Andreev E.M. (2012). O tochnosti rezul'tatov rossiyskikh perepisey naseleniya i stepeni doveriya k raznym istochnikam informatsii [On correctness of Russian censuses and reliability of different information sources] // Voprosy statistiki [Problems in statistics]. 11: 21-35.
- Bogoyavlensky D.D. (2008). Vse li rossiyskie narody verno poschitali? [Were all Russian ethnic groups registered correctly?] // Demoscope Weekly. 319 – 320. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2008/0319/tema01.php> (accessed 13.12.2016).
- Bogoyavlensky D.D. (2012). Perepis' 2010: etnicheskiiy srez [2010 Census: ethnic aspect] // Demoscope Weekly, 531 – 532. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0531/tema03.php> (accessed 13.12.2016).
- Bogoyavlensky D.D. (2014). Etnicheskaya differentsiatsiya rozhdanosti v Rossii [Ethnic differentiation of fertility in Russia] // Naselenie Rossii 2012: dvadtsatyy ezhegodnyy demograficheskiy doklad [Population of Russia: twentieth annual demographic report] / A.G. Vishnevsky, ed. Moskva: Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki: 174-188.
- Dagestanstat [Dagestanstat] (2015). Dagestan - 2015: statisticheskiy sbornik [Dagestan-2015: Statistical sample]. Makhachkala.
- Dyson T., M. Moore (1983). On kinship structure, female autonomy, and demographic behavior in India // Population and development review. 9(1): 35-60.

- Kazenin K.I. (2015a). Regulirovaniye zemel'nykh otnosheniy v Dagestane: sotsial'no-ekonomicheskiye korni "traditsionalizatsii"[Regulation of land relations in Dagestan: socio-economic roots of "traditionalization"]// Ekonomicheskaya politika [Economic policy]. 3: 113-133.
- Kazenin K.I. (2015b). Zemel'naya reforma v Dagestane: sotsial'no-politicheskie riski [Land reform in Daghestan: social and political risks] // Ekonomicheskoe razvitie Rossii [Economic development of Russia]. 6: 34-39.
- Kazenin K., V. Kozlov (2016a). Islam and fertility in the end of the first demographic transition: the case of North Caucasus / Paper presented at European population conference-2016. Mainz, September 1-3.
- Kazenin K.I., V.A. Kozlov (2016b). Omolozhenie materinstva v Dagestane: tendentsiya ili artefakt? [Young mother's age in Daghestan: real tendency or artefact of statistics] // Demograficheskoe obozrenie [Demographic review]. 3(3): 100-123.
- Muduev Sh.S. (2003). Naselenie i khozyaystvo Dagestana na rubezhe vekov [Population and economy of Daghestan at the break of the centuries]. Makhachkala: Dagknigoizdat. 304 p.

АРХИВЫ

ARCHIVE

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ДЕМОГРАФИИ

Круглый стол «Вопросов философии» (1974)¹

Перепечатка стенограммы выступлений на заседании Круглого стола, проходившего 7—8 мая 1974 года в редакции журнала «Вопросы философии» и посвященного обсуждению социально-философских проблем демографии. 1974 год был объявлен ООН «Годом мирового населения», в августе 1974 г. был проведен Международный конгресс по проблемам демографии в Бухаресте. В целом же 1970-е годы прошлого века стали важным этапом, в ряде случаев – поворотным пунктом как в эволюции основных демографических процессов, так и в развитии мировой демографической мысли. Материалы Круглого стола дают представление об уровне осмысления демографической реальности, основных демографических тенденций и их движущих сил в советской науке того времени. Они позволяют судить о соотношении объективного научного и заданного идеологического компонентов во взглядах участников Круглого стола. Обсуждение было междисциплинарным, в нем приняли участие демографы, философы, социологи, экономисты, этнологи, биологи, юристы.

В Круглом столе приняли участие:

*И.Т. Фролов
Я.Н. Гузеватый
А.Г. Вишневский
А.Я. Кваша
Н.П. Бочков
В.А. Болдырев*

*В.И. Переведенцев
В.И. Козлов
Л.Е. Дарский
И.Л. Андреев
М.М. Бабаев
В.П. Эфроимсон*

*В.А. Геодакян
О.Б. Осколкова
Б.С. Ерасов
В.В. Пациорковский
Г.И. Герасимов*

Ключевые слова: демография, демографические проблемы в СССР, философские проблемы демографии, демография и экология, демография и этнология, демография и генетика, демография и право, исторические типы воспроизводства населения.

И.Т. Фролов (доктор философских наук, профессор, главный редактор журнала «Вопросы философии»). Необходимость исследования демографических проблем.

Тема нашего сегодняшнего обсуждения за Круглым столом — социально-философские проблемы демографии — прямо примыкает к теме предыдущего Круглого стола «Наука и глобальные проблемы современности». Более того, наша сегодняшняя тема - это и есть одна из глобальных проблем современности, и мы должны обсудить ее более конкретно.

Я рад от имени редколлегии и редакции журнала «Вопросы философии» приветствовать всех, кто пришел к нам на это заседание. Для тех, кто участвует в наших заседаниях впервые, я должен сказать, что их главная цель заключается в том, чтобы привлечь внимание нашей научной общественности к определенным проблемам с тем, чтобы стимулировать их исследование, на основе которого можно было бы принять какие-то конструктивные, в том числе и практически-организационные, решения.

Чем вызывается наш интерес к демографической проблематике? Можно сказать, что нас заставляют все более настойчиво ставить проблемы демографии в социально-философском аспекте причины двоякого рода.

Прежде всего - это очень большая практическая потребность в том, чтобы эти проблемы широко обсуждались и более интенсивно разрабатывались в нашей стране. Мы знаем, что наше планирование и прогнозирование, в том числе и составление прогноза

¹ «Вопросы философии», 1974. № 9: 84-97; №11: 82-96; 1975, №1: 57-78.

развития нашей страны до 1990 года и дальше, предполагают в тесной связи с развитием производства, с нашим социальным развитием прогнозирование определенного состава населения нашей страны как с качественной, так и с количественной точки зрения. Ясно, что без точных демографических прогнозов в этом отношении никакой план не может быть признан реальным.

Если мы говорим о демографическом обеспечении наших планов и наших прогнозов, то, видимо, оно должно осуществляться не только в виде определенной констатации того, что происходит, но мы должны представлять себе демографический процесс как процесс регулируемый и соответственно более обоснованно употреблять тот термин, который я употребляю: демографическое обоснование наших планов, наших прогнозов.

Это значит, что в ходе регулирования демографических процессов, по-видимому, необходимо таким образом влиять на них, чтобы устранить некоторые диспропорции, некоторые нежелательные, возникшие в последние десятилетия в нашей стране явления для более равномерного развития нашего общества по пути к коммунизму. Я имею в виду неравномерность роста народонаселения по различным республикам нашей страны. Вы знаете, что это чревато многими нежелательными для нас демографическими явлениями, и ученые должны думать о том, как их устранить.

Это лишь немногие, но достаточно веские практические причины, которые побуждают нас обратиться к демографической проблеме.

Кроме того, существуют настоятельная теоретическая необходимость и потребность в обсуждении демографических проблем, в том числе социальных проблем демографии. Я не говорю уже о том, что с позиций исторического материализма и в рамках марксистско-ленинской теории необходимо существенное продвижение вперед, необходимы новые обобщения для того, чтобы мы могли осуществлять прогнозирование процессов демографического порядка. Вы прекрасно знаете, что сейчас во всем мире разгорается очень острая идеологическая дискуссия вокруг этих проблем. С одной стороны, еще живы и интенсивно культивируются всякого рода расистские, мальтузианские предрассудки. С другой — в качестве отрицательной реакции на эти явления существует своеобразный «демографический нигилизм». Считается, что эти проблемы должны решаться стихийно, что вообще, поскольку демографическая проблематика есть нечто производное от общей социально-политической проблематики, то, решая общие социальные проблемы, мы можем решить и проблемы демографические. Я думаю, что нет необходимости критиковать эту точку зрения, она уже сейчас все больше приходит в столкновение с практикой и обнаруживает свою ложность.

Возвращаясь к тому, с чего я начал, я хотел бы подчеркнуть, что сама по себе эта проблематика по своему характеру является глобальной и комплексной, причем в ряду других глобальных проблем современности она выступает как одна из наиболее важных и актуальных. Данное обстоятельство мы должны иметь в виду с самого начала, так как этим объясняется, почему именно мы, философы, собираем вас, представителей разных наук, чтобы с разных сторон обсудить демографическую проблематику.

В заключение я хотел обратить ваше внимание на ряд вопросов, которые мы считаем первостепенными. Прежде всего, это структурные составляющие демографического процесса, особенности взаимодействия биологического и социального в воспроизводстве населения. Затем культурная и этническая детерминация демографических процессов; зависимость демографических характеристик населения от уровня экономического развития общества; миграции и воспроизводство населения; взаимодействие индивидуального и всеобщего в современном демографическом процессе; социально-психологические механизмы демографического поведения.

Я хотел бы выделить здесь как один из важных вопросов, которые мы должны обсуждать на заседании Круглого стола, вопрос о применении марксистско-ленинской методологии в исследованиях социальных проблем демографии. Мы должны посмотреть, что дает и что может дать методология исторического материализма в исследовании демографических проблем, что могут дать здесь современные социологические исследования.

В связи с этим возникает вопрос об изучении типологии и эволюции исторических форм воспроизводства народонаселения, сопоставлении различных способов регулирования численности населения. Как следствие из этого вытекают проблемы, касающиеся демографической политики. Здесь имеются в виду оптимальная демографическая структура населения нашей страны с точки зрения перспектив социально-экономического развития, цели и ориентиры демографической политики различных регионов мира, пути и способы осуществления направленной демографической политики.

Как видите, мы в редакции исходим из того, что такая демографическая политика нужна. А следовательно, нужно определенное регулирование и управление демографическими процессами при социализме.

Особо хотелось бы выделить также вопрос о научных основах прогнозирования народонаселения: каким будет население планеты к 2000 году, когда закончится «демографический взрыв» в развивающихся странах? Может быть, мы вернемся и к обсуждению вопроса о народонаселении и естественных ресурсах планеты.

Имеется еще ряд важных вопросов: развитие науки и здравоохранения; социального обеспечения и изменения в генетике популяций человека; демографические последствия урбанизации; социально-психологические аспекты демографии; изменения в возрастной структуре населения и возникающие в связи с этим проблемы.

Я еще раз повторяю, что это лишь некоторые из вопросов, которые мы будем обсуждать. Один только перечень этих вопросов, как видите, занимает достаточно много времени, не говоря уже об их обсуждении.

**Я.Н. Гузеватый (доктор экономических наук, Институт востоковедения АН СССР).
Общеметодологические принципы объяснения демографических процессов.**

Из большого числа вынесенных на сегодняшнее обсуждение вопросов я коснусь лишь двух. Во-первых, некоторых общеметодологических принципов в объяснении демографических процессов и, во-вторых, некоторых идеологических и политических аспектов современной международной активности в области проблем мирового населения.

Как известно, в наших общественных науках долгое время наблюдалось стремление ограничить рассмотрение особенностей «производства самого человека, продолжения рода» (Энгельс) рамками только экономических законов, забывая о двойственной природе человека, человеческого общества — о ее взаимосвязанных социальной и биологической сторонах, а также о многочисленных общественных явлениях, опосредствующих эту диалектическую связь. В результате из поля зрения исследователей выпадала качественная суть демографических процессов, что вело к отождествлению демографии со статистикой населения, отрицанию какой-либо специфической, относительно активной роли демографических факторов в общественном развитии, существования каких-либо иных проблем народонаселения, кроме социально-экономических.

Успешное преодоление этих ошибочных взглядов в ходе дальнейшего развития общественных наук и повышения их роли в коммунистическом строительстве выводит демографию на новые рубежи. Правда, нельзя еще сказать, что наши научные круги и практические организации полностью освободились от прошлых предвзятых представлений в вопросах народонаселения. Достаточно напомнить, что мы до сих пор не имеем в стране специального научного института, где бы комплексно исследовались эти важные вопросы в их внутригосударственном и международном аспектах. По сути дела, все еще не проявляет действительного интереса к организации таких исследований Академия наук СССР; ее Научный совет «Социально-экономические проблемы народонаселения» за шесть лет своего существования так и не стал органом, стимулирующим и координирующим развитие демографии.

Вместе с тем следует обратить внимание и на заблуждения иного порядка, когда в пылу полемики с догматическим отрицанием всякой самостоятельности демографических факторов в общественном развитии возникает другая крайность — чрезмерное преувеличение этой самостоятельности, попытки излишне прямолинейного применения биологических закономерностей к анализу общественных явлений.

Определенные сомнения возникают также по поводу теоретической и практической полезности употребления некоторыми нашими учеными термина «демографическая революция» при объяснении происходящих в современном мире демографических сдвигов. Отсюда может возникнуть ложный вывод о самодовлеющей природе демографических процессов, об их способности к качественным, революционным скачкам в результате внутренних количественных изменений, тогда как в действительности речь идет о демографических сдвигах под воздействием социально-экономического развития.

Резкое ускорение темпов роста мирового населения с середины нынешнего века явилось результатом снижения уровня смертности в развивающихся странах прежде всего благодаря появлению после второй мировой войны принципиально новых, эффективных медицинских препаратов и широкому их применению в борьбе с эпидемическими заболеваниями. Что же касается демографического поведения населения развивающихся стран в отношении рождаемости, то здесь никаких революционных изменений не произошло, оно в основном остается неизменным, поскольку сохраняются экономические, социальные и культурные условия для господства традиций многодетности. Таким образом, беспрецедентный феномен «демографического взрыва» обязан своим

возникновением, с одной стороны, проявлению мировой научно-технической революции в области здравоохранения, и с другой, национально-освободительным революциям, открывшим путь к улучшению экономических и санитарно-гигиенических условий жизни населения бывших колониальных и зависимых стран.

Если же говорить об общих закономерностях развития** населения, то здесь в первую очередь надо подчеркнуть, что хотя размножение человека имеет единое со всей органической природой биологическое начало, однако в отличие от животного и растительного мира в человеческом обществе это биологическое начало опосредствовано социальными явлениями, причем их значение в воспроизводстве человека неуклонно возрастает с общественным прогрессом. Состояние рождаемости и смертности во все большей степени зависит от роста материального благосостояния и культуры, развития здравоохранения и социального обеспечения, политических условий и т. д.

Каждый новый общественный строй и свойственный ему способ производства побеждает старый, создавая более высокий уровень производительности труда. В результате общество в целом становится более богатым, в нем создаются более благоприятные жизненные условия, что, в свою очередь, ведет к уменьшению смертности, увеличению средней продолжительности жизни населения. И поскольку социализм является самой прогрессивной общественной формацией, создающей условия для всестороннего духовного и физического развития трудящихся, зрелое социалистическое общество будет обладать предельно низкой смертностью.

Динамика рождаемости также в конечном итоге зависит от развития производительных сил, роста производительности труда, хотя эта связь намного сложнее, чем в случае со смертностью, поскольку она опосредствована многообразным комплексом психологических, культурных и социальных факторов, включая религиозные воззрения, традиции, психологическую реакцию на экономическую и политическую конъюнктуру и т.д. Поэтому динамика рождаемости подвержена большим колебаниям и, как правило, значительно отстает во времени от экономических процессов. Однако генеральную тенденцию составляет снижение рождаемости при модернизации отсталых аграрных обществ под воздействием промышленной революции, способствующей разложению патриархальных крестьянских семей, росту городского населения за счет сельского, распространению образования, усилению социальной мобильности и повышению материальных и культурных запросов населения.

Решающую роль в снижении рождаемости играет кардинальное изменение социального положения женщин, которые все более активно включаются в общественное производство, культурную и политическую жизнь, что неизбежно отодвигает на задний план биологическую функцию деторождения. Разумеется, снижение рождаемости под воздействием социальных факторов имеет свои пределы, определяемые биологической стороной человеческой природы. В конечном итоге никакие общественные мотивы не могут подавить естественного инстинкта продолжения рода, не в состоянии заменить человеку родительского счастья. Этот биологический по своей сути фактор в динамике рождаемости подкрепляется определенными экономическими и социальными побуждениями: стремлением иметь детей как наследников семейного имущества, духовных

идеалов родителей и т. п. Социологи отмечают также, что в условиях современной научно-технической революции и вызываемых ею ускорениях ритма деловой жизни, нервных перегрузок все заметнее проявляется новая функция семьи как своего рода «психологического убежища», что также поддерживает желание иметь детей.

Поскольку действительное, полное равноправие женщин во всех сферах общественной деятельности наступает только с победой социализма, то в принципе низкая рождаемость является закономерной для социалистического общества. Однако на высшем этапе его развития, когда личные интересы отдельных семей и индивидов начнут гармонично сочетаться с коллективными, впервые возникнет объективная возможность планомерного регулирования рождаемости для установления оптимального режима воспроизводства населения в соответствии с конкретными потребностями общества. Как писал в свое время Ф. Энгельс, «если когда-нибудь коммунистическое общество вынуждено будет регулировать производство людей, так же как оно к тому, времени уже урегулирует производство вещей, то именно оно и только оно сможет выполнить это без затруднений»².

Уточнение методологических позиций в вопросах народонаселения имеет сейчас особое значение в связи с развернувшейся в мире беспрецедентной демографической активностью в рамках провозглашенного ООН «Года мирового населения». Эта активность создала благоприятную конъюнктуру для современных мальтузианцев, которые вновь пытаются ссылками на «чрезмерную рождаемость» оправдать пороки социальной системы капитализма, демографическими дискуссиями оттеснить на задний план главные проблемы современности — проблемы борьбы за мир и безопасность народов, против политической реакции, за демократию и прогресс. Их шумливые представители уверяют, будто сейчас нет более серьезной угрозы человечеству, качеству жизни и сохранению мировой цивилизации, чем продолжающийся быстрый рост мирового населения, и что только немедленное принятие политики полного прекращения этого роста (обеспечение «нулевого» роста населения) может, в частности, избавить мир от катастрофы мирового голода, истощения естественных ресурсов и заражения окружающей среды.

Как и в прошлом, теоретические построения современных мальтузианцев представляют собой бессодержательную абстракцию, поскольку оставляют, в стороне самое важное: научно-технический прогресс и изменение социальных условий. Наука давно доказала и каждый день дает, новые свидетельства того, что человечество обладает практически беспредельными производительными силами, способными обеспечить жизненными средствами, по сути дела, любое растущее население. И если в современном мире миллионы людей голодают, если приобретает реальные очертания опасность, экологического кризиса, то это объясняется не высокой рождаемостью населения развивающихся стран, не исчерпанностью природных ресурсов, а вполне конкретными общественными причинами, затрудняющими их рациональное использование.

Принципиальная критика ложных мальтузианских утверждений об опережающем росте населения по сравнению с ростом средств существования и, как следствие, о

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 35, стр. 124.

первостепенном значении мероприятий по ограничению рождаемости для решения актуальных проблем современности отнюдь не означает отрицания реальных затруднений, возникших в развивающихся странах из-за ускорившегося роста населения в условиях унаследованной от эпохи колониализма отсталой аграрной экономики со все еще слабой промышленностью, недостатком капиталов и квалифицированных кадров. Умножение людских ресурсов без соответствующего увеличения средств производства и повышения производительности труда осложняет проблемы занятости и продовольственного потребления, увеличивает трудоизбыточность деревни и перенаселенность городов, и т. д. Иначе говоря, не демографические процессы сами по себе, а вполне конкретные, исторически определенные общественные условия породили голод, нищету и безработицу трудящихся масс. Нынешние демографические изменения лишь обостряют эти проблемы.

Их решение возможно только на основе проведения коренных социально-экономических реформ, направленных на преобразование отсталой общественной структуры, тормозящей технический прогресс и затрудняющей улучшение жизненного положения трудящихся. Только в ходе таких коренных общественных преобразований закономерно возникает тенденция к снижению рождаемости, и развитие этой тенденции может быть ускорено целенаправленной демографической политикой.

В перспективе можно ожидать дальнейшего обострения проблем народонаселения, поскольку за оставшиеся до конца века неполных три десятилетия в развивающихся странах появится, как предполагается, дополнительно около 2,5 млрд жителей, то есть столько, сколько насчитывалось на всем земном шаре всего каких-нибудь четверть века тому назад. Соответственно возрастут потребности в продовольствии, водоснабжении, промышленных товарах, сельскохозяйственном и минеральном сырье, энергетических мощностях и пр. Сложность задачи заключается в том, что развивающиеся страны не только должны совершить гигантский рывок в своем экономическом росте, необходимый для удовлетворения новых потребностей, но и обеспечить при этом эффективные меры по защите окружающей среды.

«Минимальный» вариант прогноза ООН, исходящий из наиболее оптимистической оценки снижения рождаемости в оставшееся до конца века время, предусматривает увеличение численности населения развивающихся стран до 4,5 млрд человек вместо 5 млрд, как это предусмотрено более достоверным «средним» вариантом. Конечно, разница в 0,5 млрд будет существенным выигрышем (и с этой точки зрения демографическая политика может принести определенную пользу), но он практически не изменит самого характера проблемы. Даже если допустить совершенно нереальную возможность сокращения рождаемости во всем мире до уровня простого воспроизводства к 1980 году, численность жителей земли будет продолжать расти за счет сложившейся к настоящему времени молодой возрастной структуры населения развивающихся стран вплоть до середины следующего века и лишь затем наступит стабилизация.

Таким образом, задача предотвращения до конца нынешнего века продовольственных и других затруднений в связи с ожидаемым ростом населения становится для развивающихся стран еще одним веским аргументом в пользу выбора социалистического пути развития, который только и способен обеспечить рациональное,

плановое использование естественных ресурсов и применение передовой, эффективной технологии в интересах общества и природы. Эта задача также подтверждает первостепенное значение борьбы всех прогрессивных сил мира за всеобщее и полное разоружение, за мир и сотрудничество между народами, за национальную независимость и демократию. Только с ослаблением напряженности и переключением военных расходов на мирные цели возникнут благоприятные условия для всесторонней международной помощи развивающимся странам в их экономическом и культурном росте, а также для осуществления практических мероприятий в национальных, региональных и всемирном масштабах по урегулированию актуальных демографических и экологических проблем.

А.Г. Вишневский (кандидат экономических наук. Отдел демографии Научно-исследовательского института ЦСУ СССР). Некоторые теоретические проблемы демографии.

Любая наука обречена на топтание на месте, если она уклоняется от широких концептуальных обобщений, касающихся изучаемых ею процессов. Мне кажется, что в области демографии такие обобщения невозможны, если не будут осмыслены общие закономерности размножения, не будет понята, в частности, историческая специфика размножения в человеческом обществе.

Размножение как процесс изменения (или поддержания неизменными) численности и структуры популяции в результате постоянного возникновения новой жизни и гибели отжившего, постоянного взаимодействия «рождений» и «смертей» свойственно, конечно, не только людям. Это закон всего живого. Поэтому, исследуя закономерности размножения людей, необходимо понять, какое место занимает оно во всей эволюции форм размножения от простейших до человека. Размножение людей — высшая форма размножения, качественно отличная от всех его предшествующих форм. Но, как известно, высшее, вырастая из низшего, никогда не перечеркивает его полностью. Стало быть, если мы хотим понять качественные особенности высшей ступени эволюции процесса размножения, мы должны не только разобраться в сути качественного скачка, позволяющего говорить о возникновении одновременно с человеческим обществом и более высоких форм размножения, но и не упустить из поля зрения ту преемственность, которая сохраняется при переходе от размножения в дочеловеческом органическом мире к размножению в человеческом обществе.

Размножение представляет собой одну из основных сторон жизнедеятельности любого биологического вида. Непрерывность размножения предполагает длительное сохранение относительно устойчивого равновесия между видом и средой. В то же время как само размножение вида, так и колебания внешних условий всегда содержат возможность нарушения этого равновесия, в частности возникновения диспропорции между численностью индивидов данного вида и теми элементами среды, с которыми он взаимодействует. Казалось бы, такое нарушение неизбежно уже хотя бы потому, что размножение вида в целом есть суммарный результат жизнедеятельности массы независимых индивидуумов, неспособных учитывать непрерывно меняющийся баланс взаимодействия вида и среды. Однако длительная история всех преуспевающих видов свидетельствует о том, что если нарушение этого баланса и случается, то оно не выходит за пределы, за которыми само существование вида оказывается под угрозой.

Равновесие между видом и средой обеспечивается в рамках естественных экологических систем, к которым принадлежат популяции данного вида. Я не буду касаться здесь конкретных механизмов, благодаря которым достигается такое равновесие, — они хорошо известны биологам, каковы бы ни были эти механизмы, смысл их действия заключается в том, что они приводят жизнедеятельность индивидуума — в той мере, в какой она связана с размножением, — в соответствие с экологическими требованиями, предъявляемыми к популяции. Иначе говоря, они обеспечивают существование обратной связи между размножением популяции и жизнедеятельностью индивидуального организма.

В этом смысле реализация физиологически предопределенной воспроизводительной потенции отдельного индивидуума контролируется гомеостатическими механизмами, которые учитывают процессы, протекающие на популяционном уровне. В результате индивидуальное функционирование оказывается подчиненным — до известного предела, который ставится физиологическими возможностями организма, — коллективному функционированию.

Такие выработанные естественным отбором гомеостатические механизмы, обеспечивающие относительную стабильность популяций, достаточно эффективны в дочеловеческом мире, в условиях, когда сама емкость экологических систем, как правило, длительное время остается стабильной.

С появлением человеческого общества положение коренным образом меняется. В отличие от того, что имеет место в мире растений и животных, в человеческой деятельности с самого начала заложены возможности изменения исходных условий экологического равновесия — на первых порах за счет повышения эффективности использования того, что человек находит в природе готовым, а затем за счет преобразования природы. Человеческая деятельность в относительно очень короткие сроки, хотя и не сразу, нарушает сложившееся в природе равновесие между популяцией и средой. При этом постепенно изменяется само понятие среды: она перестает быть только естественной, становится все в большей мере социальной — идет ли речь о преобразованной трудом природе или о материальных, социальных либо культурных рамках, в которых протекает жизнь людей. Усложняется и понятие равновесия, которое должно теперь обеспечивать нечто гораздо большее, чем обмен веществ в биоценозах и т. п. процессы. Но не вызывает сомнения, что и в обществе, причем на любых этапах его развития, сам процесс размножения и его результаты должны быть сбалансированы со всеми остальными сторонами деятельности человека (также рассматриваемыми с точки зрения процесса и результатов). Поэтому и у людей размножение должно протекать на основе самоорганизации, обеспечивающей поддержание определенной устойчивости этого процесса, того, что можно назвать демографическим гомеостазисом.

Демографический гомеостазис должен поддерживаться в условиях, которые благодаря человеческой, деятельности быстро меняются в отличие от условий в естественных экосистемах, на протяжении очень долгого времени остающихся неизменными. Создается ситуация, в которой приспособительные механизмы, выработанные естественным отбором, становятся неэффективными и перестают выполнять свои функции. Самый косный человеческий коллектив, несравненно динамичнее любого

сообщества животных и не сможет развиваться, если он будет приспосабливаться к черепашиным шагам естественного отбора. Создание новых приспособительных механизмов, в частности механизма, контролирующего размножение, — одна из фундаментальных задач, решаемых человечеством в процессе его становления. Эта задача порождается самим развитием становящегося человеческого общества — развитием, которое в то же время создает условия ее решения.

Существуют различные во многом еще неизвестные нам каналы, по которым в животном мире к отдельной особи поступает информация, предопределяющая ее функционирование в сфере размножения и отражающая ситуацию, складывающуюся на популяционном уровне. Природа этих каналов, как уже говорилось, естественная. Подобные информационные каналы существуют, по-видимому, и у людей. Но в целом обратная связь «коллектив — индивидуум» у людей осуществляется по каналам, имеющим общественную природу.

Основа существования человеческого общества — совместная трудовая деятельность людей — невозможна на базе выработанных естественным отбором способов общения, способов закрепления, хранения и передачи информации. В процессе трудовой деятельности и в связи с ней между человеком и природой, с одной стороны, и у людей между собой — с другой, возникают отношения, гораздо более многообразные, глубокие и гибкие, чем это возможно у животных. Эти отношения и все, что с ними связано, находят свое выражение в специфически человеческом, социальном по своей природе феномене — культуре.

Культура образует то русло, в котором протекает жизнь индивидуума в человеческом обществе, тот субстрат, в котором он существует. В сфере действия культуры функционирует и механизм саморегулирования размножения в человеческом обществе. Этот механизм через посредство культурных норм, содержащих в себе необходимую информацию об условиях размножения людей и взаимодействии человеческих коллективов со средой, диктует каждому индивидууму такое поведение, которое (в среднем и на протяжении достаточно длительных отрезков времени) обеспечивает поддержание объективно необходимого равновесия.

Механизмы культуры имеют общественную, а не естественную природу, их возникновение — результат действия социальных сил. Сущность переворота, происходящего в сфере размножения в период становления человеческого общества, заключается в том, что он привел к замене биологического по своей природе механизма контроля над размножением на популяционном уровне механизмом социальным. Это произошло в силу общей трансформации многих закономерностей развития жизни в связи с переходом на высшую ступень этого развития — к общественной жизни. Возможно, новый механизм длительное время выполнял те же функции, что и старый (поддержание равновесия в рамках естественных экосистем), но создание этого механизма было одной из важных составных частей подготовки перехода человечества к преобразующей внешнюю природу созидательной деятельности.

В результате возникло качественно новое явление — воспроизводство населения. Под воспроизводством населения мы понимаем размножение в его высшей форме,

свойственное только человеку и отличающееся от размножения в дочеловеческом органическом мире тем, что оно протекает не под биологическим, а под социальным по своей природе контролем. Подчеркнем еще раз, что речь идет все время о процессах, происходящих не на индивидуальном, а на популяционном («населенческом») уровне.

Воспроизводство населения проходит в своем историческом развитии несколько ступеней, различающихся типом социального механизма, регулирующего размножение людей. Оно, следовательно, всегда осуществляется не вообще, а в определенных исторических формах. Характер социального контроля размножения, скажем, у первобытных людей и в социалистическом обществе принципиально различен, а потому и воспроизводство населения протекает по-разному. Воспроизводство населения вообще, так же как и производство вообще,— «абстракция, но абстракция разумная, поскольку она действительно выделяет общее, фиксирует его и потому избавляет нас от повторений»³. Представляя собой специфическую сторону, общественного бытия, воспроизводство населения имеет как черты, меняющиеся от эпохи к эпохе, так и черты, общие для всех эпох человеческой истории, а в более широком плане, как мы видели, даже черты, общие с размножением в мире растений и животных.

Изменения, которые происходят в воспроизводстве населения, сводятся к изменениям в социальном механизме, обеспечивающем гомеостатическое саморегулирование процесса размножения людей. Эти изменения можно рассматривать как моменты исторического развития воспроизводства населения, движения от низших его форм к высшим.

Среди демографов, существуют определенные разногласия по поводу понимания, характера этого исторического процесса. Многие из них отрицают либо сам факт исторических изменений в воспроизводстве населения, либо наличие внутренних импульсов демографического развития, его скачкообразный характер, правомерность термина «демографическая революция» и т. д. Мне кажется, что сегодняшний Круглый стол — как раз то место, где подобные вопросы могут быть обсуждены. Разумеется, интерес представляют не терминологические споры, а вопрос об общей концепции демографического развития. Я изложу здесь свое понимание этого вопроса, думаю, что в выступлениях моих коллег найдет отражение и иная точка зрения.

Я рассматриваю историческое развитие воспроизводства населения, как процесс, имеющий диалектический характер. Ему свойственны длительные периоды эволюции, медленного накопления количественных изменений в демографическом механизме и революционные скачки, возникновение нового качества, нового типа демографического механизма. Разумеется, эти скачки происходят не сами по себе, не в отрыве от всего социально-экономического развития, а, наоборот, в теснейшей связи с ним, представляют собой звено в цепи материальных и социальных переворотов, переживаемых обществом в переломные моменты его исторического пути. Различные типы демографического механизма неразрывно связаны с определенными этапами этого пути, с определенным

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 12, стр. 711.

уровнем развития производства и его социальных форм, что позволяет говорить об исторических типах воспроизводства населения.

При всем многообразии конкретных условий, в которых протекало воспроизводство населения в разные исторические эпохи, пестроте регулирующих его социально-культурных норм и довольно широком диапазоне количественных характеристик этого процесса, можно, как мне кажется, выделить три основных исторических типа воспроизводства населения.

Первый из них — исходный тип человеческого размножения, который я предлагаю называть архетипом воспроизводства населения. Он характерен для доклассового общества, живущего в условиях присваивающей экономики. На этой стадии человеческой истории размножение людей находится уже под социальным контролем, но сфера действия последнего сильно ограничена, демографический механизм приводит воспроизводство населения в соответствие с возможностями естественных экологических систем, к которым все еще принадлежат первобытные человеческие популяции.

Второй исторический тип воспроизводства населения — примитивный (этот термин широко распространен в специальной литературе). Он господствует в докапиталистических классовых обществах, хозяйственную основу которых составляет аграрная экономика. Возникновение и развитие сельского хозяйства и основанных на нем экономики и форм общественной жизни резко увеличило возможности роста населения и в то же время сделало более многочисленное население необходимым, что и вызвало к жизни примитивный тип воспроизводства населения и обеспечило его сохранение до тех пор, пока сохранялась доминирующая роль аграрной экономики.

Наконец, современный тип воспроизводства населения возникает в связи с новым громадным скачком в развитии производительных сил, с превращением преимущественно аграрной экономики в преимущественно индустриальную. Этот скачок создает материальную основу для новых условий демографического гомеостаза и требует приведения демографического механизма в соответствие с ними. Впервые становление современного типа воспроизводства населения происходит при капитализме, что соответствует исторической миссии последнего — миссии подготовки более высоких экономических и социальных форм, в конечном счете — бесклассового общества. Но уже сейчас ясно, что переход к современному типу воспроизводства населения в капиталистических условиях совершался или совершается лишь у относительно небольшой части населения земного шара. У большинства же населения мира этот переход начался после того, как прогрессивная роль капитализма была исчерпана, и связан с некапиталистическим развитием.

Этот переход — центральное событие в демографическом развитии человечества в XX веке. Идет ли речь о мировых демографических проблемах современности или о демографических проблемах нашей страны, сегодня они теснейшим образом связаны с переходом к современному типу воспроизводства населения, с формами такого перехода, его темпами и т. п. Я убежден, что все попытки разобраться в этих проблемах, игнорируя место наблюдаемых демографических явлений во всей современной истории демографического развития, обречены на неуспех. Между тем изучением этой истории и ее

осмыслением мы почти не занимаемся, считая, видимо, такое занятие делом не актуальным. Думаю, что это глубокое заблуждение, и чем скорее мы от него избавимся, тем успешнее будет наша работа.

А.Я. Кваша (кандидат экономических наук, доцент кафедры народонаселения экономического факультета МГУ). Некоторые проблемы демографической ситуации в СССР.

Говорить о демографической ситуации в нашей стране в целом, конечно, можно лишь с большой долей условности. У нас существуют три типа воспроизводства населения: примерно у 80% населения страны оно происходит на основе низкой рождаемости и смертности и высокой миграции; для сельского населения Средней Азии характерна высокая, не ограничиваемая рождаемость, низкая смертность и низкая миграция; переход от второго к первому типу рождаемости отмечается в Армении, Молдавии, а в последние годы уже и в Азербайджане.

В условиях ограничиваемой рождаемости общее небольшое число рождений может иметь весьма существенный разброс во времени, то есть от рождения первого до рождения второго ребенка может пройти и год, и три, и более лет, при большой миграции населения. Поэтому традиционные показатели режима воспроизводства, которые успешно использовались в прошлом, сейчас могут давать искаженную картину типа воспроизводства населения.

Видимо, прежде чем говорить о суженном воспроизводстве в той или иной части страны, нужно детально разобраться, существует ли вообще суженное воспроизводство, понимая под ним систематическое сокращение численности населения, и чем оно вызвано — то ли интенсивным оттоком молодежи, как это существует в некоторых областях РСФСР, то ли изменением репродуктивных установок семей. Различия в этих ситуациях с точки зрения возможностей управления демографическими явлениями принципиальны.

Итак, первый вывод, который я хотел бы сделать — это необходимость детального анализа демографической ситуации на основе разносторонней информации и новейших методов анализа.

Следующая проблема — оценка социально-экономических последствий различных (гипотетических и реально существующих) типов воспроизводства населения и выработка гипотез о параметрах оптимального типа воспроизводства населения. Трудность этой проблемы состоит и в том, что это должен быть оптимум не только с позиций сегодняшнего дня, но и будущего, причем под ним следует понимать, как нам представляется, не какую-то оптимальную численность, а тип воспроизводства, определение пропорции демографических структур (возрастно-половой, образовательной, региональных и ряда других структур). Словом, речь идет о создании целой системы структур. Добавим, что, учитывая слабую эргодичность возрастной структуры, необходимы десятилетия, пока нивелируются те «пики» и «впадины» в возрастной структуре населения, которые вызваны войнами и их последствиями, резкими колебаниями годовых уровней рождаемости. Таким образом, говоря о задаче демографического оптимума, мы имеем проблему, которую надо решать с позиций интересов не сегодняшнего, а завтрашнего и даже послезавтрашнего дня.

Сейчас можно, как мне представляется, определить параметры оптимального типа воспроизводства, лишь, исключая те его типы, которые явно не могут быть оптимальными. К таким типам относится суженное воспроизводство и воспроизводство с очень высокими темпами роста населения на базе не ограничиваемой рождаемости и низкой смертности. При суженном воспроизводстве (в указанном выше понимании) резко усиливаются социально-экономические последствия постарения населения, а проблема трудовых ресурсов может стать столь остро, что их нехватку не сможет компенсировать рост производительности труда. Переход к однодетной семье как наиболее типичной в условиях суженного воспроизводства создает сложные социально-психологические проблемы.

Очень высокие темпы роста населения, особенно в условиях низкой подвижности, медленной адаптации к несельскохозяйственному труду, ведут к созданию трудоизбыточных районов. Очень важно и то, что при многодетности затрудняется гармоничное развитие личности женщины-матери. В условиях высоких темпов роста населения очень велики демографические инвестиции.

Можно предположить, что оптимальным будет воспроизводство простое по типу с очень небольшими темпами роста (двух-трехдетная семья с преобладанием трехдетной) с гармоничной половозрастной структурой для больших территорий. Конечно, в силу действия структурных факторов этот режим воспроизводства может варьироваться для отдельных территорий, но интенсивность демографических процессов везде должна быть примерно одинаковой.

Формирование такого типа воспроизводства в исторически кратчайшие сроки должно быть предметом заботы общества. Ведь сейчас мы, успешно развивая экономику, науку, технику, общество в целом, в значительной мере стали недооценивать роль демографических компонентов в развитии. Многие годы мы говорим о женщинах-труженицах, молчаливо подразумевая, что воспроизводительная функция будет реализоваться сама собой. В результате в системе общественных ценностей выполнение демографического долга перед обществом, стало цениться все меньше.

С другой стороны, если общество заинтересовано в поддержании определенного уровня рождаемости в стране, то оно должно рядом мер поднять (или не допускать снижения) жизненный уровень семьи при рождении нового ребенка. Нельзя полностью отрицать, как это иногда делается, необходимости мер экономической помощи семье, в том числе и разного рода денежных выплат. И если мы хотим поднять рождаемость, то в этих целях необходимо и определенное перераспределение государственных средств.

Несколько слов о проблемах «демографической революции». Сдвиги в воспроизводстве населения в XIX—XX веках, происходившие хоть и разными темпами, носят действительно количественный характер — переход от неограничиваемой рождаемости к сознательно контролируемому ее уровню, от неограничиваемой к снижающейся смертности. Если предполагать дальнейшее развитие населения по этой логике, то можно представить достаточно фантастическую, но теоретически возможную ситуацию, когда сам процесс зачатия и рождения будет отделен от организма человека. За ним останется лишь постановка «исходного материала» для такого рода операций.

Чтобы эта ситуация не казалась совсем неправдоподобной, напомним, что уже сейчас, по сути дела, половой акт и акт зачатия, единые в прошлом, в настоящее время очень часто бывают разделены. В США уже произведено большое число операций искусственного оплодотворения. Так что в принципе новые качественные скачки в процессе воспроизводства населения возможны с позиций, так сказать, технических. Другое дело — их социальные, психологические последствия. Это область, где тенденции развития определить гораздо труднее.

Еще об опыте демографического развития республик Средней Азии. Он интересен со многих точек зрения. Во-первых, там социально-экономические преобразования начались в основном в той же демографической ситуации, что и во многих развивающихся странах. Однако принципиальное отличие этих преобразований состояло в том, что социалистический общественный строй позволил предоставить этим районам экономическую и иную помощь (например, весьма важную помощь специалистами из других районов страны, подготовка национальных кадров), что в сфере общественных отношений и экономики произошел огромный скачок. Эти районы перешли от феодальных к социалистическим отношениям, минуя капитализм. Все это обеспечило резкое снижение смертности, причем в значительной степени уже в предвоенный период, то есть до «эры антибиотиков». В то же время репродуктивные установки остались в сельской местности республик Средней Азии практически неизменными. Более того, рост жизненного уровня населения, снижение числа специфических женских заболеваний, благожелательное и поощрительное отношение государства к многодетности способствовали укреплению идеала многодетной семьи.

Конечно, и без соответствующей демографической политики, направленной на снижение рождаемости, в этих районах будут действовать факторы, стимулирующие снижение рождаемости. Процессы эти довольно интенсивно начинаются в Азербайджане — республике, во многом близкой по характеру традиций к республикам Средней Азии, но характер экономического и особенно темпы промышленного развития АзССР значительно ускорили начало процессов снижения рождаемости.

Однако даже если интенсивность рождаемости в сельской местности республик Средней Азии начнет снижаться где-то в районе 1985-1990 гг., то и в этом случае, как показывает опыт Молдавии и Армении, этот процесс продлится не один год. Но и после существенного снижения рождаемости молодая возрастная структура населения этих республик будет поддерживать сравнительно высокие темпы естественного прироста населения. Так, только за счет возрастной структуры (так называемый демографический потенциал роста) население Узбекской ССР в 1970 г. могло бы увеличиться на 75%, Таджикской ССР - на 80%, РСФСР - на 22%, Украинской ССР - на 14%, а Эстонии - лишь на 6%. Таким образом, еще многие годы высокие темпы естественного прироста населения будут характерны для сельского населения республик Средней Азии.

Проблемы населения нуждаются в глубоком и всестороннем анализе, они должны стать важным направлением исследований нашей науки.

Н.П. Бочков (член-корреспондент АМН СССР, директор Института медицинской генетики АМН СССР). Современные демографические процессы и генетика человека.

Одна из «модных» тем в последние годы — тема «демографического взрыва», методов его ограничения, политики в этом вопросе и т. д. При этом в первую очередь должны быть подвергнуты «анатомическому» препарированию социальные, экономические и биологические аспекты данного явления. Лишь после этого можно обсуждать взаимодействие разных факторов в демографических явлениях и выработать конкретные рекомендации. Очень важно показать широкой аудитории, что в этих проблемах неясного, что заслуживает обдумывания, может быть, специальной научной разработки.

Говоря о генетических аспектах рассматриваемых сегодня вопросов, мне хотелось бы остановиться на трех тезисах. Поскольку я не занимаюсь специальной разработкой этих вопросов, возможно, что присутствующие здесь биологи могут не только изложить другую точку зрения, но и показать, в чем я неправ.

Есть ли для человека биологическая необходимость в сохранении естественного максимального деторождения? Вызовет ли биологические последствия ограничение деторождения (например, одним — тремя детьми)? Ведь существует точка зрения, согласно которой человек должен размножаться так, как ему биологией положено.

На мой взгляд, биологической необходимости в максимальном деторождении нет, то есть нет таких биологических механизмов, которые нарушались бы демографической политикой, направленной на ограничение деторождения. Есть более чадолюбивые супружеские пары и есть пары менее чадолюбивые. Есть люди, которые себя чувствуют хорошо и интенсивно работают, когда их окружают 5—7 детей. Есть и такие пары, которые сразу перекладывают заботу о детях на бабушек или на детские сады. В этом отношении мы, очевидно, сталкиваемся с нормальной человеческой вариабельностью.

Возникает вопрос: не будет ли ограничиваться демографической политикой свобода личности чадолюбивых родителей? Мне кажется, что для каких-то резко выделяющихся в этом отношении супружеских пар могут быть сделаны исключения. Это не явится серьезным препятствием для демографической политики, если она будет направлена на сокращение деторождаемости.

Какое влияние могут оказывать «демографический взрыв» и демографические ограничения на человечество в целом? Будет ли избирательная рождаемость нарушать существующий генофонд человечества? Не явится ли социальное регулирование деторождения вмешательством в эволюцию генофонда человечества? У меня такое впечатление, что не только в ближайшее время, но и в ближайшие столетия это не вызовет существенных изменений в генофонде населения всего земного шара. С генетической точки зрения существует мощный противовес процессам изменения генофонда за счет ограничения деторождения. Это — резкое ослабление «границ» браков, которое увеличивает гетерогенность популяций Земного шара и тем самым делает более единым в генетическом отношении все население Земного шара.

Несомненно, что популяционная генетика пока еще не обладает достаточным запасом знаний, чтобы предвидеть возможные изменения генофонда в связи с будущей демографической политикой. Эти вопросы находятся сейчас в стадии изучения. Я имею в виду, например, то, что до последнего времени человечество эволюционировало в малых группах. Сейчас с генетической точки зрения мы имеем другую ситуацию, и с этим необходимо считаться, необходимо изучать и прогнозировать новые явления.

Я не считаю, что демографическая политика может оказаться чем-то особенно опасным для наследственности человека. Вместе с тем следует отметить, что и этот вопрос требует более детальных и тщательных исследований.

Не будет ли демографическая политика регламентирована какими-либо генетическими закономерностями, например, не являются ли наследственные болезни или даже просто мутации факторами, которые должны как-то приниматься в расчет при осуществлении демографической политики?

С моей точки зрения, все современные сведения о наследственных болезнях, о месте наследственности в патологии человека, весь фундамент медицинской генетики никак не должны браться в основу формирования демографической политики. Ограничение или увеличение деторождения никак не может изменить частоты наследственных болезней.

Вопрос с места. По поводу вашего второго тезиса. Существует точка зрения, согласно которой первенцы менее жизнестойки, чем дети от последующих беременностей. Ограничение рождаемости, происходящее под влиянием многих факторов, приводит к тому, что доля первенцев среди рождаемых ежегодно детей увеличивается. Может ли сокращение рождаемости оказать на это влияние? Как Вы относитесь к этой точке зрения?

Н.П. Бочков. Думается, что правильное медицинское ведение родов гарантирует сохранение здоровья человечества, даже если у каждой супружеской пары будет один ребенок.

В.И. Козлов. Меня интересует вопрос, существует ли оптимальное в биологическом отношении для женщин число рождений? Я немного знаком с литературой по этому вопросу, и у меня сложилось впечатление, что если детей мало, то возрастает опасность рака груди, а если много — то рака матки. Так ли это?

Н.П. Бочков. Насколько я себе представляю, видимо, существует определенное, оптимальное для женщины число деторождений, в пределах 2-5. Более точно мне ответить трудно. Думаю, что к настоящему времени эти проблемы усложняются тем, что для современной женщины часто характерно большое количество абортов, а аборты действительно вредны. Количество беременностей определенно должно соответствовать количеству родов.

Вопрос с места. Это значит, что до XX века все человечество жило в неоптимальных условиях и тем не менее выжило?

Н.П. Бочков. Конечно. Но посмотрите, как выглядят в восточных странах женщины в возрасте 35 лет, имеющие 11-12 детей. Вы не поверите, что им всего 35 лет.

Вопрос с места. А нерожавшие женщины выглядят по возрасту?

Н.П. Бочков. Нерожавшие женщины не всегда выглядят по возрасту, но это — следствие вытекающей отсюда гормональной неустойчивости.

Я.Я. Рогинский. В поддержку того, что говорил о первенцах Н.П. Бочков, я хочу отметить, что тут есть методические трудности. Когда мы сопоставляем первенцев и детей более позднего рождения, то заранее, когда имеем дело с первенцами, имеем дело со сборной группой, поскольку туда входит группа, где первый так и остался единственным.

Ю.Г. Рычков. Верно ли, что дифференциальное увеличение рождаемости в разных странах не скажется на человеческом генофонде в целом? Я беседовал с американским генетиком Стейнбергом, и он сказал, что генетически «средний» житель Земли больше всего был бы похож на китайца.

Н.П. Бочков. Я имел в виду, что такое изменение генофонда, которое связано с дифференциальным размножением, не ухудшает человечество с генетической точки зрения.

Ю.Г. Рычков. Вы берете среднюю цифру. Как вы это делаете?

Н.П. Бочков. Говоря об этом, я подразумевал, что для человечества в целом не так уж важно, будет ли чуть-чуть больше негритянских, или европейских, или каких-либо других генов. Каждая группа, которая размножается, обладает достаточно широким набором генов, поэтому дифференциальное размножение не будет фактором, ограничивающим социальный прогресс человечества.

В.А. Болдырев (кандидат экономических наук, директор издательства «Статистика»). Тенденции развития социалистической экономики и демографическая политика.

Я хочу поставить вопрос: как мы должны относиться к такому типу воспроизводства населения, который устанавливается на весьма низком уровне – 1-2-детная семья? Хорош он или плох с точки зрения решения социально-экономических проблем общества? Вопрос ставится потому, что сейчас отношение экономистов и демографов к этому чрезвычайно противоречиво. Оценивая динамику роста населения в развивающихся странах, справедливо отмечают отрицательные аспекты «демографического взрыва». Правильно подчеркивается и то, что решение проблем народонаселения развивающихся стран возможно не в результате мер, связанных с непосредственным воздействием на уровень рождаемости, а путем осуществления комплекса социально-экономических преобразований, которые и приведут в итоге к нормализации демографических процессов. Однако как только взоры специалистов обращаются к развитым странам, то речь уже идет о том, что рост населения в них недостаточен.

Нам представляется, что нынешний дуализм в подходе к режиму воспроизводства населения основан на односторонней оценке роли современного человека в производстве материальных благ. Существует такая концепция: человек за свой век создает больше материальных благ, чем потребляет, а раз так, то прибавочный продукт будет тем больше, чем больше людей, или, другими словами, чем больше населения, тем лучше (к

развивающимся странам этот принцип почему-то не применяется). При этом, однако, упускают из поля зрения то обстоятельство, что современное крупное машинное производство требует определенного соотношения между материально-вещественными элементами производства и человеком.

Как известно, развитие народонаселения находится под непосредственным воздействием производственных отношений. В капиталистическом обществе (на той его ступени, которую исследовал К. Маркс) нет единой закономерности для различных классов в естественном воспроизводстве населения. Абсолютное возрастание пролетариата диктуется потребностями капиталистического машинного производства. Воспроизводство в семьях капиталистов корректируется законом концентрации и централизации капиталистического производства. К потребностям в воспроизводстве данной численности населения так или иначе приспособляются все остальные демографические процессы — уровень и характер брачности, число детей в семье, продолжительность жизни, миграции населения.

Конечно, марксисты решительно отвергают вульгарно-экономические концепции, которые не учитывают воздействия на экономический процесс надстроечных явлений—морали, права, религии и т. д. Желаемое число детей в семье является субъективно осознанной потребностью общества в том или ином типе воспроизводства населения. Но, разумеется, это субъективное восприятие далеко не всегда адекватно отражает общественную потребность, и последняя проявляется только как господствующая тенденция.

К тому же имеются и собственно демографические закономерности, отражающие как биологическую природу человека, так и различные экстремальные условия жизни общества. Например, закономерными являются известное соотношение между числом родившихся мальчиков и девочек, компенсационный период рождаемости после войн и крупных эпидемий, зависимость уровня смертности и рождаемости от возрастной структуры населения. Все это в еще большей степени запутывает исследование закономерностей воспроизводства населения, создает иллюзию независимости их от господствующих социально-экономических отношений.

Следует сказать, что потребности общества в том или ином типе воспроизводства населения зачастую не остаются неизменными даже в рамках одной и той же общественно-экономической формации. Существенно изменяются потребности в росте населения в ходе развития социалистического общества. Становление нового способа производства было неразрывно связано с необходимостью перевода нашей страны на рельсы индустриального развития, что создавало огромный спрос на живой труд. Вряд ли случайным является то обстоятельство, что в советский период наивысшего уровня рождаемость и естественный прирост достигали в 1926-1928 годах и после этого неуклонно и заметно снижались.

Положение радикально изменилось в связи с построением в нашей стране развитого социалистического общества, в условиях которого по-иному ставится вопрос о количественном и качественном аспектах увеличения народонаселения. На предшествующих этапах развития страны огромное значение имели экстенсивные факторы роста экономики, в том числе быстрое увеличение численности работающих в сфере

общественного производства. В развитом социализме главный источник роста экономики — всемерная интенсификация производства, повышение его эффективности. Решать эту задачу можно не столько путем увеличения численности работающих, сколько путем повышения уровня специальных знаний, высокой профессиональной подготовки и общей культуры человека. Это становится обязательным условием успешного труда все более широких слоев населения. Поскольку это так, то развитое социалистическое общество направляет усилия на создание условий, благоприятствующих всестороннему развитию способностей всех трудящихся, главной производительной силы общества.

Увеличение прироста населения, а следовательно, и трудовых ресурсов потребует по-иному рассматривать проблему распределения национального дохода на фонд накопления и фонд потребления. В нашей стране примерно четверть национального дохода направляется на накопление, а остальное — на потребление. Причем претворение в жизнь курса Коммунистической партии на существенное повышение материального благосостояния трудящихся связано с изменением пропорций в пользу потребления. Так, в текущей пятилетке намечено несколько снизить долю накопления: в 1970 г. она составляла 26%, а в 1975 г. уменьшится до 25,4%. Однако если численность занятых в народном хозяйстве будет увеличиваться более быстрыми темпами, чем в настоящее время, то осуществить этот важный структурный сдвиг в экономике не представится возможным, потому что дополнительные контингенты рабочей силы будут нуждаться в соответствующем количестве рабочих мест, а каждое из них в промышленности (учитывая только основные производственные фонды) стоит более 9 тыс. рублей. Если бы, к примеру, численность промышленно-производственного персонала возросла на 1 млн человек, то это потребовало бы дополнительных вложений на 9 млрд рублей, или всего прироста национального дохода, полученного в 1972 г.

В капиталистических странах приливы в рождаемости и естественном приросте могут привести к еще большему обострению социальных противоречий антагонистического общества, усилить проблему безработицы. Например, в США период повышенной рождаемости, продолжавшийся до середины 60-х годов, привел к тому, что в настоящее время в трудоспособный возраст начинают вступать большие группы молодежи. Это вызывает серьезную тревогу у ряда американских деятелей, которых беспокоит неспособность общества обеспечить рабочими местами все трудоспособное население. Этим, видимо, в значительной мере вызвана программа стабилизации населения, осуществляемая в настоящее время в США.

Те советские экономисты-демографы, которые отстаивают тезис о необходимости резко активизировать выработку мер, обеспечивающих существенное повышение рождаемости и естественного прироста населения, приводят такие аргументы.

1. Потребности экономического развития страны. Так, В.И. Переведенцев полагает, что при относительно высокой рождаемости постоянно увеличивается численность рабочей силы, причем темпы этого увеличения прямо пропорциональны уровню рождаемости. Это, по его мнению, даст возможность развивать народное хозяйство не только интенсивным, но и экстенсивным путем — увеличивая численность функционирующей в народном хозяйстве рабочей силы.

Такая постановка вопроса, на наш взгляд, не вполне соответствует сути поворота в экономической политике, которого потребовал XXIV съезд КПСС. «Главная задача сейчас,— говорил Л.И. Брежнев,— это круто изменить ориентацию, перенести упор на интенсивные методы ведения хозяйства, обеспечить тем самым серьезное повышение эффективности экономики»⁴.

Экономисты различают две формы интенсивного расширенного воспроизводства: фондоемкую и фондосберегающую⁵. В первой экономия живого труда достигается путем замены ручного труда машинным. Этим самым преодолевается ограниченность прироста рабочей силы.

При фондосберегающей форме действующие машины заменяются более высокопроизводительными, и в этом случае достигается экономия как живого труда, так и функционирующих производственных фондов. Сегодня наша социалистическая экономика быстрыми темпами приближается именно к фондосберегающей форме интенсивного типа общественного воспроизводства. Таким образом, нынешний этап ее развития и тем более будущее мало зависят от увеличения прироста рабочей силы; они зависят прежде всего, как уже отмечалось, от ее качества, от способности использовать возможности новейшей техники и технологии.

Конечно, не последнее место здесь принадлежит решению проблем организации и управления производством, обеспечивающих рациональное использование функционирующей рабочей силы. Имеющийся сейчас значительный дефицит кадров объясняется отнюдь не малым приростом трудовых ресурсов (доля трудоспособного населения ныне весьма высока), а в первую очередь недостаточно эффективным их использованием.

Разумеется, все эти аргументы справедливы в том случае, если обеспечивается по крайней мере возмещение естественной убыли рабочей силы, а это может достигаться и при стабильном населении. Таким образом, можно высказать предположение, что с точки зрения роста экономики развитого социалистического общества отсутствует необходимость в форсированном увеличении численности населения.

2. Следующим аргументом в пользу существенного повышения рождаемости и естественного прироста населения ряд экономистов считает необходимость сдерживания процесса старения населения.

Конечно, нельзя не признать, что повышение уровня рождаемости быстрее окажет влияние на изменение возрастной структуры населения, на ее омоложение, но лишь при непременном условии, что подъем рождаемости будет постоянным. В том же случае, если данное условие выдержано не будет, то процесс старения не преодолевается, а лишь только смягчается и отодвигается по времени.

3. По мнению отдельных экономистов, необходимо увеличить уровень рождаемости и естественный прирост для того, чтобы не уменьшался удельный вес нашей страны в

⁴ Л.И. Брежнев. О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик. М., 1972, стр. 51.

⁵ См. «Факторы экономического развития СССР». М., 1970, стр. 12.

населении мира. Если допустить, что население СССР перестанет расти — рассуждают эти экономисты,— а население мира будет увеличиваться на 2% в год, как в последнее время, то доля населения СССР будет уменьшаться в 2 раза каждые 35 лет⁶.

Абстрактность этих аргументов поразительна. Прежде всего население СССР вовсе не перестало расти, а увеличивается примерно на 1% в год,— значительно быстрее, чем в большинстве развитых в экономическом отношении стран. К 2000 году численность граждан Страны Советов превысит, вероятно, 300 миллионов человек. Кроме того, почему же в рассуждениях о снижении удельного веса населения нашей страны так безапелляционно отодвигается в сторону единодушное мнение советских специалистов относительно того, что нынешний быстрый рост населения развивающихся стран, которые и дают основную долю прироста населения мира, явление преходящее? Под воздействием социально-экономических преобразований в развивающихся странах рождаемость и естественный прирост в них будут снижаться, такая тенденция уже обозначилась.

Необоснован разговор о снижении доли населения СССР и в практическом плане. Что в самом деле будет означать попытка удержать эту долю неизменной? Необходимость увеличить рождаемость до 35-40 на тысячу населения. Можно совершенно определенно утверждать, что никакими мерами, даже если бы эта задача признавалась первостепенной, решить ее не представляется возможным.

Таким образом, пока нет веских оснований говорить о необходимости повышения уровня рождаемости и естественного прироста в нашей стране. Для нормального функционирования развитого социалистического общества достаточно иметь стабильное население, к чему мы, очевидно, и приблизимся в недалекой перспективе.

В нашей стране за последние десятилетия сформировался определенный тип семьи — в основном это семья, состоящая из брачной пары с одним или двумя детьми. Родители ребенка хотят дать ему хорошее и разностороннее образование, не считаясь подчас с затратами. Можно ли все это объяснить, основываясь только на желаниях родителей? Очевидно, нет.

Объективно существующая общественная потребность в определенном типе воспроизводства населения — первопричина всех демографических изменений. Эта потребность общества реализуется и в типе семьи, и в стремлении родителей дать своему ребенку высокое образование и всестороннее развитие. А на поверхности явлений представляется, что родители руководствуются другими, собственными мотивами, мало что общего имеющими с объективной общественной потребностью⁷. По мнению некоторых наших экономистов, активизировать демографическую политику — значит устранить (по крайней мере, смягчить) действие тех мотивов, которыми руководствуются

⁶ См., например, В.К. Переведенцев. Население и хозяйство. М., 1971, стр. 9.

⁷ В.А. Белова и Л.Е. Дарский пишут, что «люди склонны объяснять свое поведение не подлинным основным мотивом, а тем набором мотивов, которые одобряются общественным мнением социальной группы». («Статистика мнений в изучении рождаемости». М., 1972, стр. 122). Авторы говорят о том, что в числе мотивов называются такие, причина которых уже давно перестала существовать.

родители, ограничивающие число детей. Но, очевидно, такая попытка окажется малоперспективной.

Может ли общество вообще оказывать влияние на уровень рождаемости? В известных пределах, несомненно. Но прежде чем осуществлять это, необходимо всесторонне взвесить целесообразность предполагаемых мер. Сегодня же главные направления демографической политики, по нашему мнению, лежат не в области разработки мер, способствующих повышению рождаемости, а в подъеме интенсивности воспроизводства населения — дальнейшем снижении детской смертности и смертности людей в трудоспособном возрасте. Важной задачей является также оптимизация миграций населения.

В.И. Переведенцев (кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института международного рабочего движения АН СССР). Необходимо стимулировать рост населения в нашей стране.

В своем выступлении я остановлюсь на тех вопросах, о которых здесь говорил В.А. Болдырев, и попытаюсь обосновать противоположную точку зрения.

В представлении ряда специалистов демографическая ситуация последних лет в нашей стране вполне удовлетворительна, а по мнению некоторых, даже прекрасна. Как же, ежегодный естественный прирост составляет почти процент! Однако для демографа ясно, что этот все еще значительный прирост есть следствие особенностей возрастного строения нашего населения. Он не характеризует состояние демографического воспроизводства. Воспроизводство населения — это процесс замещения детьми родительского поколения. Лучше всего он характеризуется нетто-коэффициентом воспроизводства, выражающим количественное замещение женщин материнского поколения дочерьми. Этот коэффициент в СССР равнялся 1,7 в конце 20-х гг., 1,3 — в конце 50-х гг., 1,1 — в последнее десятилетие. Таким образом, режим воспроизводства населения за столетия изменился коренным образом. Чуть расширенное воспроизводство обеспечивается Средней Азией и Азербайджаном, где его коэффициент больше 2. В то же время на территории, где проживает 3/4 населения страны, коэффициент ниже 1, то есть воспроизводство суженное, дети не могут количественно заместить родителей. Таково положение в РСФСР в целом, на Украине и в Латвии. Достаточно снижения воспроизводства населения в Средней Азии и Азербайджане до среднего по стране уровня, чтобы и по стране в целом оно стало суженным. Между тем никто из демографов, кажется, не сомневается, что в этих республиках неизбежен переход к новому режиму воспроизводства, характерному для центральных и западных районов страны. Просто демографическая революция в Средней Азии совершится несколько позднее, чем в других районах. Рост доли горожан, изменения социальной структуры населения (рост доли интеллигенции и квалифицированных рабочих) также ведут к снижению рождаемости. Таким образом, тенденции воспроизводства определяются вполне однозначно. А если воспроизводство населения станет суженным по стране в целом в недалеком будущем, то каковы будут демографические последствия этого?

В этом случае последствиями будут резкое сокращение прироста населения, а возможно, и его прекращение, а также значительное увеличение в его составе доли старших

возрастов. Обычно главным показателем старения считается доля тех, кому за 60 лет. В населении СССР доля таких людей в 1939 году составляла 7%, в 1959 — 9%, в 1970—12%. Если предположить, что до конца столетия сохранятся повозрастные коэффициенты рождаемости и смертности 1970 года, то в 2000 году 17% всего населения будут составлять те, кому больше 60 лет.

Теперь рассмотрим экономические последствия этих процессов. Очевидно, в населении возрастет доля иждивенцев. Хотя одновременно с увеличением доли стариков уменьшается доля детей, с точки зрения нагрузки на общество эти изменения неравноценны, поскольку содержание одного старика обходится обществу в полтора-два раза дороже, чем человека в дотрудоспособном возрасте. Этому обстоятельству в специальных работах по старению населения придается очень большое значение. Мне представляется, что это значение преувеличено. Значительно более важно старение населения в трудоспособном возрасте, то есть увеличение доли тех, кому за 40 и 50 лет, и уменьшение доли младших возрастных групп. Известно, что примерно с 40 лет увеличивается «инвалидизация» с полной или частичной потерей трудоспособности и падает производительность труда работников, сначала медленно, потом все быстрее. Разумеется, я говорю о среднем случае. Технический прогресс, снижая требования к физической силе работников, повышает в то же время требования к психофизиологическим данным работников.

Известно, что в условиях НТР возникает множество новых профессий, а многие старые профессии отмирают или число занятых в них сильно сокращается. Следовательно, резко повышается потребность в профессиональной мобильности. Можно ли не видеть, что мобильность молодежи несравненно выше, чем лиц зрелого, а тем более преклонного возраста?!

Немалое значение имеет для общества и общее количество функционирующих работников. У общества в целом, как и у отдельного предприятия, имеются так называемые «независимые» расходы (независимые от размеров экономического организма). Так, расходы на оборону, на освоение космоса, на дорогостоящие крупные научные программы не зависят практически от количества населения или зависимость здесь обратная (например, военные расходы). Доля «независимых» расходов, приходящихся на каждого работника, уменьшается при росте общего числа работников.

Таким образом, серьезных доводов «от экономики» в пользу снижения рождаемости нет. Если же взять население Советского Союза со всеми его особенностями, то мнение о благотворности снижения рождаемости становится попросту нелепостью. Возрастное строение нашего населения «волнообразно». Периоды относительно высокой рождаемости неоднократно сменялись периодами низкой рождаемости. Это чрезвычайно важно с точки зрения народного хозяйства. В одни периоды в рабочий возраст входят относительно многолюдные поколения, а выходят из него малолюдные, и численность трудовых ресурсов быстро растет, в другие — подрастает малолюдное поколение, а выходит из рабочего возраста многолюдное (так было в первой половине 60-х годов). Сейчас мы переживаем период, когда работниками становятся люди рождения 50-х годов, а выходит из рабочего

возраста малочисленная категория людей, родившихся в годы первой мировой и гражданской войн.

Большой прирост трудовых ресурсов продлится все 70-е годы, однако в 80-е годы положение резко изменится: в трудовой возраст будет входить относительно малолюдное поколение 60-х годов рождения. Тогда прироста трудовых ресурсов в стране не будет. Если разделить последние 30 лет нашего столетия на две равные части, то прирост населения СССР в возрасте от 20 до 60 лет в первые 15 лет (1971—1985 гг.) предположительно будет равен 30 миллионам человек, а в последние 15 лет (1986—2000 гг.) максимально 5 миллионам человек. Это говорит о том, что условия развития народного хозяйства коренным образом меняются. Каковы будут последствия этого?

Разумеется, для детального ответа на этот вопрос нужны специальные исследования. Однако у меня нет никакого сомнения в том, что в целом последствия будут весьма неблагоприятными. Совершенно очевидно, что в течение последних 15 лет будет резко возрастать доля иждивенцев в населении страны. Произойдет не только относительное, но и абсолютное уменьшение численности занятых в отраслях материального производства.

Хорошо известно, что структура занятости в нашем народном хозяйстве постоянно смещается в пользу непроизводственных отраслей. Этот процесс нельзя будет остановить и в 80-е годы, между тем прирост занятости в этих отраслях будет автоматически означать уменьшение занятости в материальном производстве. Складывается принципиально новая ситуация: если до сих пор национальный доход постоянно рос значительно быстрее, чем производительность труда, то в 80-е годы он будет расти медленнее. И отнюдь не ясно, удастся ли этот эффект «погасить» целиком или частично путем повышения производительности труда, так, чтобы темпы прироста национального дохода не снизились.

Из этого видно, что конкретная демографическая ситуация страны сегодня и завтра требует повышения, а не снижения рождаемости. Однако хочу еще раз подчеркнуть, что демографически вопрос сейчас стоит не о высокой рождаемости и большом приросте населения, а о том, будет ли у нас чуть-чуть расширенное или суженное воспроизводство населения.

Что касается оптимального режима воспроизводства населения вообще (то есть без отмеченных особенностей населения нашей страны), то все исчисления находят оптимум в области расширенного воспроизводства. В частности, по расчету советского демографа А.Я. Кваши, оптимальным для СССР был бы чистый коэффициент воспроизводства, равный 1,2.

Теперь остановлюсь кратко на причинах громадного снижения рождаемости и воспроизводства населения в 60-е годы. Кстати, советские демографы не предвидели этого снижения. Официальный, грубо ошибочный прогноз ЦСУ на 1980 год исходил из того, что повозрастные показатели рождаемости падать не будут. Дело в том, что нельзя найти объяснения многих демографических явлений и процессов, оставаясь в рамках демографии. Именно поэтому особенно ценна инициатива «Вопросов философии», общими усилиями мы быстрее достигнем эффекта.

Одна из главных причин долговременного, с середины 20-х годов падения рождаемости — изменение экономических отношений в семье. Раньше положение было такое: сначала родители содержат детей, потом дети — родителей. Сейчас же дети уже в большинстве случаев не содержат родителей. У семьи исчез экономический стимул рождаемости. Когда готовился и в 1956 году был принят новый закон о пенсиях, этой стороны дела не учли, и пенсионное обеспечение пришло в резкое противоречие с демографическими интересами общества. Только в том случае, если у женщины пять или более детей, она может раньше других выйти на пенсию. Но ведь таких семей теперь мало. А если у женщины четверо детей, она не имеет никаких пенсионных преимуществ перед той, у которой один ребенок.

Вторая важнейшая причина падения рождаемости, особенно в 60-е годы, — резкое увеличение трудовой нагрузки женщин. Усиленное вовлечение женщин в общественное производство в последние 15 лет без соответствующего развития сферы обслуживания привело к тому, что большинство наших женщин имеют ежедневно два рабочих дня: в общественном хозяйстве и дома. При этом, по данным ряда социологических исследований, второй, домашний рабочий день у многих женщин составляет 5-6 часов. Не удивительно, что обнаруживается тенденция массового перехода к двухдетной и однодетной семье.

Поскольку главная ячейка воспроизводства населения - семья, надо серьезно заняться исследованием процессов создания, функционирования и распада семей. Известно, что в настоящее время значительно возросло количество разводов. В 1950 году на 100 браков приходилось 3 развода, в 1974 году - 28. При этом треть разводов падает на семьи, существовавшие менее года, еще треть — от года до пяти лет. Таким образом, развод — проблема молодых семей.

Не менее важен и другой факт. Если 10—15 лет назад подавляющее большинство разведенных в скором времени вступало в новый «законный» брак (особенно это относится к мужчинам, которым в повторный брак вступить было легче), то теперь подавляющее большинство разведенных новых «законных» семей не создает. С 1966 года ежегодно происходит около 650 тыс. разводов; кроме того, более 100 тыс. мужчин ежегодно остаются вдовцами в относительно молодых (до 50 лет) возрастах. Но количество повторных браков снижается и в последние годы составляет немногим более 300 тыс. ежегодно. Из числа разведенных ежегодно вступают в повторный брак не более 12% мужчин, могущих это сделать. Это заставляет предполагать, что сейчас в разводах важно не только, а может быть, и не столько недовольство конкретным партнером (женой или мужем), сколько недовольство самим институтом брака. Перепись 1970 года показала громадное возрастание доли неженатых мужчин по сравнению с 1959 годом. Надо при этом иметь в виду, что перепись учитывала «фактические семьи», независимо от того, зарегистрированы они или нет. Несомненно, что у нас очень много фактических семей, которые не являются юридическими. Одно из доказательств этого — почти полуторамиллионный перевес «замужних» женщин над числом «женатых» мужчин по переписи 1970 года (в два раза больше, чем в 1959 году). Во многих случаях женщина считает, что она замужем, а мужчина, ее партнер, что он не женат.

Наконец, социологические исследования показали, что у нас произошли быстрые и крутые перемены в области половой морали, что добрая и внебрачная половая жизнь из редкого исключения фактически стала нормой.

Много теперь ходит толков относительно того, что семья вообще или семья в ее нынешнем виде себя изживает. Однако никто не видит, кажется, каких-либо иных путей в этом деле. Все функции семьи можно передать иным формам человеческих объединений, кроме, видимо, полноценного воспитания детей. Правда, отдельные исследователи полагают, что следует перейти к полностью обобществленному воспитанию (ясли-интернат, детский сад-интернат, школа-интернат и т. д.). Мне этот путь представляется чрезвычайно сомнительным. Во всяком случае, никто еще не сумел доказать его преимущества перед семейным воспитанием. Пока же функция социализации детей остается преимущественно за семьей, и пока семья — главный воспитатель, нужно, видимо, всеми силами укреплять институт семьи. Для этого нужно найти современные, эффективные, гуманные и научно обоснованные пути.

Кратко о мерах по регулированию рождаемости. Из всего, что я сказал, ясно, что регулировать рождаемость придется и что регулирование это должно быть направлено в сторону повышения рождаемости. Известно, что наша демографическая политика всегда была направлена на повышение рождаемости. В частности, в последнее время осуществляются такие мероприятия, как выплата пособий на детей для семей, в которых доход на одного члена не более 50 рублей, увеличение числа оплачиваемых дней в связи с болезнью ребенка, установление пособий по случаю беременности и родов в размере полной зарплаты независимо от стажа. Поскольку для простого воспроизводства населения нужна трехдетная семья, идеальным с демографической точки зрения было бы такое положение, при котором жизненный уровень трехдетной семьи не был бы ниже, чем двух- и однодетной (разумеется, при прочих равных условиях). Во всяком случае, следует стремиться к тому, чтобы падение уровня жизни семьи с появлением нового члена было как можно меньшим.

Здесь нет смысла перечислять все возможные меры стимулирования рождаемости. Как показывает опыт ряда стран, целенаправленная демографическая политика может быть очень эффективной.

Для решения научных проблем воспроизводства населения необходимо создание достаточно мощных специальных демографических научных учреждений. Будь они у нас — по многим важным вопросам мы располагали бы твердыми знаниями вместо шатких предположений, демографические прогнозы значительно меньше отличались бы от действительности, а некоторые претенциозные выводы по демографическим вопросам на основе «здравого смысла» были бы невозможны. Надо отрешиться от представлений, что в проблеме рождаемости все ясно и без науки, как это некоторым до сих пор, несмотря на все уроки, кажется.

**В.И. Козлов (доктор исторических наук, Институт этнографии АН СССР).
Проблема детерминации демографических явлений.**

Наше обсуждение проблем демографии было бы, очевидно, еще более плодотворным, если бы оно шло не только и даже не столько «вширь», сколько «вглубь». Широта затронутых

за Круглым столом тем явно обусловлена участием в нем представителей самых различных наук - от биологов до экономистов. Кроме того, случалось так, что демограф старался показать свое знание генетики, а генетик — то, что ему не чужды проблемы социологии. Все это хорошо, но не следует забывать о том, что перед нами находятся сложные проблемы, которые требуют разработки именно «вглубь».

Хотелось бы также особо отметить то обстоятельство, что мы собрались здесь под эгидой философского журнала, однако философски обобщенных выводов было пока, к сожалению, не очень много; обсуждение некоторых проблем было, на мой взгляд, излишне конкретизировано и заземлено. Между тем имеется ряд важных методологических вопросов, которые хотелось бы обсудить именно здесь с целью упрочения полезной кооперации демографов (в широком смысле этого слова) с философами.

Один из вопросов, по которому, как мне представляется, демографы могут и должны кооперироваться с философами, — это уточнение места демографии в системе наук. Это вопрос не второстепенный, а очень важный, так как разработка его в конечном счете ведет к необходимости выяснения самой сущности демографических явлений, сущности факторов, которые на них действуют, и закономерностей, которые в них проявляются.

Исторически сложилось так, что советская демография формировалась и развивалась в рамках экономической науки. Это имело определенное положительное значение, так как непосредственно привлекало демографов к решению важных задач экономического развития (таких, например, как воспроизводство рабочей силы), предохраняло демографов от биологизаторских концепций и т. д. Однако это породило и некоторые отрицательные моменты, проявлявшиеся в попытках установить излишне прямолинейную зависимость демографических явлений, в частности рождаемости, от экономических факторов. Такие тенденции, перекликающиеся в чем-то с идеями экономического материализма, обнаружились и на нашем заседании, особенно в развернутой В.И. Переведенцевым аргументации за введение денежных пособий на детей, преимущественно на третьего ребенка, с тем, чтобы приблизить уровень рождаемости в различных районах страны к оптимальному.

Нисколько не возражая против целесообразности введения существенных по своим размерам денежных пособий на детей, как это уже сделано в большинстве социалистических стран Европы, хочу отметить, что такие пособия всегда повышают материальный уровень семей, но не всегда повышают уровень рождаемости. Денежными надбавками можно устранить лишь нехватку денег в семье, но они оказываются малоэффективными во всех других многочисленных случаях ограничения рождаемости, связанных, например, с желанием женщины сохранить полюбившееся ей занятие, с семейными неурядицами из-за «несходства характеров» и т. п. Не устранят подобных случаев и другие формы так называемого материального стимулирования рождаемости. Я уже не говорю о том, что рождаемость находится чаще в обратной, нежели в прямой зависимости от уровня благосостояния: в большинстве своем наши семьи живут все лучше, а рожают детей все меньше.

Я остановлюсь несколько подробнее на проблемах рождаемости, так как именно они являются сейчас основными демографическими проблемами. Мне хотелось бы отметить,

что трудность их изучения и их решения вызвана тем, что демографический процесс является результирующей целого ряда разнородных факторов. Сугубо экономические факторы как таковые являются здесь не основными и не главными. Более важны, по-видимому, так называемые социально-экономические факторы, состав которых до сих пор не вполне установлен и в число которых нередко включают как чисто экономические факторы (например, доход семьи), так и социально-культурные факторы (например, уровень образования). Однако влияние социально-экономических факторов на рождаемость также не следует преувеличивать. Хорошо известно, что население всех частей СССР в настоящее время однотипно в социально-экономическом отношении, однако дифференциация рождаемости остается очень большой: эстонские колхозники по уровню своей рождаемости весьма близки к эстонским или русским рабочим и служащим, но резко отличаются от узбекских колхозников, имеющих примерно такие же доходы, уровень образования и т. д. По силе воздействия социально-экономические факторы здесь уступают факторам, которые можно назвать этническими (культурно-бытовыми) и которые в ряде случаев (это особенно характерно для мусульманского в прошлом населения) связаны с религиозными факторами.

Кроме перечисленных выше факторов, следует отметить существенную роль таких социологических факторов, как форма семьи и характер внутрисемейных отношений. Развернувшийся в последнее столетие процесс распада больших, неразделенных семей, ослабления семейно-родовых связей и обычаев, приведший в итоге к так называемой автономизации малых семей, состоящих преимущественно из представителей всего двух поколений, во многом способствовал распространению внутрисемейного ограничения числа детей. Человек - разумное существо, поэтому все названные факторы действуют, проходя через сознание. Тем не менее представляется целесообразным выделить социально-психологические и личностно-психологические факторы, видное место среди которых занимают ценностные ориентации и установки на рождение детей. В ходе развития общества и личности деторождение стало соизмеряться с удовлетворением других материальных и духовных потребностей и запросов. Наблюдаемый в настоящее время среди большинства населения нашей страны переход к малодетной семье, несомненно, связан с личностно-психологической реакцией на то, что материальные и духовные потребности и запросы растут быстрее, чем возможность их удовлетворения. Имеются, наконец, и биологические факторы рождаемости, существование которых подтверждено здесь биологами, называвшими физиологически оптимальное для нормального развития женского организма число детей.

В рамках короткого выступления невозможно показать влияние на рождаемость всех этих разнообразных факторов — от экономических до биологических. Хочется подчеркнуть лишь, что большинство этих факторов не только действует на рождаемость, но и испытывает ее обратное влияние, а также находится во взаимодействии друг с другом. Изучение такой сложной системы выходит далеко за рамки экономической науки, поэтому представляется целесообразным относиться к демографии как к особой общественной науке со всеми вытекающими отсюда организационными последствиями.

Л.Е. Дарский (кандидат экономических наук, Отдел демографии Научно-исследовательского института ЦСУ СССР). Мотивы и механизмы демографического поведения.

В порядке продолжения возникшей за нашим Круглым столом дискуссии я хочу сделать три замечания, которые мне кажутся важными.

Первое. Сейчас мы достаточно четко можем сказать, что обратная связь рождаемости и социального статуса — это очень краткий период в демографической истории человечества, свойственный определенному моменту развития. По большей части в истории имело место обратное соотношение: прямая связь социального статуса и уровня репродукции⁸.

Период, который мы сейчас переживаем и который, по-видимому, в ближайшее время закончится (я имею в виду развитые страны), действительно характеризуется обратной связью между уровнем репродукции и социальным статусом. Причина этого в том, что это период «демографической революции», и он как раз характерен тем, что наиболее обеспеченные слои раньше начинают менять свое репродуктивное поведение и раньше снижают рождаемость, чем другие слои. Последними в этот процесс втягиваются крестьяне и сельскохозяйственные рабочие. Но мы видим уже сейчас, что в таких странах, как США, ФРГ и др., все ближе становится уровень репродукции различных социальных слоев. Причем сейчас наиболее обеспеченные слои уже остановились в своем росте, и примерно на протяжении последних 20 лет снижается уровень репродукции в наименее привилегированных слоях.

Второе замечание касается разрушения изолятов и связанных с этим процессов. Мы недооцениваем эти процессы. Еще не так давно все общество было разгорожено на узкие клеточки, что связано с расовыми, этническими, социальными, географическими барьерами. Узость эта была настолько велика, что почти детерминировала брачный выбор, и то, что происходит сейчас, разрушение всех этих барьеров — это колоссальный прогресс, который не мог не дать серьезных последствий.

И третье замечание — по вопросу о «демографическом взрыве». Мы имеем очень интересную модель: это наши среднеазиатские республики, где социальный прогресс идет с колоссальной скоростью по сравнению со странами «третьего мира», а репродуктивное поведение в течение длительного времени сохраняется традиционным, и только сейчас стали заметны первые сдвиги.

Эта модель может нам показать наиболее быстрый вариант развития для стран третьего мира, а, по-видимому, «демографический взрыв» в Средней Азии может прекратиться лишь к концу века. Надо взять весь период, от начала, когда эти народы были

⁸ Следует говорить не об уровне рождаемости, а именно об уровне репродукции, то есть учитывать не только рождаемость, но и смертность. На протяжении большей части человеческой истории в высших социальных группах детская смертность была несколько ниже, даже в условиях ее общего очень высокого уровня. Что касается рождаемости, то она тоже, по-видимому, во многих случаях была выше в привилегированных группах населения (следует учитывать такие факторы, как полигамия, лучшее состояние здоровья и т. п.). В результате этого среднее число детей, доживавших до взрослого состояния, в привилегированных группах было больше.

вырваны революцией из феодальной отсталости, до настоящего времени, проанализировать происходившее там социальное развитие и представить себе масштаб — 70-80 лет, которые потребуются для того, чтобы завершился весь процесс «демографического взрыва». При этом надо учитывать, что это одна из благоприятных моделей, по которой можно судить о потенциальной скорости данного процесса в странах «третьего мира». Именно исходя из этого я не могу согласиться с тем, что «демографический взрыв» в странах «третьего мира» может прекратиться к концу века.

Основная наша беда в отношении демографических и смежных с ними проблем связана с тем, что мы их рассматриваем на количественном уровне, подчас не задумываясь о сущности качественных сдвигов, которые сейчас происходят.

Сравните репродуктивное поведение до «демографической революции» и загляните на пятьдесят лет вперед, потому что эта революция не закончилась. Качественные сдвиги продолжают происходить. Лет 250 тому назад все было чрезвычайно просто. Существовал институт семьи, выполнявший свои очень определенные функции. Все взаимоотношения в семье строились на ролевом принципе: существовали роли хозяина, хозяйки, домочадцев, все функции были четко регламентированы. Семья была универсальным социальным институтом, идеально приспособленным к выполнению множества разнообразных функций.

Постепенно ее функции меняются, часть функций передается обществу, его специализированным институтам, семья утрачивает значительную часть экономических функций, часть функций по социализации молодого поколения. По-видимому, в современном обществе и тем более в обществе будущего семья не в силах дать необходимое воспитание, и именно поэтому уже сейчас происходит изменение функций семьи. Более того, в самой семье происходит изменение взаимоотношений ее членов, четко выраженные роли исчезают, распределение прав и обязанностей в семье становится добровольным и т. д. Все это очень тесно связано с репродуктивной функцией семьи. Еще несколько сот лет назад число детей определялось сочетанием рождаемости и смертности, которые выступали в отношении семьи как явления случайные и внешние. Семья стремилась реализовать максимальное число рождений, надеясь, что «бог даст — дети выживут». Сейчас все изменилось: и смертность и рождаемость поставлены под контроль, и контроль этот настолько эффективен, что потеря ребенка в развитой стране — это редкое явление. В результате создается положение, когда социальные нормы не только разрешают выбор числа детей, которое люди желают родить, но и предписывают каждому делать этот выбор.

В настоящее время мы стоим перед фундаментальной проблемой: необходимо понять, на базе чего происходит этот выбор, что на него влияет, как он происходит, какие, собственно говоря, функции семьи этого требуют? Нельзя, в конце концов, всерьез в сегодняшней ситуации принять позицию, что люди рожают детей, выполняя свой долг перед человечеством, перед родом, перед нацией. Если этот мотив сегодня и существует, то он занимает далеко не первое место. Те представления о мотивах, которые мы получаем на базе эмпирических исследований, не могут нам помочь, и мы ничего не знаем о том, какие именно потребности удовлетворяют люди, рождая детей.

В.И. Переведенцев говорил, что обществу сейчас дети нужнее, чем семье. Возможно, что это и так, но рождаются-то дети в семье, и мы не можем сказать, какие социальные потребности удовлетворяются с помощью детей. Теория потребностей еще недостаточно разработана, и мы не можем пока заимствовать из нее необходимых нам понятий.

Сейчас имеет место частый распад семей. Столетиями длительность совместной жизни супругов не менялась. Потом в результате снижения смертности длительность совместной жизни сильно выросла. Однако она выросла меньше, чем могла бы, если бы закономерности брачности оставались прежними. Сначала рост длительности совместной жизни сокращался из-за того, что повышался возраст вступления в брак, потом из-за разводов. Сейчас существенные сдвиги в уровне смертности прекратились, возраст вступления в брак несколько снизился, а рост числа разводов продолжается. В результате всех этих сдвигов средняя длительность совместной жизни супругов сейчас примерно такая же, как и 100—150 лет назад.

Почему это происходит — мы не знаем: то ли существует действительно какой-то гомеостатический механизм, поддерживающий длительность брака на некотором постоянном уровне, то ли это случайность, а продолжающийся рост разводов свидетельствует о качественных сдвигах в институте брака, который из постоянного союза превращается во временный, или о неудовлетворенности самим институтом брака.

Все эти проблемы фундаментальны для демографии, но, к сожалению, специалисты распылены по разным учреждениям и заняты в большинстве случаев прикладными вопросами. Они не имеют возможности работать над фундаментальными проблемами, а отставание в решении этих проблем тормозит дальнейшее развитие науки. У демографов нет не только самостоятельного академического института, но ни в одном из существующих академических институтов нет научного коллектива, занятого демографией как таковой. Мы сталкиваемся с нерешенностью демографических проблем, когда разрабатываем прогнозы динамики населения. Мы не знаем, что произойдет через 20 лет, когда те или иные формы предупреждения беременности будут распространены и прочно войдут в быт людей, станут естественной нормой сознания и поведения. Сейчас мы можем предположить, что значительная часть детей — это дети от нежелательных беременностей. Что касается самого числа нежелательных беременностей, то оно огромно. Когда будет осознана необходимость контроля над этим явлением и когда он войдет в жизнь так, как сегодня вошел телефон, поведение людей будет иным, аборт станет историческим понятием.

Этот новый, складывающийся на наших глазах тип репродуктивного поведения, пока совершенно не изучен. Поэтому нет оснований предполагать, что его механизм обладает гомеостатичностью и будет поддерживать рождаемость на некотором определенном уровне. Ни для оптимизма, ни для пессимизма нет оснований. Есть много вопросов, остающихся пока без ответа.

И.Л. Андреев (доктор философских наук, зав. кафедрой философии Владимирского педагогического института им. П.И. Лебедева-Полянского). Некоторые демографические аспекты теории исторического процесса.

Исторический материализм изучает население как важнейший компонент социально-

экономических систем и субъект общественного развития. Однако в соответствии с устоявшейся традицией предметом демографического анализа служат главным образом количественные, а не качественные характеристики населения. Демографические процессы нередко трактуются односторонне, что методологически объясняется абсолютизацией, разрывом различных сторон, тенденций изменения населения как социально-биологического феномена. При этом население, по существу, рассматривается как нечто внешнее по отношению к социальным процессам. В соответствии с такой трактовкой люди оказываются своего рода «пассажирами» истории либо вообще составляют наряду с географической средой всего лишь одно из естественных условий жизни общества.

При исследовании населения как важнейшего компонента социальных систем методологически правомерно выделение его противоречивых аспектов с целью анализа конкретно-исторических механизмов их объективной взаимосвязи. Население в рамках демографического анализа рассматривается прежде всего как субъект производства, в качестве человеческого фактора производительных сил, а также в качестве субъекта потребления.

Развитие производства обуславливает изменение требований, объективно предъявляемых его участникам, что, в свою очередь, ведет к изменению социальных условий воспроизводства населения, степени и форм включенности различных его групп в различные виды деятельности, режима труда и отдыха, словом, к постепенному изменению всего демографического ритма общественной жизни.

Другая сторона демографического аспекта общественной жизни заключена в необходимости обеспечения биологической жизнедеятельности и воспроизводства населения. Лежащие в основе сохранения и функционирования человечества как биологического вида условия (питание, соблюдение определенного температурного режима, защита от опасных воздействий природы и техносферы, половые связи, некоторые аспекты заботы о потомстве и т. п.) не теряют своего биологического характера из-за того, что они подвержены действию специфических общественных закономерностей. Характер пищи и способ ее потребления дикарем существенно отличаются от акта питания современного человека. Но в основе его лежит та же самая биологическая функция, которая присуща и животным. Критическая демографическая ситуация в таком аспекте чаще всего проявляется как следствие дефицита средств обеспечения жизнедеятельности и социального развития (продуктов питания, одежды, жилищ, медицинского и культурного обслуживания и т. п.) по отношению к реальным и потенциальным потребителям.

Важно отметить связь данных аспектов демографической проблематики с некоторыми моментами современной идеологической борьбы, с задачами критики буржуазных и мелкобуржуазно-утопических концепций. Так, абсолютизация роли населения как субъекта потребления близка по духу не только к неомальтузианским взглядам, но и к концепции «потребительского общества». Рассуждения о том, что научно-техническая революция якобы ведет к девальвации роли населения как субъекта производства, идут вразрез с материалистическим пониманием исторического процесса как деятельности людей, в основе которой лежит целенаправленное преобразование природы и самих себя.

Другая крайность — абсолютизация роли населения как субъекта производства — логически ведет к концепции, согласно которой население — лишь производительная сила, материальные и духовные потребности которой могут и должны удовлетворяться на минимальном прожиточном уровне. Такая концепция, естественно, не имеет ничего общего с задачей наиболее полного удовлетворения разумных материальных и духовных потребностей всех членов общества как важнейшего условия его дальнейшего гармоничного развития.

Вместе с тем было бы явным упрощением свести социологическое рассмотрение населения только к констатации противоположности этих его «ролей». Люди не являются ни механическими производителями, ни безликими потребителями. Процессы производства и потребления объективно взаимосвязаны. А эта связь, в свою очередь, выступает в двояком виде. Во-первых, независимое от воли и сознания людей действие социальных законов, затрагивающее сферу производства и потребления, тем самым изменяет структуру населения. Во-вторых, исторически конкретная зависимость потребления от производства отражается в сознании и целенаправленной деятельности людей, в том числе в демографическом поведении.

Изложенное выше позволяет сделать несколько уточнений относительно определения понятия «население». Население — это совокупность людей, расселенных на определенной территории и участвующих в процессах производства и потребления, осуществляемых на ней. Помимо экономически активного в каждый данный момент населения, это понятие охватывает стариков и инвалидов, детей, подростков и обучающихся как потенциальных работников; людей, ищущих работу (от меняющих место работы до безработных); домохозяйек, которые косвенно участвуют в общественном производстве, обслуживая работников и воспитывая детей, а также — в условиях антагонистических общественных формаций — паразитические социальные слои и элементы, поскольку они потребляют, не участвуя, как правило, в процессе производства.

Соотношение различных категорий населения, доля производительного населения, темпы смены поколений, стабильность баланса трудовых ресурсов и т. п. существенно влияют на структуру и функционирование совокупного производителя и потребителя материальных и духовных благ, каковым является население той или иной территории.

Будучи социально-биологическим компонентом общественных систем, население теснейшим образом связано с природой как средой своей жизнедеятельности и объектом труда. Взаимозависимость демографических и экологических процессов реализуется главным образом через сферу производства. Каждый вид производственной деятельности, осуществляемый в специфических природных условиях, предполагает специфический диапазон колебаний производящего и потребляющего населения. Но каждый вид хозяйственной деятельности (отвлекаясь от социальных условий) имеет также верхний предел плотности населения, выступающего в данном случае в качестве субъекта потребления. Подсчитано, что кочевое скотоводство было в 20—30 раз продуктивнее собирательства, а земледелие уже в древности позволяло прокормить на той же территории в 20—30 раз большее население, чем скотоводство. Таков демографический потенциал процесса становления производства, открывшего возможность складывания новых форм

расселения людей, смены временных поселений и кочевий «деревенской» (Д. Рибейро) и «городской» (Г. Чайлд) революциями, что явилось важным демографическим условием процессов общественного разделения труда и социально-имущественной дифференциации.

Представляется целесообразным изучение различных типов демографической регуляции в докапиталистическую эпоху, в частности, осуществляемой религиозными нормами и учреждениями. К примеру, монастыри были первоначально своеобразными хранилищами продовольствия на случай стихийного бедствия, то есть выполняли функции поддержания демографического потенциала. Вместе с тем целибат (безбрачие) монахов объективно являлся фактором, ограничивающим рождаемость и численность населения. В маленькой Монголии полвека назад было 100 тысяч лам — 45 процентов взрослых мужчин. Как отметил Ю. Цеденбал, если бы не вековая традиция ламства, население страны в настоящее время превышало бы 10 миллионов человек, было бы почти в 8 раз больше, чем теперь.

Любопытно, что в долго и упорно обсуждаемой проблеме «азиатского способа производства» практически выпал демографический аспект. Восточные общины веками воспроизводили традиционные механизмы организации производства и самообеспечения населения. Демографические процессы в этих условиях еще не отделились от производства и потребления. Их относительная самостоятельность была, видимо, минимальной, а потому демографическая ситуация «регулировалась» стихийно: природными катаклизмами (включая эпидемии) и внешними социальными факторами (особенно войнами). Простота демографической регуляции и нерасчлененность структуры производства и потребления с родственно-общинными связями обеспечивали чрезвычайную устойчивость автаркических общин в неустойчивой внешней среде.

До сих пор речь шла о прошлом. Но и в современном «третьем мире» диалектическая связь демографических и социальных процессов прослеживается весьма отчетливо. По данным ФАО, даже в наши дни темпы ежегодного увеличения производства продуктов питания примерно в 2,5 раза ниже, чем темпы прироста населения. Противоречивое единство выделенных выше аспектов населения (как субъекта производства и субъекта потребления) выступает здесь особенно рельефно.

Колоссальное аграрное перенаселение, явная и скрытая (мельчайший бизнес) безработица в городах объективно препятствуют внедрению современных средств производства, ведущей тенденцией которого является снижение доли живого труда, особенно малоквалифицированного. К тому же оснащение ими одного рабочего места обходится очень дорого, в 200—300 раз дороже, чем «промежуточной техникой», не отвечающей современному уровню, но все же многократно превышающей эффективность традиционных орудий труда.

Далее, оснащение производства современной техникой требует иного, чем сегодня, качества населения как участника трудовых процессов. Я имею в виду не только уровень образования, наличие профессии, производственную квалификацию, но и целый ряд социально-психологических факторов: дисциплинированность, чувство времени, преодоление в массовом сознании неприязни к использованию современной техники как

нетрадиционному виду деятельности, отличному от того, что «завещали предки», и вместе с тем нередко отождествляемому с колониально-капиталистическими отношениями.

Отказ же от применения достижений научно-технической революции, отсутствие необходимых социальных условий для их внедрения в производство ведут к сохранению того драматического положения, когда десятки и сотни миллионов людей живут на грани нищеты. Положение усугубляется непродуманным потреблением паразитических слоев, а также тем, что демонстрационный эффект современных стандартов потребления подтачивает традиционные формы его ограничения. Запросы в этих условиях могут значительно отрываться от возможностей, вытекающих из наличного уровня развития производства и населения как его субъекта.

Наконец, в «третьем мире» демографические процессы вполне отчетливо выступают как фактор сохранения и воспроизводства исторически сложившейся социально-классовой структуры. Именно в функционировании традиционных механизмов демографической регуляции одна из причин того, что, несмотря на энергичный отток деревенского населения в города, численность крестьянства в развивающихся странах возросла за 20 лет на 0,5 миллиарда человек. Учитывая, что в современных видах производства относительно невелика доля живого труда, а также то обстоятельство, что складывание и усвоение новых форм демографической регуляции происходят в течение жизни по крайней мере двух-трех поколений, можно с уверенностью предположить, что к началу XXI века «третий мир» останется преимущественно крестьянским по своему социальному составу.

Дело в том, что традиционные механизмы демографической регуляции «вплавлены» в ткань вековых народных обычаев, сохранившихся в недрах патриархально-общинных структур. А потому изменение первых самым непосредственным образом связано с коренным преобразованием всего уклада общественной жизни освободившихся стран с учетом «запаздывания» их демографического эффекта. Преобразование же общинных структур и традиций, особенно в области семейных отношений, предполагает постепенность и наличие целого ряда мер переходного характера. Например, в Республике Мали, где рождаемость, пожалуй, самая высокая в мире, Кодекс законов о браке и опеке 1962 года ввел довольно робкие ограничения полигамии мужчин.

Относительная самостоятельность демографического сознания и демографического поведения наиболее отчетливо конституируется и дольше всего сохраняется в традициях общинного типа. Косвенно это подтверждается, например, тем фактом, что в республиках Средней Азии, где бытовые элементы прежних общинных традиций сохранились в наибольшей по сравнению с другими республиками степени, темпы прироста населения, несмотря на ускоренное развитие современной промышленности, существенно превышают показатели большинства других районов страны. Очевидно, интегративным фактором демографического поведения, отражающим конкретно-исторические формы производства и потребления, социального устройства и бытовых традиций, является культура, и изменение способов демографической регуляции невозможно вне изменения типов культур.

Важным моментом методологического анализа связи демографических и социальных процессов является исследование основных исторических типов

воспроизводства населения, а также средств демографического регулирования и контроля, свойственных каждому из них. До сих пор, например, законы народонаселения докапиталистических формаций формулируются в значительной мере произвольно, в несопоставимых параметрах. Логично было бы связать эти законы с крупнейшими сдвигами в развитии производительных сил человечества.

Кроме того, необходим анализ связи конкретно-исторических законов народонаселения со способом производства. Эта связь обладает известной степенью гибкости и динамичности. Ее исследование как в формационном, так и в ситуативном аспектах предполагает выявление и типологию некоторых количественно-качественных и пространственно-временных характеристик населения. Под первыми понимается прежде всего его численность и продолжительность жизни, а также уровень социализации, степень производственной активности, стандарты потребления. Вторые призваны зафиксировать миграции, типы расселения и поселений, а также характер и темпы воспроизводства населения.

Проблема формулирования четких, сопоставимых законов народонаселения различных формаций представляется назревшей задачей и теоретической демографии, и исторического материализма.

М.М. Бабаев (кандидат юридических наук. Всесоюзный институт по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности). Демография и право.

Когда мы говорим о демографических проблемах в обществе, то имеем в виду, с одной стороны, всю гамму влияний, которые оказывают демографические процессы на самые разнообразные стороны жизни людей, а с другой — обратное воздействие социальных явлений на демографическую ситуацию и демографическую политику.

Общепризнано, что праву принадлежит важное место в ряду факторов, регулирующих демографические процессы. Принципы и идеи демографической политики должны разрабатываться и разрабатываются прежде всего демографами, экономистами, экономгеографами, социологами. Но осуществляться эти принципы и идеи не могут без помощи юристов, ибо демографическая политика реализуется, проводится в жизнь при обязательном содействии права, комплекса законодательных актов, которые в данном случае служат инструментами этой политики.

В этой связи хочется подчеркнуть, что обилие точек зрения и существенно различный подход демографов к решению одних и тех же проблем ставит законодателя в крайне затруднительное положение. Разработка согласованных теоретических позиций и концептуальных схем необходима для того, чтобы повысить эффективность правовых институтов, обеспечивающих реализацию демографической политики в стране. Будучи всего лишь одним из многих рычагов, воздействующих на демографические процессы, право, естественно, функционирует наиболее эффективно, когда оно входит составной частью в комплекс стимулов (моральных, материальных, организационных и т. д.), содействующих желательным или, наоборот, препятствующих нежелательным демографическим тенденциям. Забвение этого положения на практике приводит к попыткам решать сложнейшие проблемы демографической политики только лишь путем издания отдельных правовых актов, которые к тому же подчас плохо согласуются, а то и

просто противоречат сложившейся экономической и социально-психологической ситуации.

Однако воздействием правовых институтов на демографические явления и процессы не исчерпывается характеристика связи демографии и права. Связь эта глубже и многостороннее, и чтобы показать иные формы ее проявления, пожалуй, лучше всего обратиться к анализу взаимоотношений демографии и криминологии. Тем более что речь идет как раз о той правовой дисциплине, которую далеко не все демографы и экономисты признают смежной. Напомним, что криминология— это наука о преступности, ее состоянии, динамике и структуре, наука, изучающая причины преступности и разрабатывающая меры, направленные на ее сокращение и предупреждение.

В последние годы интерес криминологов к познанию демографических проблем заметно вырос. И это понятно: только опираясь на надежный фундамент демографической статистики, криминологи получают возможность исчислять действительные индексы преступности, определять в сопоставимых показателях распространенность и структуру этого явления в той или иной местности и, следовательно, осуществлять столь необходимый региональный и ретроспективный анализы преступности, прогнозировать ее уровень и характер в будущем. Но это только одна сторона дела. Есть и другие аспекты связи демографических процессов и проблем, изучаемых криминологией.

Дело в том, что демографическая ситуация есть часть и вместе с тем предпосылка и условие (конечно, в ряду других) криминогенной ситуации. Иными словами, при прочих равных условиях уровень и структура преступности в известной степени зависят от возрастно-половой структуры и плотности населения, распределения населения на городское и сельское, постоянное и мигрирующее и т. п. Скажем, снижение детской смертности ведет к увеличению абсолютной численности молодежи, а это рождает огромный и сложный комплекс проблем ее воспитания, предотвращения случаев антиобщественного поведения со стороны некоторых представителей наиболее активной и наиболее нуждающейся в контроле общества части населения.

Криминологические исследования указывают на связь семейного состояния граждан и антиобщественного поведения (в частности, среди преступников доля холостых лиц значительно выше, чем их доля в населении в целом).

Внимание криминологов в последнее время привлечено к таким крупным социально-демографическим процессам, как рост городов, повышение численности и удельного веса городских жителей в населении страны, миграция населения. Известно, что эти процессы порождают немало самых различных весьма сложных проблем: экономических, градостроительных, транспортных и многих других. К сожалению, до последнего времени считалось, что в их число не входят проблемы криминологические. Однако криминологические исследования процессов урбанизации и миграции населения надо рассматривать как чрезвычайно актуальные как в теоретическом, так и в практическом отношении. Достаточно сказать, что уровень преступности в городской местности в среднем значительно выше уровня преступности в сельской местности. Преступность мигрантов в некоторых районах в 3—4 раза выше преступности постоянных жителей. На наш взгляд, есть полное основание утверждать, что между показателями,

характеризующими динамику удельного веса городского населения, и показателями преступности существует достаточно устойчивая связь. Исследования подтвердили, что при прочих равных условиях города, существенно различающиеся по величине и хозяйственным функциям, заметно отличаются и по уровню преступности. Хотя, конечно, какой-либо жесткой, однозначной зависимости здесь нет.

Итак, проблема «демография и общество» имеет свой очевидный криминологический аспект, и вряд ли требуется доказывать, что пренебрегать им при комплексном подходе к исследованию демографических процессов недопустимо.

Между тем можно привести множество примеров, которые показывают, что при планировании и осуществлении мероприятий, определяющих характер демографической политики в стране в целом и в отдельных регионах, возможность наступления криминогенных последствий чаще всего просто игнорируется.

В настоящее время сделаны лишь первые шаги в области изучения взаимодействия демографических и правовых явлений, связи демографии и права. Поскольку речь идет о действительно смежных дисциплинах, есть все основания утверждать, что с каждым годом число проблем, разрабатываемых совместно демографами и правоведами, станет увеличиваться на пользу обеим наукам. Это расширит в дальнейшем предпосылки для более действенного управления социальными процессами со стороны общества и государства, а именно здесь лежит наиболее важный и эффективный путь предотвращения нежелательных последствий этих процессов.

В.П. Эфроимсон (доктор биологических наук, Институт психиатрии Министерства здравоохранения РСФСР). Социальное и биологическое в демографических процессах.

Начну с проблемы «демографического взрыва», который сегодня многих пугает. Нынешний глобальный «демографический взрыв», на мой взгляд, через несколько десятилетий кончится. Он является результатом тысячелетней экономически обусловленной и глубоко укоренившейся традиции, которая неизбежно обрывается с развитием цивилизации. В чем эта традиция заключается и откуда она идет?

Во всех аграрных странах, будь то Китай, Индонезия, Индия, страны Латинской Америки, девушки, выходя замуж, уходят в семью мужа, и на них ложится забота о родителях мужа. О своих родителях должны заботиться сыновья. Из-за всяких эпидемий, голодовок, войн и т. д. надо было обязательно иметь шесть-семь детей, чтобы сохранить хотя бы одного сына для поддержки в старости. И если сыновей не было, то к 35-летнему возрасту жены семья теряла статус, уважение, друзей, так как в этих стареющих бессыновних людях окружающие видели будущую обузу для общины. Поэтому традиция многодетности существует во всех отсталых странах с высокой детской и юношеской смертностью. Распространение цивилизации устранил и проблему высокой рождаемости и проблему «демографического взрыва». История цивилизации в таких странах древности, как Египет, Греция, Рим (по которым имеется демографическая статистика), показывает резкое снижение рождаемости, и нет ни одной цивилизованной страны в истории человечества и в настоящем, в которой это падение рождаемости не имело бы места. А для избежания «перенаселенности» существовало множество способов, помимо детоубийства

и аборт. Например, недалеко ушедшие от уровня каменного века индейцы Северной Бразилии умеют готовить навар из трав, который предохраняет от зачатия.

Вспомним еще одно обстоятельство: рабовладельцы имели обыкновение отпускать на свободу рабынь, родивших трех детей. За счет этих освобожденных женщин, за счет вольноотпущенников и их потомства поддерживалась численность населения в рабовладельческих странах. Но там, куда приходила цивилизация, сразу наступало резкое падение рождаемости. Достаточно иметь 2—3 детей, и забота о старости отпадает. Прививки, антибиотики, хорошая организация родовспоможения, распространение противозачаточных средств, охрана материнства и младенчества могут за 20—30 лет покончить с «демографическим взрывом».

Что до традиций, то римско-католическая церковь запрещает применение противозачаточных средств. Но известно, что в США католички, исправно посещающие исповеди, пользуются противозачаточными средствами не в меньшей мере, чем их соседки-протестантки. Родоплеменные традиции, вероятно, окажутся не более устойчивыми, чем римско-католические, и к концу века, возможно, надо будет беспокоиться не о том, что население достигло 6 миллиардов человек, а о том, как стимулировать рождаемость во всех ныне отсталых странах с огромным приростом населения.

«Демографический взрыв» порождается голодом, нищетой, и с возрастанием жизненного уровня он угаснет. Что касается резервов пищи, то они огромны, особенно если учитывать перспективы «зеленой революции», микробиологически-промышленного производства белка, лизина, использования планктона и т. д.

Здесь был поставлен вопрос о первенцах. По многим совершенно объективным показателям доля первенцев среди выдающихся людей непропорционально высока как в средние века, так и в новое и в новейшее время. Это достоверно, но биология и генетика здесь ни при чем. Первенцам родители уделяют больше внимания и средств, чем последующим детям. Именно лучшие условия развития в раннем возрасте порождают превосходство первенцев. И напротив, без семьи, без внимания матери, без ее заботы, ласки или же без эквивалента матери ребенок не может нормально развиваться. Существует даже особый синдром материнской депривации. Если ребенок находится вне эмоционального контакта с матерью или нет эквивалентной эмоциональной замены, он отстает в развитии; дело доходит до карликовости. Если нельзя ограничивать возможность участия женщины в общественном производстве, то следует подумать о создании яслей на 6—8—10 детишек, каждому из которых няня и воспитательница могут уделить достаточно много внимания.

Можно привести веские доводы в пользу необходимости учитывать генетические аспекты при осуществлении демографической политики, например, по вопросу о возрасте деторождения. Установлено, что самой частой причиной, слабоумия является болезнь Дауна. Она вызывается нерасхождением пары малых хромосом в организме матери, причем частота нерасхождения хромосом повышается с возрастом матери, и в среднем у сорокалетних женщин частота только такого нерасхождения составляет уже 1 процент. Выживаемость детей, страдающих болезнью Дауна, в связи с успехами медицины резко возросла, но рождение такого ребенка есть величайшее несчастье для всей семьи на многие десятилетия. Всякие методы ранней диагностики в общенародном масштабе пока что едва

ли осуществимы; для профилактики болезни Дауна было бы, видимо, целесообразно поощрять раннее деторождение, начиная с 20-летнего возраста женщин.

В.А. Геодакян (кандидат технических наук, Всесоюзное общество генетиков и селекционеров имени Н. И. Вавилова). Демографические мероприятия должны опираться на строгую научную концепцию.

Я полностью согласен с тем, что проблемы демографии, которые привлекают все большее и большее внимание общественности, и в первую очередь ученых, очень важны. Тут даже звучали конкретные предложения о принятии специальных законов, но для этого нужна разумная демографическая политика, а разумная политика, естественно, должна основываться на научной концепции. Поэтому я думаю, что нужно наши усилия направить не на поиск возможных путей регуляции — это ещё рано, а на разработку разумной научной концепции. Очень характерны в этом отношении выступления В.А. Болдырева и В.И. Переведенцева, которые свидетельствуют об отсутствии единой точки зрения относительно того, что следует считать хорошим и что плохим, что является для нас идеалом, к чему нам нужно стремиться, чего мы хотим достичь в будущем.

Я хотел бы остановиться на следующих моментах. Когда говорят о «демографическом взрыве», то обычно экстраполируют нынешний рост населения на будущее и приходят к выводу, что в таком-то году на Земле нас будет больше, чем надо. В данный момент человечество на Земле находится на экспоненциальной стадии роста, поэтому экстраполяция приводит к бесконечности. Отсюда картина «демографического взрыва». О рискованности экстраполяции говорит следующий пример. Известно, что число 60 делится на единицу, на двойку, на тройку, на четверку, на пятерку, шестерку. Казалось бы, если экстраполировать дальше, то оно и на семерку должно делиться, но тем не менее не делится. Экстраполяция — это не интерполяция, и с ней надо быть очень осторожными.

Видимо, надо исходить из того, что наш земной шар изолирован и что заселение других планет в ближайшем будущем мало реально. В этой изолированной системе надо рассчитывать по различным параметрам. Ясно, например, что по энергии, получаемой от солнца, стационарные условия будут сохраняться долго, пока не остынет солнце, а по наличию таких элементов, как серебро или олово, очень скоро наступит время, когда запасы будут исчерпаны. Усилия должны быть направлены на то, чтобы найти оптимальную схему.

Очевидно, что человечество пока находится в экспоненциальной фазе, где действуют положительные обратные связи, но рано или поздно наступит фаза насыщения, которая регулируется отрицательными обратными связями, и численность человечества стабилизируется. Отсюда следует, что «демографического взрыва» как такового не будет.

Другой вопрос, что, может быть, не стоит ждать, пока наступит это естественное насыщение, а стоит вмешаться, добиться остановки роста населения искусственно, на более низком уровне численности, тем самым увеличив потенциальную длительность жизни человечества. А симптомы насыщения уже видны: в больших городах резко падает рождаемость у различных слоев населения. Это же отмечается и в ряде высокоразвитых стран в целом.

Мне хотелось бы остановиться и на вопросе об эволюции семьи. Для процессов эволюционного развития вообще характерно последовательное усиление взаимодействия между элементами системы. При этом отдельные элементы все больше и больше утрачивают свои степени свободы (программы), но одновременно появляются новые программы системы в целом как результат новой организации. Следовательно, утраченные степени свободы элементов можно рассматривать как «плату за новую организацию». Вероятно, для каждой системы существует некая оптимальная сила связи между элементами, при которой интегральная эффективность организации, учитывающая как программы элементов, так и программы системы в целом, максимальна. Если взаимодействие между элементами слабее оптимального, то интегральный эффект организации не достигает максимума из-за чрезмерной свободы элементов. Если же взаимодействие сильнее оптимального, то эффективность организации опять будет меньше максимума, но уже из-за чрезмерной утраты свободы элементов. Очень хорошо охарактеризовал такого рода ситуацию английский астроном Шепли, который заметил, что в современном обществе мы лишены многих свобод: не можем ходить без одежды, сорить, шуметь и т. д., но зато мы имеем водопровод.

Эволюция не подчиняется нашим желаниям, и ее нельзя повернуть вспять. Мы понимаем, что автомобиль приносит колоссальное количество жертв, но отказаться от него мы не можем. То же самое с эволюцией семьи. Эволюция идет, семья будет эволюционировать, как надо этой системе, и самое большее, что мы можем сделать, — это понять и предсказать эти изменения, подготовиться психологически и привыкнуть к ним.

Я хотел бы еще сказать два слова о хорошей традиции Круглых столов журнала «Вопросы философии». Мало где могут встретиться представители разных областей знания. В науке специализация зашла так далеко, что появляется опасность ситуации «Вавилонской башни». Поэтому я считаю, что собирать вместе специалистов разных областей знания для обсуждения той или другой проблемы — это очень полезная и перспективная форма.

В.И. Козлов. Не кажется ли вам, что вы преувеличиваете значение биологической регуляции? Если взять Южную Сибирь, где малая рождаемость, то там, видимо, достаточно будет и естественной регуляции. А, например, в Калькутте, где в комнатенке коммунальной квартиры живет семья, которая довольно быстро размножается, едва ли можно уповать на естественную регуляцию.

А.Г. Вишневский. Можно ли представить себе такую ситуацию, когда нарушается работа естественного механизма обратной связи? Вспомним, как быстро размножились кролики, завезенные в Австралию. Раньше работал механизм обратной связи. Сейчас благодаря усилиям людей он устранен, и обратная связь нарушена. Это нарушение обратной связи может привести к невозможности осуществления того, о чем вы говорили.

А.А. Геодакян. Я не говорил, что регуляция осуществляется только биологически. Я просто призываю к тому, что нужно видеть биологическую основу, что человек, будучи человеком, не перестает быть представителем животного царства. Но то, что социальные факторы — развитие цивилизации, техники и т. д. — накладывают решающий отпечаток, это совершенно очевидно.

О.Б. Осколкова (кандидат географических наук, Институт научной информации по общественным наукам АН СССР). Проблемы народонаселения в интерпретации буржуазных исследователей.

Работы современных буржуазных авторов в области демографии демонстрируют в целом довольно пестрый и сложный конгломерат взглядов, концепций, суждений по социально-философским и социально-экономическим аспектам народонаселения. Критический анализ этих работ представляет определенный познавательный интерес. Методика изучения отдельных вопросов и анализа конкретных данных может иметь научное и практическое значение. Ряд исследований свидетельствует о том, что многие ученые на Западе обеспокоены хищническим использованием природных ресурсов в интересах частного предпринимательства, недоеданием и голодом в ряде районов мира, обострением социально-экономических противоречий, усилившимся загрязнением окружающей среды в развитых капиталистических странах. Вместе с тем большинство работ показывает неспособность современной буржуазной науки вскрыть действительные причины возникающих демографических проблем, а тем более найти пути их решения.

Большинство современных буржуазных ученых в той или иной степени разделяет концепцию неомальтузианства; вместе с тем среди них практически нет представителей откровенного демографического детерминизма, считающих демографические процессы основополагающими и решающими факторами развития общества. Значительная часть авторов (П. Эрлих, Д. Медоуз, Ж. Пажес, Р. Шинн, Э. Бачелет, Л. Дэн, С. Джонсон, С. Моч) безоговорочно считает, что в настоящее время, когда земной шар уже перенаселен, ожидаемый дальнейший значительный рост населения приведет к увеличению недостатка продовольствия, истощению природных ресурсов и нарастающему загрязнению природной среды, угрожающему нарушить экологическое равновесие. Сможет ли человек установить контроль над рождаемостью или нет — от этого во многом зависят дальнейшие судьбы мира. По утверждению Л. Дзя, человечество стоит перед выбором: либо огромное по численности население будет иметь низкий уровень жизни, либо меньшее по численности — высокий. В связи с этим ставится вопрос о том, что уже сейчас в масштабах планеты необходим «нулевой прирост», то есть стабилизация численности населения (некоторые из авторов предлагают даже после достижения «нулевого прироста» принять меры к абсолютному сокращению численности земель).

Наибольшую тревогу высказывают последователи так называемой биологической школы, видными представителями которой являются супруги Пол и Анна Эрлих из Стэнфордского университета (США)⁹. Они заявляют, что рост населения угрожает разрушить жизнь на нашей планете, что при отсутствии контроля над ростом населения развивающиеся страны никогда не преодолют свою отсталость, а в развитых странах перенаселенность будет снижать «качество жизни» в связи с загрязнением окружающей среды.

По мнению большой группы исследователей во главе с профессором Массачусетского технологического института Д. Медоузом, авторов книги «Пределы

⁹ P.R. Ehrlich, A.N. Ehrlich. Population. Resources. Environment. Issues in Human Ecology. Stanford University. W. H. Freeman and Co. San Francisco, 1970.

роста»¹⁰, научно-технический прогресс не в состоянии решить проблем, порожденных высокими темпами роста населения. В качестве мер по спасению человечества эти авторы предлагают проведение в ближайшем будущем политики, предусматривающей прекращение роста населения и материального производства. Однако многие исследователи сомневаются в способности человечества серьезно оценить надвигающуюся катастрофу и принять своевременные меры. По подсчетам авторов книги «Пределы роста», если стабилизационные мероприятия будут отложены до 2000 года, то достигнуть равновесия в системе «население—производство» и избежать катастрофы станет невозможным.

Другая группа авторов выражает надежду, что рождаемость все же сократится. Доктор С. Моч из Массачусетского технологического института считает, что стабилизация населения так или иначе произойдет, и это может быть достигнуто если не в результате сознательной человеческой деятельности, то под давлением сил природы. В последнем случае человечество ожидает возрастание степени загрязнения окружающей среды и через одно-два поколения неизбежное увеличение смертности. Это приведет либо к сокращению объема производства и, следовательно, загрязнения, либо — при дальнейшем росте смертности — к установлению самой природой некоторого равновесия между регенерационной способностью Земли и общим объемом потребления. С. Моч предлагает государственным органам планировать не рост экономики на ближайшие 15 лет, а «трудный переход от роста к стабилизации», с тем чтобы он произошел «без тяжелых социальных и человеческих кризисов»¹¹.

Ряд буржуазных авторов (Шинн, Дэй, Пажес, Джонсон и другие¹²), не разделяющих той точки зрения, что проблема решится сама собой, значительную часть своих работ посвящают анализу методов контроля над рождаемостью, демографической политики государства. В связи с необходимостью изучения демографических процессов и разработки государственной политики народонаселения они уделяют большое внимание определению факторов, влияющих на рождаемость. При перечислении детерминант рождаемости у зарубежных демографов заметно относительное единство взглядов; разногласия возникают главным образом при определении степени влияния отдельных факторов, которые еще мало изучены и, конечно, не однозначны для различных стран.

Большинство современных исследователей, опираясь на анализ обширных данных переписей населения и выборочных обследований по ряду стран, признает в качестве детерминант воспроизводства населения совокупность факторов, характеризующих социально-экономическую структуру.

Детально исследуя конкретные детерминанты рождаемости, американские социологи и демографы Дж. Касарда, Г. Кейн и А. Вейнингер, французский социолог

¹⁰ D. Meadows et al. The Limits to Growth. A Report for the Club of Rome's. Project on the Predicament of Mankind. N. Y., 1972

¹¹ S. Mauch. Gefahren und Probleme einer stetig wachsenden Weltbevölkerung. «Universitas». Stuttgart, 1972, Jg, 27, Hf. 7, SS. 725—732.

¹² S. Johnson. A Population Policy for Britain. London, 1972, p. 15; J. Pages. Le contrôle des naissances en France et à l'étranger. Thèse... Paris, Libr. générale de droit et de jurisprudence (Pichon et Durand-Auziss), 1971; R. Shinn, L. Day. Population and Dignity of Man. In: «Dimensions of Environmental Crisis». N. Y., 1971.

Ж. Кало приходят к выводу, что определяющую роль играет степень индустриализации и урбанизации, экономической активности женщин, развития системы образования, распределение доходов¹³.

Ряд демографов (Ж. Кало, Н. Федеричи и др.¹⁴) подчеркивает, что факторы, влияющие на динамику населения (социально-экономические, биологические, экологические), очень сложны, субъективные мотивы ограничения семьи, взаимосвязи между демографическими и другими процессами мало изучены, поэтому есть все основания сомневаться в успехе государственного регулирования рождаемости. В подтверждение своих сомнений Кало указывает на падение рождаемости во всех странах Западной Европы начиная с 1965 года при наличии больших различий в экономической конъюнктуре, семейном законодательстве и контрацептивных средствах.

Основная причина сокращения рождаемости в развитых капиталистических странах заключается, по мнению некоторых авторов, не в широком распространении противозачаточных средств, а в изменении психологии людей, в том, что инстинкт продолжения рода отступил ныне на второй план, а на первый план выдвигается стремление к экономическому успеху и социальному престижу, к всестороннему развитию собственной личности¹⁵.

В ряде демографических исследований последних лет (Р. Шинна, Ж. Пажес, С. Джонсона) выдвигается тезис, что вопреки сложившемуся мнению перед высокоразвитыми странами проблема сокращения рождаемости стоит сегодня не менее, если не более остро, нежели перед развивающимися. Подчеркивается, что если в развивающихся странах рост населения обостряет продовольственную проблему, то в развитых странах под угрозой находится вся природная среда (ярким примером этому служат США). Джонсон считает, что срочные меры должны быть приняты прежде всего в развитых странах, поскольку именно они «используют львиную долю природных ресурсов и наносят наибольший ущерб хрупкой биосфере». США, например, где проживает около 6% мирового населения, потребляют около 40% мирового производства сырья, поэтому, по мнению Джонсона, поддерживать дальнейший рост населения США — значит проявлять экономическую близорукость, отказаться от учета реальных экономических и политических условий, существующих в современном мире.

Среди многочисленных сторонников стабилизации и даже сокращения населения не только в развивающихся, но и в развитых странах лишь сравнительно немногие представители буржуазной науки встревожены тенденцией падения рождаемости в развитых капиталистических странах. Среди них французские демографы Ж. Буржуа-

¹³ J.D. Kasarda. Economic Structure and Fertility: a Comparative Analysis. «Demography». 1971, vol. 8, № 3, pp. 307—317; G. Cain, A. Weininger. Economic Determinants of Fertility. Results from Cross-sectional Aggregate Data. «Demography», 1973, vol. 10, № 2, pp. 205—221.

¹⁴ G. Calot. Lueurs et ténèbres sur la fécondité. «Monde diplomatique». Paris, 1973, № 236, pp. 18—19; N. Federici. A Demographic Model for Europe. In: «The Future is to-Morrow», 17 prospective studies. Hague, 1972, pp. 127—183.

¹⁵ H. Heuk-Stilling. Stirbt das deutsche Volk? Ursachen und Folgen des Geburtenrückgangs. «Nation Europa», Coburg, 1972. Jg. 22, Hf. 12, SS. 5—9; K. Franke. Ist Kinderkriegen unanständig? Ibid., SS. 10—12; H. Schade. Gründe und Folgen des Geburtenrückganges. Ibid. SS. 13—15.

Пиша, А. Сови, Ж. Кало, западногерманский демограф Г. Хойк-Штилинг и другие. Так, Буржуа-Пиша подчеркивает, что Западная Европа и Северная Америка находятся на пути к демографическому упадку. Он предсказывает, что в недалеком будущем среднее количество детей на одну женщину уменьшится до 1 - 1,5 и что в долгосрочной перспективе через каждые 25-30 лет население этих регионов будет сокращаться на 50%¹⁶.

Свое беспокойство по поводу падения рождаемости А. Сови выражает в основном в отношении Франции. По его мнению, страх перед безработицей в связи с ростом населения Франции является необоснованным, поскольку «в индустриальной стране нет предела количеству рабочей силы при условии, конечно, что для этого делаются необходимые инвестиции». Сови подчеркивает, что «единственной всегда выигрышной ставкой является ставка на молодежь», которая необходима для роста экономики, для «крупносерийного производства».

Вместе с тем в статье, посвященной мировым проблемам народонаселения¹⁷, Сови признает, что современному человечеству угрожает тройная опасность: быстрый рост населения, прогрессирующее истощение минеральных богатств, загрязнение природной среды. Он призывает к изучению каждой из этих опасностей и выражает надежду на дальнейшие возможности расширения продовольственной базы человечества, выявление новых запасов минерального сырья, источников энергии и методов их использования, предлагает меры по сохранению и защите окружающей среды. Признавая наличие проблем загрязнения окружающей среды, Сови считает, что это «феномен небрежности, а не перенаселения».

К числу ученых, которые переходят на марксистские позиции в оценке и анализе демографических проблем, следует отнести, в частности, американского исследователя Пэвитта, французского ученого Лабейри и западногерманского демографа С. Вайсмана¹⁸.

Пэвитт и Лабейри, выступая в своих статьях с критикой книги «Пределы роста», работы Форрестера «Мировая динамика» и др.¹⁹, расценивают подход этих авторов к проблеме населения как возрождение мальтузианских идей и считают, что «катастрофа» в общественно-экономическом развитии обуславливается социальными причинами и может быть устранена лишь с помощью социальных мер.

Главная методологическая ошибка неомальтузианских теорий заключается, по мнению Лабейри, в том, что капиталистическая экономика рассматривается как единственно возможная, а закономерности капиталистического общества представляются как закономерности всех промышленно развитых стран. Пэвитт и Лабейри подчеркивают политическую направленность мальтузианских идей, которые как в прошлом, так и сейчас

¹⁶ J. Bourgeois-Pichat. En France, un mouvement de lent déclin. «Monde diplomatique», 1973, № 236, pp. 17, 18; Q. Calot. Op. cit.; A. Sauvy. La population française: situation et perspectives. «Revue de défense nationale». Paris, 1972, avr., pp. 555—556.

¹⁷ A. Sauvy. La population du monde et les ressources de la planète : un projet de recherches. «Population». Paris, 1972, № 6, pp. 967—977.

¹⁸ V. Labeyrie. Malthusianisme et écologie. «Pensée». Paris, 1973, № 167, pp. 3—21; K. Pavil. Malthus and Other Economists. Some Doomsdays Revisited. «Futures», Guildford, 1973, vol. 5, № 2, pp. 157—178. S. Weissman. Die Bevölkerungsbombe ist ein Rockefeller-Baby. «Kursbuch», Berlin, № 33, SS. 81—84.

¹⁹ J. Forrester. The World Dynamics. Cambridge, Mass., 1971.

тесно связаны с интересами привилегированных групп. Вместе с тем Пэвитт и Лабейри разделяют озабоченность всех исследователей загрязнением окружающей среды, не связывая, однако, это с ростом населения. В условиях капитализма, подчеркивают они, никакие научно разработанные мероприятия не в силах уничтожить противоречия данного общества с природной средой.

В своей статье С. Вайсман подчеркивает, что страх перед перенаселением насаждается буржуазными идеологами Соединенных Штатов отнюдь не в гуманных целях. Он признает необходимость проведения демографической политики, ориентированной на достижение равновесия между ресурсами и численностью населения, но эта политика должна осуществляться в условиях определенной экономической безопасности, участия масс в принятии политических решений, устранения классовых барьеров, эмансипации женщин и т. д.

Марксистское положение о том, что решение продовольственных, сырьевых, экологических и других современных проблем невозможно на пути стабилизации численности населения без решения коренных социально-экономических проблем, получает все более широкое распространение и понимание во всем мире.

**Б.С. Ерасов (кандидат философских наук, Институт философии АН СССР).
Демографические проблемы развивающихся стран.**

В драматических масштабах и последствиях «демографического взрыва» в странах «третьего мира» проявляется тесная связь процессов воспроизводства населения с системой производства вообще. Эта связь делает необходимым рассмотрение динамики роста народонаселения как важной составной части производительных сил. В работах К. Маркса детально показано значение человеческого фактора как в капиталистических, так и в докапиталистических формах производства. В этих последних именно в росте населения «резюмируется развитие производительных сил»²⁰, и только наличие внешних пределов ограничивает этот рост. Из работ Маркса мы видим также, каким образом в докапиталистических структурах производство в целом подчиняется законам удовлетворения непосредственных потребностей в их классово обусловленных формах.

Но страны «третьего мира» в настоящее время уже достаточно интенсивно вовлечены в контакт с развитыми формами производства, где господствуют накопленные индустриально-технические предпосылки труда, к которым привязан и «человеческий фактор». Это вызывает глубокие и направленные в разные стороны деформации в системе социальной жизнедеятельности. С одной стороны, как уже неоднократно подчеркивалось, одним из последствий включения «третьего мира» в глобальный процесс научно-технической революции явилось резкое повышение уровня выживаемости населения. Но, с другой стороны, это количественное возрастание «человеческого фактора» производства оказывается совершенно избыточным в условиях производства, построенного на преобладании капитального оборудования и новейшей технологии. В результате в силу того, что динамика этого производства диктует необходимость перехода к индустриальным формам труда, вовлечение в производство имеющихся людских ресурсов и даже получение

²⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 46, ч. II, стр. 102.

средств к существованию для реального выживания громадных масс населения зависят теперь от модернизации народного хозяйства.

Мы видим, таким образом, что происходит глубокая деформация демографических процессов, вызванная деформацией производственных структур развивающихся стран в целом. В «отходы» этой деформации в настоящее время попадает уже от одной трети до половины взрослого населения указанных стран, и это количество имеет тенденцию к повышению. Не удивительно, что многие буржуазные авторы в качестве мер по «упорядочению» демографических процессов предлагают решительную и жесткую политику вплоть до сокращения медицинского обслуживания, введения стерилизации, прекращения продовольственной помощи и т. д.

Такого рода подход к «человеческому фактору» производства вполне естествен для капитализма, который в период своего становления во всех классических и неклассических случаях прибегал к массовому истреблению населения. Капиталистическая индустриализация неизменно сопровождалась войнами за господство, империалистическими захватами и колонизацией заморских территорий, миграцией, вытеснением и уничтожением местного населения. Но если в период генезиса капитализма в Европе проблема «очищения» земли и фабрик от излишних ртов не стояла еще столь остро ввиду низкой степени выживаемости населения и низкого органического строения капитала, требовавшего значительного количества живого труда, то в современных условиях она приобрела бы поистине гигантские масштабы.

Демографическая трагедия «третьего мира» предстает прежде всего как социальная проблема, выражающаяся в том, что как докапиталистические, так и капиталистические структуры не обеспечивают использования такой важной производительной силы, какой является сам по себе живой труд. Очевидно, что эти проблемы могут быть решены только на том пути развития, который позволит направить неисчерпаемые людские ресурсы на создание новой структуры производительных сил. Лишь некапиталистический путь развития, ориентированный на социализм, открывает возможности для осуществления в широких рамках кооперации живого труда, для использования способности трудовых масс к созданию различных форм трудовой ассоциации, что может сделать достаточно эффективными «трудовые инвестиции» населения в развитие материальных средств производства.

На этом пути развития решаются не только собственно производственные, но и социальные проблемы: обеспечивается широкая занятость населения, лишенного в данном обществе доступа к материальным средствам производства и располагающего только своей способностью к живому труду. Громадные массы населения, остающиеся в противном случае за бортом современной цивилизации, вовлекаются в новые формы производства и социальных отношений. На таком пути развития подвергнутся трансформации и собственно демографические закономерности, затрагивающие наиболее «субъективные» стороны деятельности индивида. Свои надежды и «гарантии бессмертия» человек станет усматривать не только в воспроизводстве следующего звена в цепи поколений (цель, прочно санкционированная традицией, господствующими нормами и религией), но и в коллективном труде на общее благо, в разностороннем развитии способностей как зрелого,

так и молодого поколений, в улучшении условий жизни и изменении ее образа, в создании материальных предпосылок для новой системы производства. Изменятся и качество «человеческого материала» и сам его способ существования; вступление в жизнь нового поколения перестанет быть простым повторением прошлого, в нем произойдет сдвиг в сторону обогащения содержания на основе новых целей и соединения с новыми средствами производства.

Это означает, конечно, глубокую перестройку всего способа существования громадных масс населения. Если в «классическом» состоянии эти массы поколение за поколением проходили по жизни, почти не меняя ее облика и находя компенсацию своих устремлений в религиозных идеалах «потустороннего» избавления и обретения, то отныне их устремления будут находить свое осуществление в преобразовании жизни данного и грядущих поколений, в том, чтобы отдать свой труд на общее благо, в котором будет заключена и их собственная судьба.

В.В. Пациорковский (Всесоюзный институт по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности). Необходимость всестороннего изучения демографических явлений.

Многие из обсуждавшихся в ходе дискуссии вопросов так или иначе касались проблем, связанных с выработкой и проведением в жизнь принципов демографической политики. При этом уместно отметить, что многообразие точек зрения относительно путей и методов этой политики играет исключительно важную роль в познавательном отношении, но оно, видимо, должно иметь пределы. Легко увидеть, в каком положении могут оказаться законодательные органы при разработке основ демографической политики, если они будут исходить из одинаково обоснованных, но взаимоисключающих предложений. А ведь принятие решений на уровне общественной практики исключает столь быструю смену «точек зрения», как это возможно в познании. Поэтому нельзя не согласиться с мнением о необходимости создания единой концептуальной схемы в области демографических исследований. Трудно также не согласиться с утверждением, что в условиях нашей огромной и многонациональной страны необходим дифференцированный подход к проблемам регулирования демографических процессов вообще и процессов воспроизводства населения в частности.

Следует подчеркнуть, что именно «благодаря» многообразию типов семей, имеющих в нашем обществе, одно и то же мероприятие может иметь различные и даже противоположные последствия. Так, например, повышение материального благосостояния населения вряд ли приведет к сколько-нибудь заметному росту количества многодетных семей. Для семей же, имеющих одного ребенка, улучшение материального благосостояния может оказаться важным стимулом повышения рождаемости.

Здесь необходимо обратить внимание на специфику содержания понятия «благосостояние», которое в современных условиях предполагает не только и не столько определенный уровень доходов на каждого члена семьи, но и доступность сферы услуг, возможность распоряжаться свободным временем в соответствии со своими интересами и потребностями и т. п.

Я остановлюсь на трех вопросах, которые, по моему мнению, связаны с дальнейшим развитием демографических исследований в нашей стране. Прежде всего я хочу подчеркнуть, что развитие демографии как теоретической и прикладной дисциплины тесно связано с развитием других социальных наук, одной из которых является криминология.

Научно-техническая революция, все углубляющееся разделение труда, дифференциация типов деятельности (особенно в сфере услуг) ведут к тому, что существование каждого члена общества начинает все в большей мере зависеть от существования всех других членов общества. Но, с другой стороны, диалектика общественного развития такова, что наличие огромной массы товаров, высокоразвитой сети средств массовой коммуникации и т. п. допускает весьма высокую степень автономии в избрании различными членами общества того или иного образа жизни и типа поведения. Существующая система социального контроля во многом не приспособлена к такому положению вещей, более того, и сами люди очень часто оказываются не подготовленными к жизни в таких условиях. Наглядным примером здесь может служить та легкость, с которой многие современные люди становятся мигрантами. Миграция является одной из важных составляющих криминологической ситуации. Ведь криминологи видят в миграционном процессе отнюдь не только людей, стремящихся найти свое место в жизни, осуществить свои надежды и ожидания. Они знают, что в этом потоке иногда движутся и другие элементы (тунеядцы, мошенники). Поэтому значение закономерностей миграционных процессов, этого исконно демографического объекта исследования, могло бы во многом содействовать изучению причин и разработке мер предупреждения преступности.

Этот пример показывает, какое огромное значение для решения многих жизненно важных проблем имеют демографические и социологические исследования. У криминологов есть и другие проблемы, решение которых тесно связано с дальнейшим развитием этих исследований.

В первую очередь здесь следует указать на необходимость изучения процессов социализации личности.

Второй вопрос может показаться довольно частным, специальным, однако он заслуживает обсуждения на данном заседании, собравшем представителей разных общественных наук. Я имею в виду проблему развития методики и техники демографических, социологических, криминологических и других социальных исследований, и прежде всего проблему сравнимости и сопоставимости данных, получаемых в результате этих исследований. Различие исходного понятийного аппарата, а также процедур измерения может оказаться существенным тормозом при разработке проектов и программ комплексных социальных исследований.

Используемые сегодня в демографии, криминологии, социологии показатели, даже, казалось бы, такие простые, как, например, возраст, имеют в своей основе разные группировки, а это значит, что получаемые таким путем коэффициенты и индексы вряд ли могут быть сравнимы. Эти вопросы до сих пор еще не стали предметом широкого обсуждения, а между тем представители различных общественных наук при исследовании самых разнообразных явлений постоянно ссылаются на данные своих коллег, причем

корректность такого рода ссылок, как правило, не обсуждается. Все это говорит о необходимости унификации методик различных социальных исследований и разработки правил перехода от данных, полученных на основании одних методик, к аналогичным данным, но полученным на основе других методик.

И, наконец, последний по порядку, но не последний по важности момент, на который мне бы хотелось обратить внимание. Поскольку при обсуждении проблемы «демография и общество» речь идет о глобальных процессах (урбанизации, миграции и воспроизводстве населения и др.), то важнейшее значение приобретает разработка методологических вопросов, обеспечивающая марксистский подход к оценке содержания, особенностей возникновения и протекания этих процессов в условиях противоположных социально-экономических систем.

Надо сказать, что в буржуазном обществоведении уже давно обсуждается вопрос о влиянии на преступность различных социальных, в том числе и демографических, процессов. Так, например, Ф. Знанецкий, Т. Селлин и другие пытались объяснить фиксируемую ими в буржуазном обществе повышенную преступность среди мигрантов посредством выдвижения на первый план такого фактора, как контраст между городским и сельским образом жизни. При такой постановке вопроса оказывается, что одно явление объясняется другим, которое отнюдь не представляется более понятным. Основной порок подобной позиции состоит в том, что она не учитывает главного — обусловленности рассматриваемых социальных явлений природой буржуазного общественного строя.

Буржуазные исследователи, отмечая отрицательное влияние на поведение людей последствий происходящих в современном буржуазном обществе демографических и иных социальных процессов, даже и не пытаются увидеть различия в условиях протекания, в сущности и конечных результатах этих и других процессов, кажущихся общими для капиталистического и социалистического обществ. Для марксистской же социальной науки исходной методологической установкой является тезис об обусловленности всех этих процессов характером социального устройства общества, в котором они протекают. Выявление конкретных механизмов такой детерминации — одна из основных задач научного исследования демографических явлений.

Г.И. Герасимов (корреспондент агентства печати «Новости» и «Литературной газеты» в США). Скудеющая колыбель Америки, или некоторые черты демографической ситуации в США.

Вот уже много лет уровень рождаемости в США неуклонно падает, чему, кстати, многие у нас отказываются верить и приводят в качестве примеров обширные семейства Кеннеди или Рокфеллеров. В действительности же аист все реже прилетает в американские семьи — тот самый аист из сказки, который приносит детей. Не так давно толстый журнал «Эскуайер» посвятил номер теме «Не возненавидели ли американцы своих детей?». Там сообщалось, что 55,3 процента всех мужчин в США моложе 35 лет не женаты, 44,6 процента всех женщин моложе 35 лет не замужем.

Прирост населения, составлявший в 1970 году низкую цифру — 1,1 процента, через два года понизился до 0,7 процента. Согласно только что опубликованным официальным данным, в США детей четырехлетнего возраста на полмиллиона меньше, чем детей

пятилетнего возраста, детей трехлетнего возраста на полмиллиона меньше, чем детей четырех лет, и т. д.

Причины демографического поведения населения всегда разнообразны, но в американских условиях особенно влиятельными мне представляются две.

Первая — явный настрой общественного мнения против следующего поколения. Опасения относительно снижения «качества жизни» по причине роста количества жизней создали «антидетскую» атмосферу, которой способствовал общий дух капиталистического индивидуализма.

Существует несколько организаций вроде «Нулевой прирост» или «Национальная организация неродителей» во главе с энергичной Эллен Пек, написавшей книгу «Ребенок — это ловушка». Они добиваются успеха в нынешний период, когда в США наблюдается падение нравов, ослабление семьи и широкое распространение новых эффективных и удобных противозачаточных средств.

Можно спорить о подлинных мотивах неомальтузианской волны в США и о том, в какой мере она служит громоотводом для недовольства масс общим положением в стране, а в какой захватила добросовестно заблуждающихся. Но вряд ли возможно отрицать влияние общественных настроений на темпы воспроизводства населения.

Вторая причина — утилитарно экономическая. Демографы всегда предупреждали, что материальные соображения — лишь один из возможных мотивов, которыми руководствуются потенциальные родители, что прямая зависимость между благосостоянием и числом детей в семье отсутствует, а, как правило, налицо обратная зависимость. Однако в специфических условиях США с их культом денег и ввиду нынешних экономических трудностей удельный вес расчетливости особенно велик. Это обстоятельство подчеркнул орган деловых кругов США — газета «Уоллстрит джорнел», которая в статье «Почему в Америке падает рождаемость?» написала: «Среди многочисленных взаимозависимых факторов, определяющих падение кривой рождаемости, экономические соображения представляются решающими... Мы можем ожидать резких перемен в уровне рождаемости в будущем в соответствии с переменами в перспективах процветания».

Сейчас дети — дорогое удовольствие. Первую брешь в семейном бюджете младенец пробивает уже в день рождения: 800 долларов врачу, 200 — акушерке, 500 — за пять дней пребывания в родильном доме. Всего ребенок к концу первого года жизни стоит 5400 долларов. Ребенок пяти лет без серьезных заболеваний обходится родителям в 31 тысячу долларов. Мальчик в 17 лет стоит родителям 141 тысячу долларов, а девочка — 144 тысячи. Таковы подсчеты журнала «Эскуайер», сделанные, как оговаривается редакция, без учета роста цен, который неизбежен.

Падение рождаемости ведет к переменам в очертаниях демографической пирамиды, к изменениям в соотношении возрастов и к соответствующим серьезным последствиям в народном хозяйстве. Уже сейчас закрыты некоторые школы, потеряли работу учителя, школьное строительство свертывается. В конечном итоге падение рождаемости ведет к

«постарению общества», к изменению возрастной структуры населения в пользу старших возрастов.

В заключение — об идее «вторичной многодетности», высказанной мною в качестве предположения в брошюре «Станет ли тесно на земном шаре?». Когда у людей появляется выбор: или ребенок, или карьера, или экономическое благополучие, или культурное развитие и прочее, — выбор время от времени бывает против ребенка, и статистика констатирует падение рождаемости, а демограф — обратную зависимость уровня рождаемости от уровня культурного и экономического развития. Но допустим, что общество достаточно богато и перед родителями открывается возможность сочетания: и ребенок, и карьера, и благополучие, и культурный рост, и т. д., поскольку общество в состоянии обеспечить все эти возможности. В этих условиях скорее всего следует ожидать роста рождаемости.

В некоторой мере послевоенный «бэби-бум» в США можно рассматривать, на мой взгляд, как первую ласточку «вторичной многодетности», хотя, конечно, здесь сыграл свою роль и обычный послевоенный компенсационный процесс. Все же в 50-е годы в США иметь много детей в семье было «модно», и рождаемость поддерживалась на необычно высоком для развитой страны уровне.

Анализ причин, приведших к переменам в общественном настроении, еще ждет своего исследователя, но мне представляется несомненным, что эти перемены — один из тех факторов, совокупность которых привела через несколько десятков лет к падению рождаемости в США до уровня простого воспроизводства. И отношение к этой тенденции основной массы населения и властей продолжает оставаться самым доброжелательным.

И.Т. Фролов. Комплексность демографической проблемы, ее социальные и этические аспекты.

По-видимому, наш журнал еще не раз будет возвращаться к обсуждению социально-философских проблем демографии, потому что мы считаем эти проблемы очень важными для нашего общества. Завершая нашу работу, нужно отметить, что чего-то принципиально нового мы здесь не открыли и открыть не могли, но мы обменялись мнениями по важным и острым вопросам. Самое главное, что здесь достигнуто, — это постановка проблемы, которая, мы надеемся, будет стимулировать дальнейшие исследования.

Видимо, у большинства участников нашего заседания осталась некоторая неудовлетворенность, и она вполне естественна. Вероятно, эта неудовлетворенность объясняется недостаточной разработанностью демографических проблем.

Характерно, что в ходе обсуждения даже по наиболее кардинальным вопросам демографической науки подчас высказывались различные и даже взаимоисключающие точки зрения. С некоторыми из них трудно согласиться. Представляется научно несостоятельной, например, содержащаяся в выступлении В.А. Болдырева попытка обосновать необходимость стабилизации численности населения в СССР ссылками на сделанный XXIV съездом КПСС упор на интенсивные методы ведения нашего народного хозяйства. Далее, известно, что проведенные в последние годы социологические исследования установили рост в отдельных регионах страны количества людей, не

вступающих в брак, а также количества добрых половых связей. Причины этих явлений должны, на наш взгляд, тщательно изучаться. Однако вряд ли есть научные основания для того, чтобы из подобного рода фактов делать выводы о происшедших у нас быстрых и крутых переменах в области половой морали, о том, что добрая и внебрачная половая жизнь стала нормой у нас, как об этом говорил в своем выступлении В.И. Переведенцев.

Я думаю, что очень важны сейчас для демографов те задачи, которые были поставлены в ряде выступлений. Очень важно определить место демографии в системе наук, более четко наладить связи и взаимодействие с представителями других наук. Я целиком и полностью хотел бы поддержать мысль о том, что при еще более широком развороте исследований крупных экономических аспектов проблемы народонаселения необходимо уделять значительно больше внимания фундаментальным исследованиям социальных, социально-психологических, личностных факторов и т. д, то есть всего того комплекса проблем, разработка которых невозможна без участия наших социологов, социопсихологов, отчасти этнографов. Решение многих проблем, в том числе проблем демографической политики, зависит от того, насколько глубоко исследуются все эти аспекты. И здесь для ученых — непечатый край работы.

Демографические исследования, безусловно, должны развиваться в контакте с работой профессиональных социологов. Но у нас мало, к сожалению, социологов, которые занимались бы специально демографическими проблемами как проблемами научными, имея в виду не популяризацию, а получение каких-то новых результатов и выводов. Мне кажется, сейчас самое важное для развития наших демографических исследований — приток свежих идей, новых подходов, опирающихся на нашу марксистско-ленинскую теорию и методологию. Надо, чтобы каждый выдвигающий идею брал на себя ответственность, рисковал в известной мере, чтобы эти идеи сталкивались между собой в ходе научной дискуссии, в результате чего вырабатывались бы новые подходы, совершенствовался понятийный аппарат демографии.

Целесообразно, по моему мнению, напомнить и о том, что без данных генетики, особенно генетики человека и популяционной генетики, демографы обойтись не могут.

Я считаю, что обсуждение этих проблем необходимо. Оно необходимо и полезно потому, что область биологической и генетической детерминации демографических процессов продолжает оставаться для нас загадкой. Пока никто не может сказать точно, как генетически детерминируются все эти процессы. Здесь очень и очень много спорного, нерешенного, и одну из наших задач мы видим, в частности, в том, чтобы стимулировать размышления над этими проблемами, которые, может быть, помогут получить новые интересные для нашей работы данные.

Это одна сторона дела. Теперь о другом. Проведение разумной, научной демографической политики в отношении человечества в целом предполагает установление разумного, то есть коммунистического, общественного строя в глобальном масштабе. Поскольку этого пока нет, наши демографические установки должны быть дифференцированными. Проблемы народонаселения находят свое специфическое выражение в рамках каждого региона, в рамках каждой страны. Поэтому ученые, исследующие закономерности демографических процессов, не могут не считаться с тем,

что человечество расколото на социалистический и капиталистический миры, в которых действуют специфические закономерности народонаселения. Свои закономерности присущи и странам «третьего мира». Мы не можем не учитывать существенных изменений и самих демографических установок, которые зависят от социального и экономического развития общества.

Во многих рассуждениях современных демографов и в некоторых выступлениях здесь, за Круглым столом, когда мы обращались к экономической сфере, вопрос ставился так: рождаются люди, а есть ли у них достаточное количество питания, одежды, чтобы просто выжить? Это элементарная демографическая установка. Мы не можем от нее абстрагироваться, но и не можем только из нее исходить. У нас есть другие установки, связанные с принципами, которые утверждает теория научного коммунизма. Согласно этим принципам, высшей целью общества является всестороннее и свободное развитие человека. Именно такова объективная направленность исторического развития. Следовательно, в перспективе удовлетворение элементарных материальных потребностей перестанет быть основным критерием для демографических установок. Есть высшая демографическая установка, о которой мы должны думать. Демографическое регулирование в конечном счете нужно не только лишь для того, чтобы люди не умирали от голода. Мы исходим из того, что человек есть нечто большее, чем только «потребляющее существо», и мы обязательно должны учитывать это в своих размышлениях.

Еще одно обстоятельство, которое я хотел бы отметить. Нам, видимо, следует в области демографии четко осознавать, что необходимо не только вести научные исследования, но и влиять на мораль, воспитывать новое демографическое самосознание. Мы не должны недооценивать роли сознания, идеологических факторов, моральных установок, и наша работа в этой области чрезвычайно важна и ответственна. Вот почему широкая пропаганда научного понимания демографической политики, которой многие из вас занимаются, — это очень нужное дело. Исходя из этого, мы будем предоставлять страницы нашего журнала для выступлений по всем этим проблемам.

Демографическая пропаганда должна быть тесно связана с распространением определенной культуры, в том числе и в интимной сфере, в отношениях между полами. Мне кажется, что время малокультурного, я бы сказал, реагирования на все эти вещи осталось в прошлом. Не случайно эти вопросы очень широко ставят прежде всего врачи, педагоги, так как результаты социологических исследований показывают, что во многих случаях распад семей происходит, в частности, и по причинам неудовлетворительного полового воспитания. И факты говорят о том, что во многих случаях подобные явления могут быть преодолены, если относиться к ним разумно и не видеть здесь только нечто «запретное», а понимать проблему, которую мы должны решить.

И, наконец, последнее. Здесь уже говорилось, что мы должны думать и о том, чтобы в наших демографических построениях человек не был сведен просто к «деторождающему существу», чтобы не исчезла личность. Демография - это наука, но такая наука, которая должна существенно выходить за рамки простой физики и математики тех отношений, тех связей, которые существуют между людьми. Поэтому перед демографами, как и перед нами, философами, стоят очень сложные задачи, гораздо более сложные, чем просто

создать новую науку, обладающую всем инструментарием, всеми методами, которыми может быть вооружена современная наука. Демография должна включить в себя и другие аспекты, другие подходы, учитывающие, что речь идет о человеке, о сложном существе, для которого деторождение — это не просто биологическая потребность. Оно тесно связано с человеческой любовью, с очень сложными инстинктами, с глубокими духовными переживаниями, без которых невозможно представить себе современного культурного, развитого человека и без чего многие люди не могут представить себе жизни, принять ее как некоторую ценность. Ведь, порождая новую жизнь, каждый культурный, развитый человек берет на себя определенную ответственность и думает о том, в какой мир он вводит это новое, родное ему существо.

Такой комплекс необычных для «строгой» науки проблем должен быть обязательно учтен, и я думаю, что здесь, может быть, в наибольшей степени необходим контакт специалистов-демографов с философами. Хотелось бы надеяться, что тот энтузиазм и та энергия, с которыми относятся к своей работе наши демографы, повлияют положительно и на философов, будут стимулировать более интенсивную разработку проблематики народонаселения в ее социально-философских и этических аспектах.

Я думаю, что публикация материалов Круглого стола сыграет положительную роль и в этом плане, и именно поэтому я хотел бы от всей души поблагодарить всех, кто пришел на это заседание Круглого стола и высказал свое мнение по таким сложным, важным и во многом спорным, дискуссионным проблемам, какими, несомненно, являются демографические проблемы.

Редакция предполагает сделать более широкое обобщение материалов Круглого стола и, может быть, в одном из ближайших номеров нашего журнала выступить с редакционной статьей о социально-философских проблемах демографии.

SOCIAL AND PHILOSOPHICAL PROBLEMS OF DEMOGRAPHY

Round table of the journal "Problems of Philosophy" (1974)²¹

A reprint of the transcript from the journal "Problems of Philosophy" of the Round table discussion devoted to social and philosophical problems of demography which took place on May 7-8, 1974. 1974 having been declared World Population Year by the General Assembly of the UN, a World Population Conference was held in Bucharest in August 1974. On the whole, the 1970s were an important step, in some cases even a turning point, in the evolution of the world's main demographic processes as well as in the development of world demographic thought. The Round table discussion give an idea of the level of understanding of the demographic reality, the main demographic trends and their driving forces by the Soviet science of that time. It allows us to judge as to the correlation between objective research and 'an ideological' component in the views of the Round table participants. The interdisciplinary discussion was attended by demographers, philosophers, sociologists, economists, anthropologists, biologists and lawyers.

Keywords: *demography, demographic problems in the USSR, the philosophical problems of demography, demography and ecology, demography and ethnology, demography and genetics, demography and law, historical types of human reproduction.*

²¹ «Voprosy filisofii» («Problems of Philosophy»), 1974. № 9: 84-97; №11: 82-96; 1975, №1: 57-78.

НОВОЕ

В ЗАРУБЕЖНЫХ ЖУРНАЛАХ

NEW

IN FOREIGN JOURNALS

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ДАЙДЖЕСТ

Илья Кашницкий, Светлана Бирюкова

- Parr N., J. Li, L. Tickle. *A cost of living longer: projections of the effects of prospective mortality improvement on economic support ratios for 14 advanced economies*
- (NCD-RisC), N. R. F. C. *A century of trends in adult human height*
- Pal I., J. Waldfogel. *The family gap in pay: new evidence for 1967 to 2013*
- Jakobsson N., A. Kotsadam. *Does marriage affect men's labor market outcomes? A European perspective*
- Gershoff E.T., A. Grogan-Kaylor. *Spanking and child outcomes: old controversies and new meta-analyses*
- (NCD-RisC), N.R.F.C. *Trends in adult body-mass index in 200 countries from 1975 to 2014: a pooled analysis of 1698 population-based measurement studies with 19.2 million participants*
- Fenge R., B. Scheubel. *Pensions and fertility: back to the roots*
- Breschi M., G. Ruiu. *Superstitions, religiosity and secularization: an analysis of the periodic oscillations of weddings in Italy*

A COST OF LIVING LONGER: PROJECTIONS OF THE EFFECTS OF PROSPECTIVE MORTALITY IMPROVEMENT ON ECONOMIC SUPPORT RATIOS FOR 14 ADVANCED ECONOMIES

[Parr N., J. Li, L. Tickle (2016). A cost of living longer: projections of the effects of prospective mortality improvement on economic support ratios for 14 advanced economies // Population studies. 70(2): 181–200. doi.org/10.1080/00324728.2016.1190029]

Увеличивающая продолжительность жизни и, как следствие, ускоряющееся старение населения в развитых странах постоянно оказываются в центре внимания политиков, обеспокоенных потенциальными сложностями в обеспечении достойной поддержки пожилому населению и сохранении потенциала для экономического роста. В качестве решения проблемы часто приводятся увеличение минимального возраста выхода на пенсию и меры по стимулированию участия населения на рынке труда. Ник Парр, Джекки Ли и Леони Тиккл решили проверить, насколько придется увеличить активность населения на рынке труда, чтобы сохранить современный уровень обеспеченности экономики рабочей силой (labour supply, измеряется числом рабочих часов в неделю на душу населения). Для этой цели они выбрали 14 развитых стран и, спрогнозировав структуры населения с 2010 до 2050 г., оценили необходимое увеличение трудовой активности населения по двум сценариям: с увеличением возраста выхода на пенсию и без.

Илья Савельевич Кашницкий (ikashnitsky@hse.ru), Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия; PhD кандидат Университета Гронингена (RUG) и Нидерландского междисциплинарного демографического института (NIDI).

Светлана Сергеевна Бирюкова, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия.

Обзор поступил в редакцию в ноябре 2016 г.

Результаты моделирования сильно зависят от уровня рождаемости в стране. Поэтому исследователи сгруппировали изучаемые страны по этому показателю (таблица 1).

Таблица 1. Необходимые изменения в трудовой активности населения в ответ на изменения возрастной структуры населения в результате снижающейся смертности

Страна	Необходимый процент роста активности трудового населения	
	равномерный рост во всех возрастных группах	рост только в пожилых возрастах (60+)
<i>Страны и очень низкой рождаемостью</i>		
Чехия	7,0	112,2
Венгрия	6,2	139,9
Италия	5,0	80,1
Япония	8,1	32,2
Польша	8,4	100,8
Португалия	4,1	27,2
Испания	4,7	62,0
Швейцария	4,3	23,4
Среднее по группе	6,0	72,2
<i>Страны с низкой рождаемостью</i>		
Австралия	3,8	29,9
Канада	3,3	30,3
Нидерланды	3,6	60,5
Швеция	3,7	34,5
Великобритания	4,6	48,2
США	2,8	30,5
Среднее по группе	3,6	39,0

В целом снижение смертности отвечает за треть снижения обеспеченности рабочей силой в исследованных странах. Негативные изменения возрастной структуры населения, вызванные снижающейся смертностью к 2050 г., можно нивелировать сравнительно небольшим равномерным увеличением трудовой активности населения во всех возрастах: 6% в странах с очень низкой рождаемостью и 3,6% в странах с низкой рождаемостью. Однако если переложить ответственность за поддержание уровня предложения рабочей силы только на пожилых, то им придется увеличивать степень своей вовлеченности в рынок труда на 70 и 40% в двух группах стран соответственно.

Новизна статьи заключается в том, что в ней предпринята попытка изолировать влияние сокращения смертности от влияния изменений возрастной структуры населения на снижение обеспеченности рабочей силой. Важно различать эти две составляющие процесса, поскольку в долгосрочной перспективе эффект изменений возрастной структуры, во многом вызванный демографическим переходом, будет заметно ослабевать.

A CENTURY OF TRENDS IN ADULT HUMAN HEIGHT

[(NCD-RisC), N.R.F.C. (2016). A century of trends in adult human height // eLife. 5: e13410. doi.org/10.7554/eLife.13410]

Удивительную по трудозатратам статью опубликовала недавно группа исследователей NCD-RisC (перечисление авторов статьи растянулось на 9 страниц). Проанализированы 1472 ранее опубликованных исследования роста населения в различных странах мира.

Всего в собранную базу данных попали 18,6 млн человек из 200 стран, рожденные с 1896 по 1996 г. Эти колоссальные усилия затрачены на то, чтобы получить сопоставимую в масштабах всего мира картину увеличения среднего роста людей. Можно без преувеличения сказать, что эта статья отвечает на вопрос: «Как росло человечество за последнее столетие?».

Средний рост населения в странах мира показывает колоссальные различия между развитыми и развивающимися странами. Причем эти различия были и век назад, сохраняются и сегодня, наблюдаются как у мужчин (рисунок 1), так и у женщин (рисунок 2). Можно даже заметить, что прирост в целом был значительно больше в развитых странах (рисунок 3). При этом межстрановые различия остались примерно такими же у женщин и выросли у мужчин.

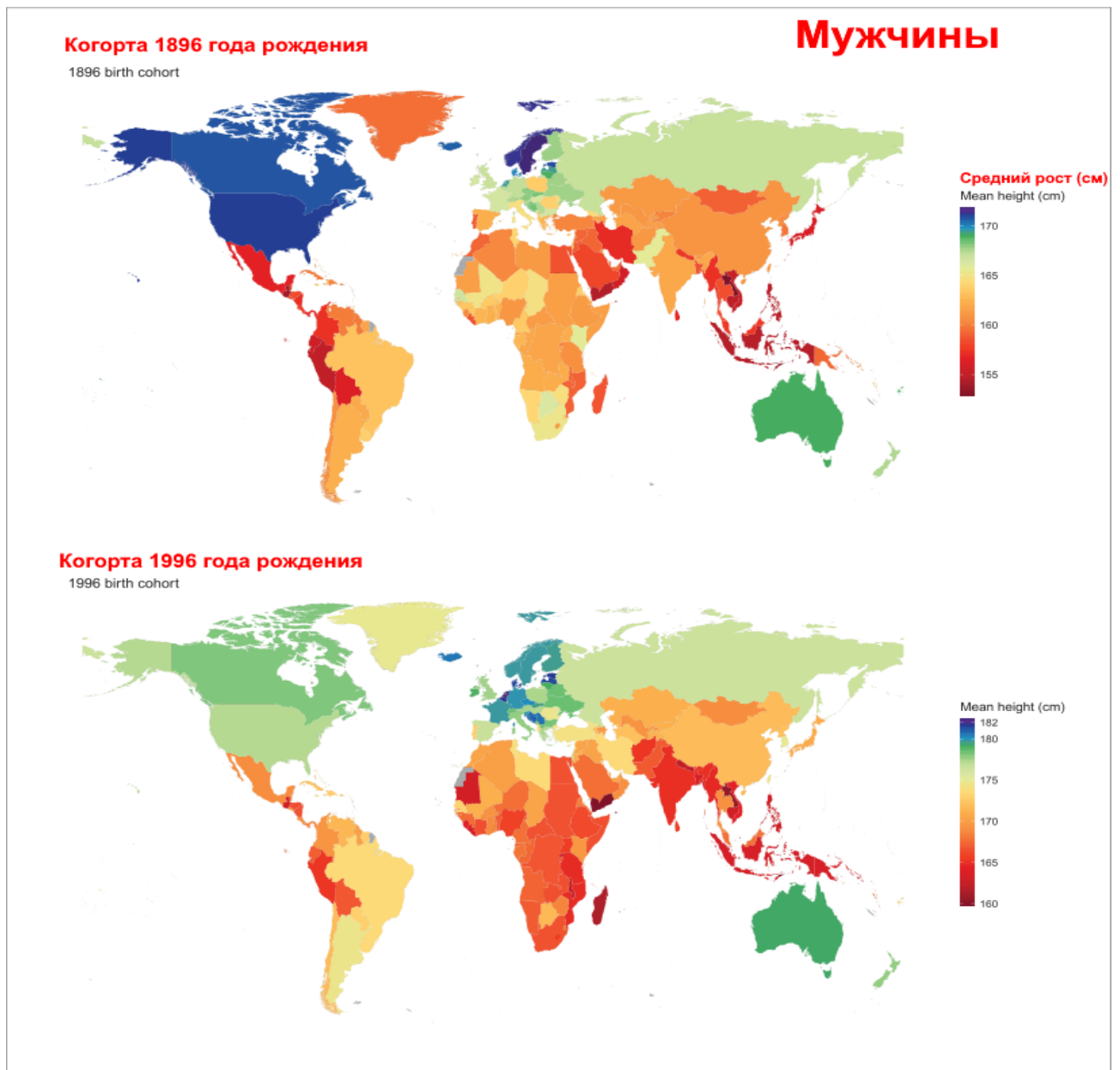

Рисунок 1. Средний рост мужчин в странах мира в когортах 1896 и 1996 г. рождения

Примечание: Изображение в полном разрешении: <http://dx.doi.org/10.7554/eLife.13410.003>

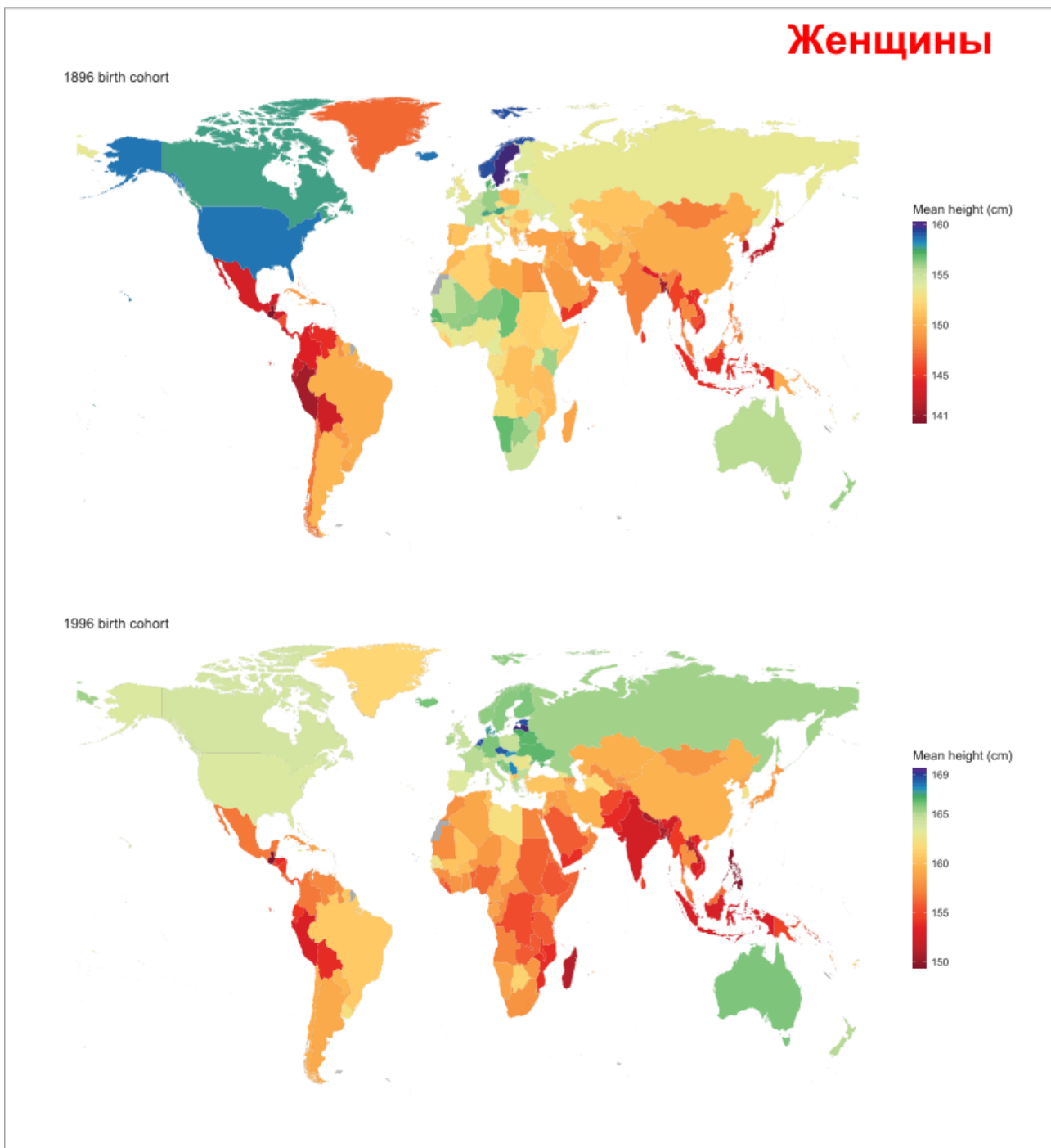

Рисунок 2. Средний рост женщин в странах мира в когортах 1896 и 1996 г. рождения

Примечание: Изображение в полном разрешении: <http://dx.doi.org/10.7554/eLife.13410.004>

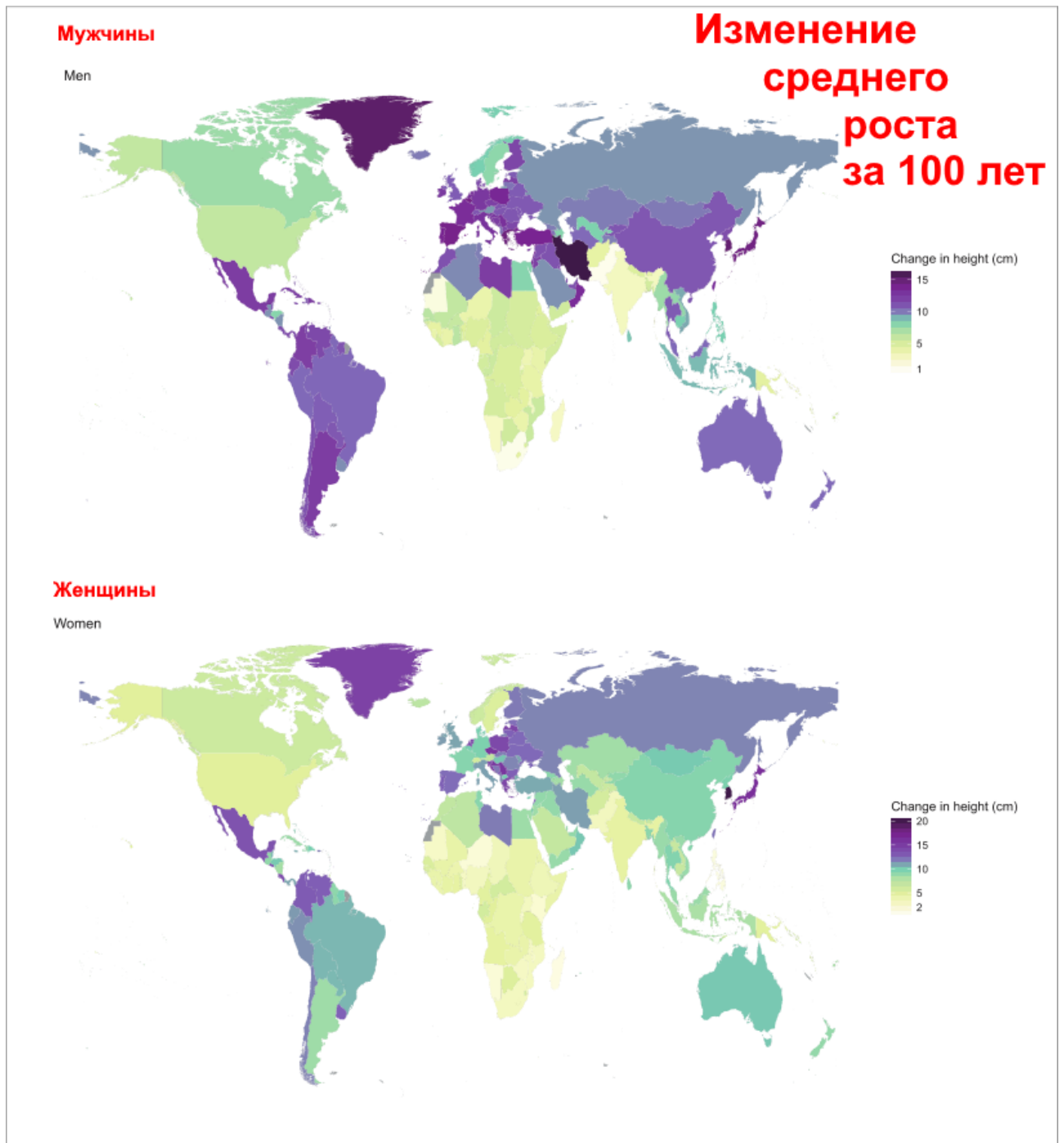

Рисунок 3. Изменение в среднем росте населения в странах мира между когортами 1896 и 1996 г. рождения

Примечание: Изображение в полном разрешении: <http://dx.doi.org/10.7554/eLife.13410.005>

Примечательно, что население мира стало не только выше, но и упитаннее (рисунок 4). Индекс массы тела (вес в килограммах, деленный на квадрат роста в метрах) изменился в среднем по странам мира на 3,3 у мужчин и на 4 у женщин (это очень много, учитывая, что разброс нормальных значений составляет примерно 6). Отчетливо видно, что наименьший прирост индекса массы тела наблюдался у женщин развитого мира, что, видимо, соответствует изменениям в представлениях о женской красоте.

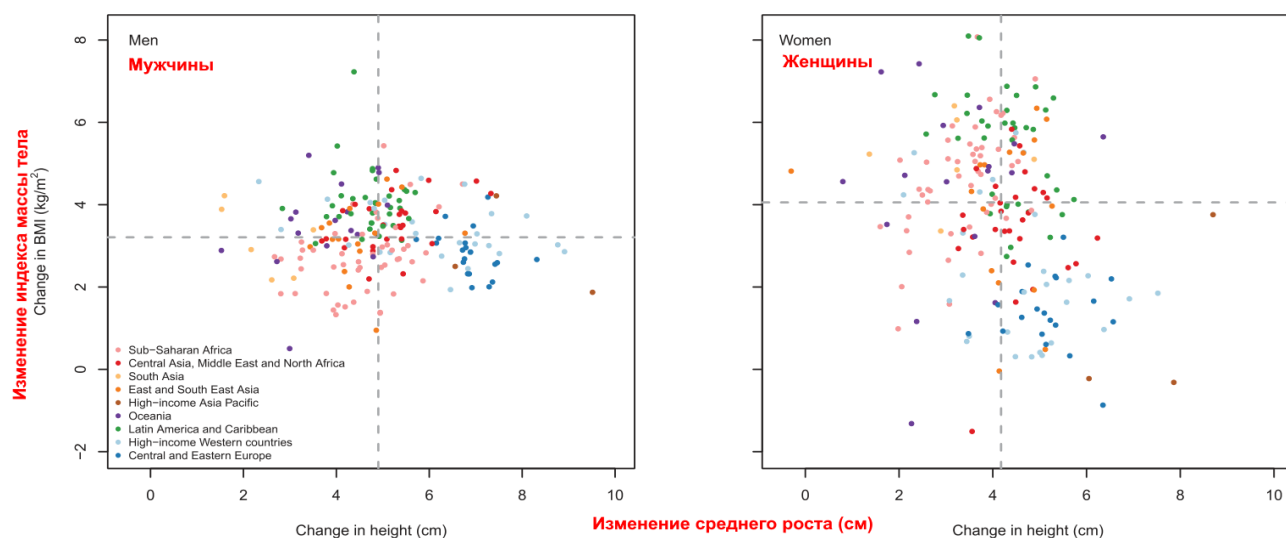

Рисунок 4. Соотношение изменений в росте и индексе массы тела

Средний рост населения в молодом возрасте – очень надежная характеристика качества жизни населения страны. Например, можно убедиться (рисунок 5) в сильной корреляции динамики среднего роста и динамики смертности в зрелых возрастах. Авторы предлагают включать данные о росте человека во все обследования населения.

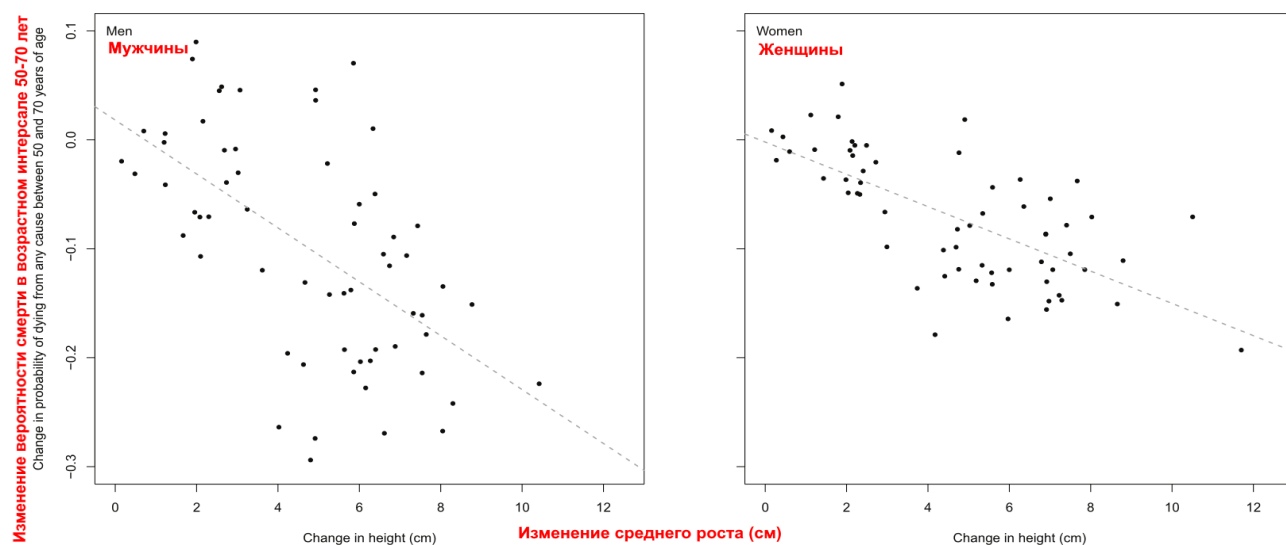

Рисунок 5. Корреляция между изменением среднего роста населения страны и изменением смертности в зрелых возрастах

THE FAMILY GAP IN PAY: NEW EVIDENCE FOR 1967 TO 2013

[Pal I., J. Waldfogel (2016). *The family gap in pay: new evidence for 1967 to 2013* // *RSF: The russell sage foundation journal of the social sciences*. 2(4): 104–127. <http://www.rsjournal.org/doi/pdf/10.7758/RSF.2016.2.4.04>]

Анализу различий в уровне оплаты труда женщин с детьми и без посвящено великое множество работ — достаточно сказать, что метаобзор статей по этому вопросу занимает 80 страниц. Кажется, что дискуссия в этой сфере с некоторых пор как будто ходит по кругу: кто-то обнаруживает не объясненную ничем, кроме наличия детей, разницу в заработной

плате, а кто-то доказывает, что после (убедительной или не очень) калибровки модели все различия все-таки можно объяснить другими характеристиками женщин и их человеческого капитала. Новые публикации по этим вопросам, как правило, фокусируются на уточнении подобранных моделей или более подробном разборе страновых кейсов. По сути и эта работа не является исключением: она посвящена США и сами авторы исследования, Ипшита Пал и Джейн Вальдфогель, среди его ключевых достоинств указывают на расширение горизонта оценки почти до пяти десятилетий — представленные в статье расчеты основываются на данных текущих обследований населения за период с 1967 по 2013 г.

Основным выводом работы стало следующее наблюдение: в середине 1960-х годов женщины с несовершеннолетними детьми при прочих равных в среднем получали за свою работу на 4-6% ниже бездетных (в зависимости от спецификации модели), а к началу 2010-х годов эта разница сократилась до 1% (рисунок 6).

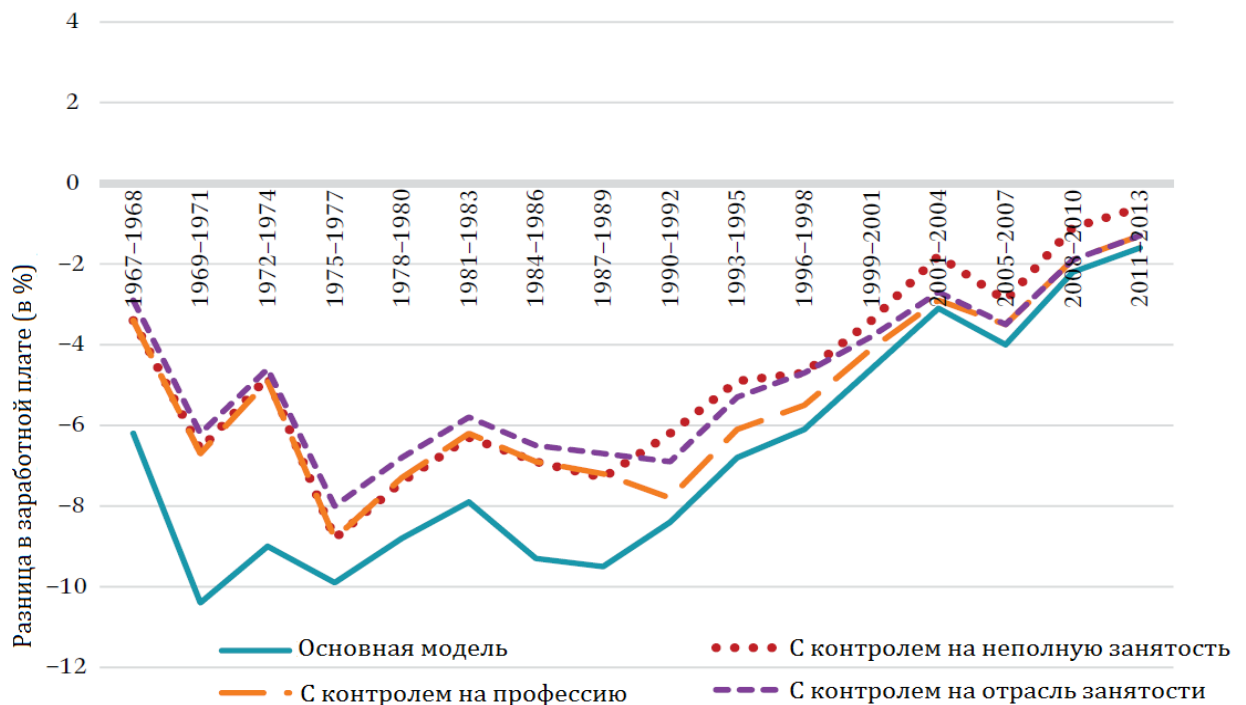

Рисунок 6. Динамика различий в оплате труда женщин с детьми и бездетных женщин, %; оценки МНК-модели на данных текущих обследований населения США

Примечание: Выборка состоит из женщин в возрасте 25-44 лет, статус матери определяется наличием детей в возрасте до 18 лет в домохозяйстве; коэффициент в модели с контролем на неполную занятость статистически не значим для интервала 2011-2013 гг.; все прочие коэффициенты на рисунке значимы.

Авторы подчеркивают, что обнаруженные различия сильно дифференцированы по уровню образования женщин (и это может быть интересно в контексте попыток проводить в России политику, направленную на повышение рождаемости во время получения высшего образования; рисунок 7), сфере занятости и брачному статусу. В отношении последнего любопытно, что в соответствии с полученными результатами для замужних американок различия в оплате труда в связи с наличием детей сокращались почти

монотонно и в последние периоды эта группа даже оказалась в выигрыше, в то время как для незамужних позитивных изменений почти не наблюдается.

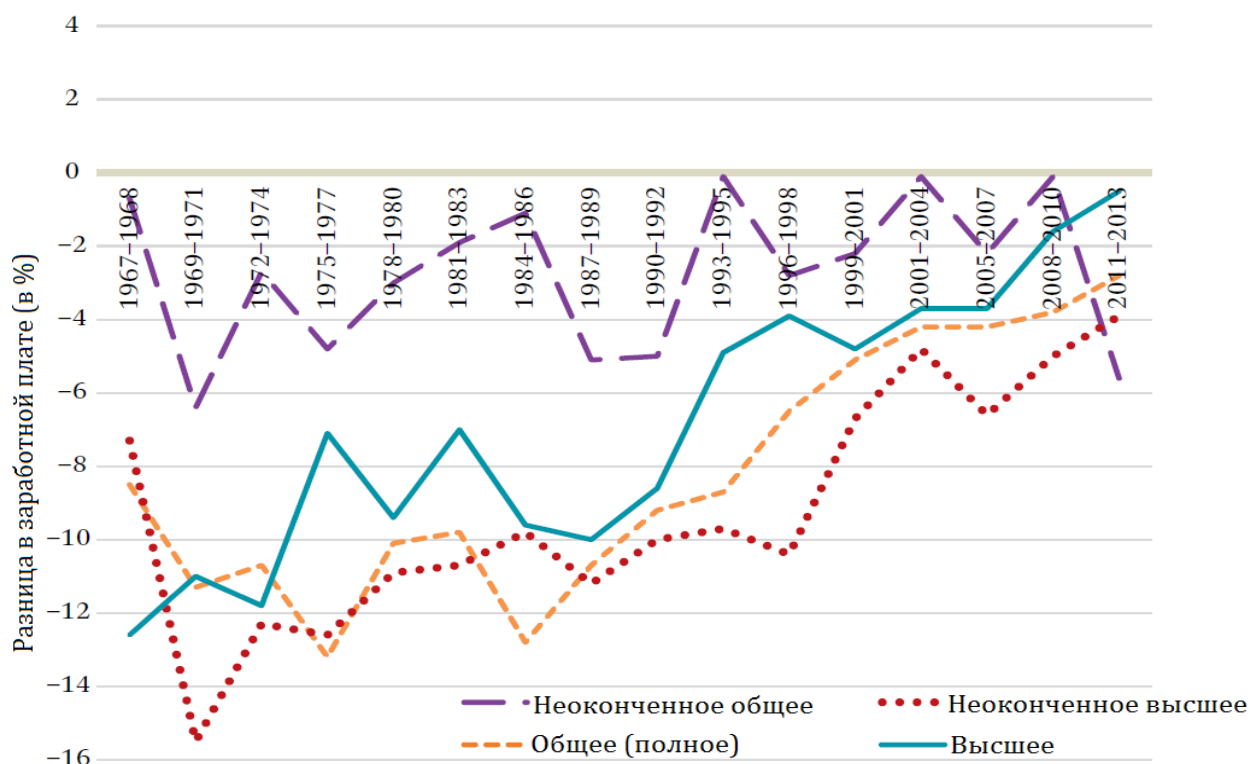

Рисунок 7. Динамика различий в оплате труда женщин с детьми и бездетных женщин в разрезе уровня образования, %; оценки МНК-модели на данных текущих обследований населения США

Примечание: Выборка состоит из женщин в возрасте 25-44 лет, статус матери определяется наличием детей в возрасте до 18 лет в домохозяйстве; коэффициенты статистически не значимы для женщин с неоконченным средним образованием ("less than high school"); все прочие коэффициенты на рисунке значимы.

В некоторой степени эти результаты перекликаются с оценками, полученными теми же авторами ранее, и поэтому для нас, может быть, даже больший интерес представляет описанный в статье выбор эконометрической модели. Ключевой проблемой таких исследований является борьба с различного рода селекцией: по материнству или занятости. Авторы этой работы предлагают использовать относительно простой с технической точки зрения метод коррекции на селекцию по материнству: включение в модель оценки заработной платы весовых коэффициентов, обратных вероятности быть матерью, рассчитанных с учетом фактического статуса материнства (метод носит название AITW — augmented inverse probability of treatment weighting). Такая система дает надежные оценки коэффициентов даже в случае ошибочной спецификации одного из двух уравнений: бинарного для оценки вероятности быть матерью или уравнения заработной платы. Хотя ранее этот метод получил распространение в медицинских и эпидемиологических исследованиях, в статье Ипшиты Пал и Джейн Вальдфогель он впервые использован для оценки различий в заработной плате, связанных с наличием детей.

DOES MARRIAGE AFFECT MEN'S LABOR MARKET OUTCOMES? A EUROPEAN PERSPECTIVE

[Jakobsson N., A. Kotsadam (2016). Does marriage affect men's labor market outcomes? A European perspective // Review of economics of the household. 14(2): 373-389. doi:10.1007/s11150-013-9224-7]

В определенном смысле близкая по теме статья вышла в этом году у Никласа Якобссона и Андрэаса Котсадама — она посвящена анализу различий в уровнях занятости и оплаты труда и женатых и холостых мужчин. Пытаясь выяснить, женитьба ли делает мужчин более производительными на работе или более производительные мужчины сильнее склонны к браку, в своей работе авторы анализируют данные двух крупных обследований: Европейского панельного обследования доходов и уровня жизни населения (European Union Statistics on Income and Living Conditions survey, EU-SILC) и Европейского обследования домохозяйств (European Community Household Panel survey, ECHP) по 12 европейским странам за 13-летний период с 1994 по 2007 г.

Оценив набор многоуровневых моделей с фиксированными и случайными эффектами, авторы приходят к выводу, что все наблюдаемые различия в количестве отработанных часов объясняются селекцией по браку. Более высокая заработная плата женатых мужчин в начале периода наблюдения, т.е. в середине 1990-х годов, возможно, была частично ассоциирована с браком как таковым (по крайней мере, не полностью объяснялась тем, что изначально в брак склонны вступать более успешные и здоровые люди), однако в более поздние периоды этот эффект исчез.

Якобссон и Котсадам обращают внимание на тот факт, что из сопоставления полученных для разных стран и периодов времени результатов видно, что в более традиционных обществах (там, где наблюдаются относительно низкие уровни разводимости и женской занятости) брак дает немного больший бонус к заработной плате мужчин. Связывая эти явления между собой, авторы предполагают, что сглаживание гендерных диспропорций на рынке труда вместе с ростом независимости женщин в целом может ослаблять терапевтическое влияние брака на доходы мужчин. Однако проверка этой гипотезы станет задачей будущих исследований.

LONG-DISTANCE MIGRATION AND MORTALITY IN SWEDEN: TESTING THE SALMON BIAS AND HEALTHY MIGRANT HYPOTHESES

[Andersson G., S. Drefahl (2016). Long-distance migration and mortality in Sweden: testing the salmon bias and healthy migrant hypotheses // Population, space and place. n/a-n/a. doi.org/10.1002/psp.2032]

Исследователи миграции постоянно сталкиваются с различными «парадоксами». Так принято называть отличия мигрантов от местного населения, которые противоречат общепринятым исходным предположениям, основанным на житейском здравом смысле. Принято считать, что мигранты, как правило, обладают более низкими показателями человеческого капитала, нежели жители принимающих территорий — обычно

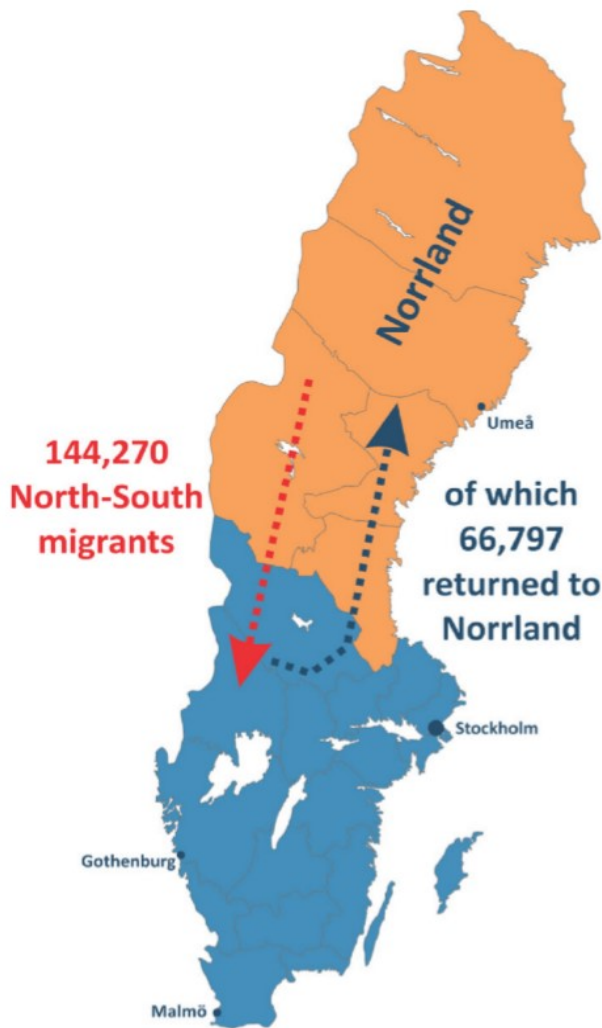
миграционные потоки направлены из менее благополучных регионов/стран/районов в более благополучные. Чаще всего подобные предположения верны и различные характеристики человеческого капитала мигрантов ниже, чем у местных. Однако это не значит, что все характеристики мигрантов будут хуже. Так, например, многочисленные исследования обнаруживали у мигрантов смертность ниже, чем у принимающего населения. Традиционно это контринтуитивное различие принято списывать на счет селективности миграции. Подразумевается, что мигрируют люди с изначально лучшим здоровьем и большей вероятностью прожить дольше. В агрегированном виде такая селективность выливается в более низкие показатели смертности среди мигрантов. Альтернативное объяснение получило название «искажение лосося» (salmon bias). Согласно этой гипотезе старые и больные мигранты склонны мигрировать перед смертью обратно на родину — подобным же образом в дикой природе поступают лососи. Гипотеза эта подтверждается данными об оттоке пожилых мигрантов во многих странах.

Оба объяснения находят подтверждение в многочисленных работах. Но какое из них важнее? Какой из эффектов — селекция по здоровью или отток пожилых — в большей степени объясняет пониженную смертность мигрантов? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо иметь детальные данные: надо проследить несколько когорт мигрантов на протяжении жизни и миграции и до самой смерти. Разумеется, подобные данные первыми оказываются в доступе исследователей в Швеции. И вот Гуннар Андерсен и Свен Дрефал, вооружившись уникальным набором данных, впервые попытались ответить на поставленный вопрос: селекция или лосось?

Исследователи сравнили смертность мигрантов из северных районов Швеции со смертностью жителей южных районов. При этом в их распоряжении имелась информация о «возвращенцах». Так, из 144 тыс. переселенцев с севера 67 тыс. впоследствии вернулись назад на север (рисунок 8). Подобный дизайн исследования хорош тем, что при значительной дистанции переселения и колоссальных различиях между северной и южной частями страны учет ведется в одной стране по единой системе и качество данных не в пример лучше того, с чем привыкли работать исследователи миграции.

Результаты исследования однозначно «в пользу» лосося. «Искажение лосося» отчетливо проявляется: назад на север мигрируют люди со значительно худшими характеристиками здоровья и смертности. Гипотеза селекции по здоровью при изначальной миграции не подтверждается: северяне в Южной Швеции обладают не лучшим здоровьем и показателями смертности, нежели жители Северной Швеции. Даже наоборот, если принять во внимание в среднем более высокий уровень образования мигрантов (а здоровье и смертность сильно и положительно связаны с уровнем образования), получается, что здоровье мигрантов незначительно, но все же хуже, чем у остающегося на севере населения.

Более глубокий анализ взаимодействия между различными изучаемыми характеристиками мигрантов показывает, что эффект лосося значительно сильнее затрагивает малообразованных, мужчин и холостых.

Note: Norrland includes the five northern counties of Sweden: Norrbotten, Västerbotten, Jämtland, Västernorrland and Gävleborg.

Рисунок 8. Отображение на карте исследованных миграционных потоков

Авторы не претендуют на всеобъятность выявленных ими закономерностей — может оказаться, что такой «расклад сил» между объясняющими гипотезами характерен лишь для изучаемой страны, миграционных потоков или даже определенных когорт. Постепенная доступность данных для аналогичных исследований в разных странах мира позволит в будущем вывести общие закономерности.

SPANKING AND CHILD OUTCOMES: OLD CONTROVERSIES AND NEW META-ANALYSES

[Gershoff E.T., A. Grogan-Kaylor (2016). *Spanking and child outcomes: old controversies and new meta-analyses* // *Journal of family psychology*. 30(4): 453–469. doi.org/10.1037/fam0000191]

Бить или не бить? К сожалению, этот вопрос применительно к воспитанию детей возникает чаще, чем можно было бы ожидать, если бы человечество умело максимально эффективно пользоваться добытыми в результате многочисленных исследований данными. На

протяжении как минимум столетия бесчисленные исследования находили негативные последствия физического наказания на развитие детей. И несмотря на это шлепки, оплеухи, порки и избиения до сих пор входят в арсенал «крайних мер» большинства родителей на Земле — по данным UNICEF, физическому наказанию в том или ином виде подвергается около 80% детей в мире.

Часто можно столкнуться с убеждением в том, что порка за дело или шлепки — не то же самое, что избиения, и не травмируют детей. Элизабет Гершоф и Эндрю Гроган-Кэйлор опубликовали результаты масштабного метаанализа 111 исследований по теме. Резюме: скорее травмируют.

Физические наказания любого вида и степени интенсивности негативно сказываются на многочисленных характеристиках развития детей. Негативность телесных наказаний не зависит от частоты, интенсивности, обоснованности, регулярности и прочих характеристик воздействия. Более того, распространение мнения об эффективности телесных наказаний в исправлении детских провинностей — не более чем миф. Физические воздействия не эффективны в качестве педагогического средства.

Подводя итог, авторы исследования говорят, что родители, применяющие телесные наказания, методисты, рекомендуемые им, и политические и законодательные деятели, допускающие внутрисемейное насилие, должны отчетливо понять, что никаких подтверждений эффективности и полезности подобных мер нет, а свидетельств негативного воздействия достаточно.

Тема довольно регулярно становится предметом общественной дискуссии в России. За телесные наказания высказываются то церковь, то депутаты.

TRENDS IN ADULT BODY-MASS INDEX IN 200 COUNTRIES FROM 1975 TO 2014: A POOLED ANALYSIS OF 1698 POPULATION-BASED MEASUREMENT STUDIES WITH 19.2 MILLION PARTICIPANTS

[(NCD-RisC), N.R.F.C. (2016). Trends in adult body-mass index in 200 countries from 1975 to 2014: a pooled analysis of 1698 population-based measurement studies with 19.2 million participants // The Lancet. 387(10026): 1377–1396. doi.org/10.1016/S0140-6736(16)30054-X]

NCD Risk Factor Collaboration опубликовали в престижном журнале Lancet обзорную статью об индексе массы тела в странах мира. Индекс массы тела – общепринятый индикатор соотношения роста и веса. Рассчитывается он делением веса в килограммах на квадрат роста в метрах.

В исследовании проанализировали данные 1698 ранее опубликованных исследований. Общая численность индивидов, включенных в анализ, составила 19,2 млн человек. Данные рассматривались отдельно для мужчин и женщин и стандартизировались на возрастную структуру.

Глобальные тенденции индекса массы тела демонстрируют два крайне важных для здоровья человечества явления: сокращение недобора массы тела в развивающемся мире и распространение ожирения в развитом мире (рисунок 9). Если первое однозначно оказывает положительное воздействие на здоровье населения, то второе – однозначная угроза дальнейшему улучшению показателей здоровья и смертности населения развитых стран.

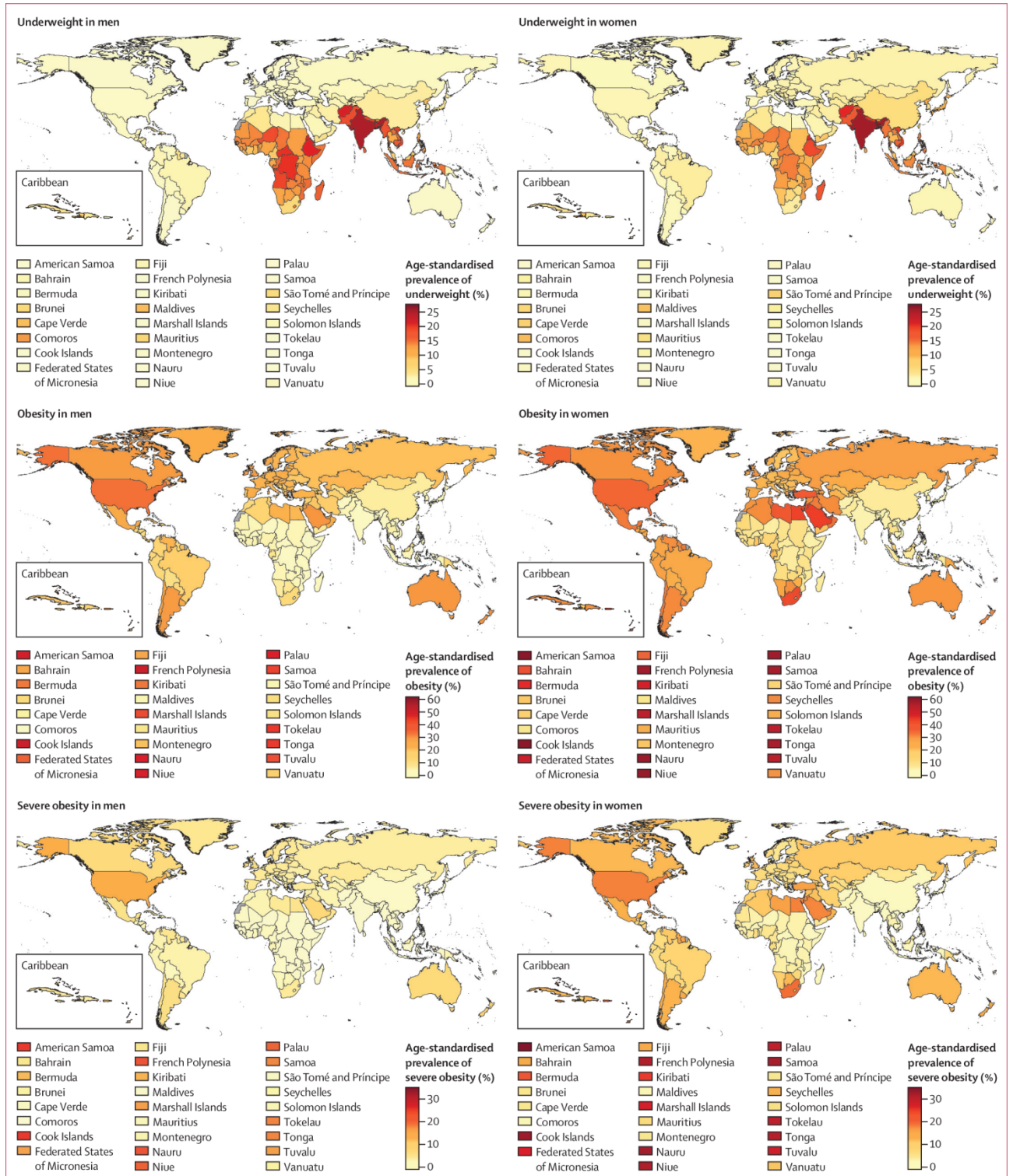

Рисунок 9. Распространенность недобора массы тела (BMI < 18), ожирения (BMI > 30) и критического ожирения (BMI > 35) среди мужчин (левые карты) и женщин (правые карты) в мире в 2014 г.

Наблюдаются любопытные гендерные различия во всемирных трендах (рисунок 10). Если у мужчин практически нет макрорегиональных различий в скорости роста индекса массы тела, то у женщин наблюдается явный разрыв между более благополучными странами, где темпы роста невелики, и менее благополучными странами, где происходит стремительный переход от проблемы недобора массы тела к проблеме ожирения.

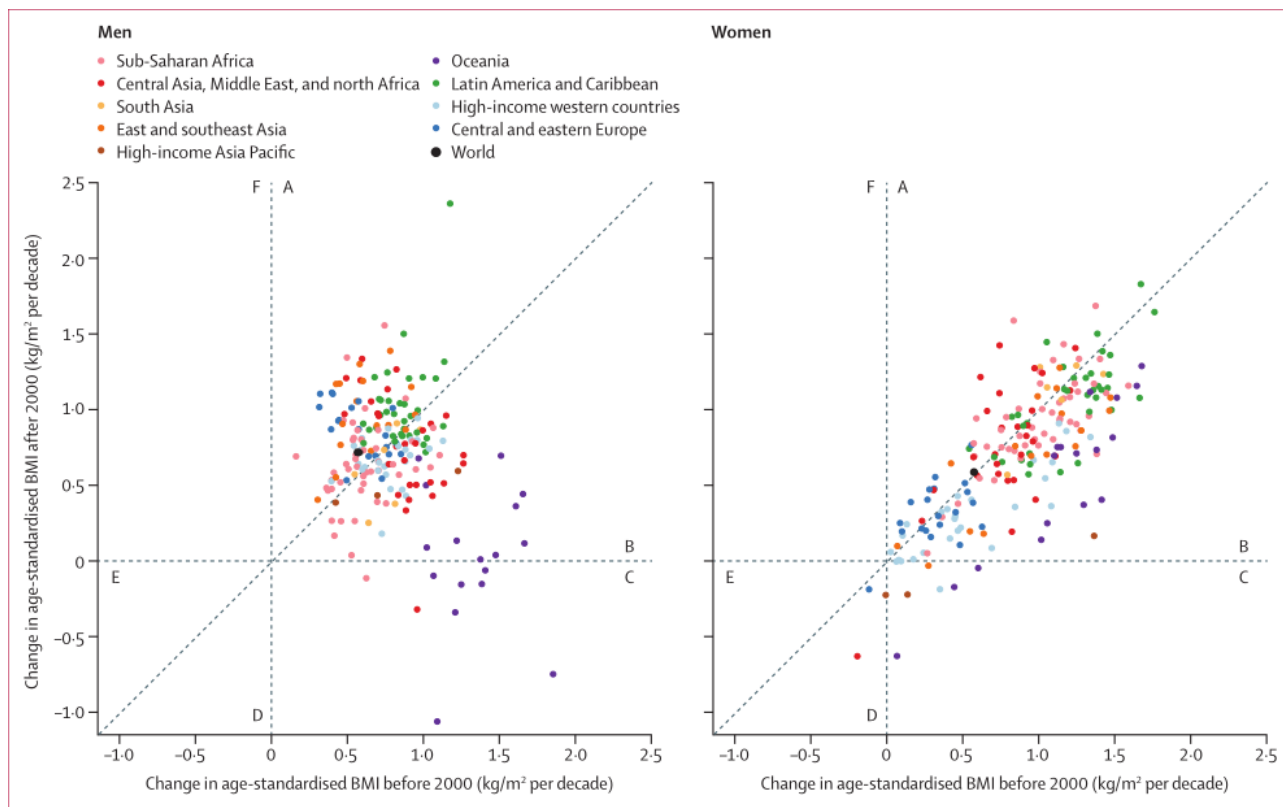

Рисунок 10. Сравнение темпов роста индекса массы тела по странам мира до и после 2000 г.

Дополнительно в статье проанализирована динамика индекса массы тела людей в контексте глобальных задач человечества до 2025 г. Если тренды первого десятилетия нашего века сохранятся до 2025 г., то шансов выполнить задачи по сокращению ожирения в мире практически нет. Кроме того, нереалистичным выглядит и полное решение проблемы недостаточной массы тела в развивающихся странах мира.

A TALE OF TWO CRISES: MIGRATION AND TERRORISM AFTER THE PARIS ATTACKS

[Nail T. (2016). A tale of two crises: migration and terrorism after the Paris attacks // Studies in ethnicity and nationalism. 16(1): 158–167. doi.org/10.1111/sena.12168]

Террористические атаки в Париже 13 ноября 2015 г. изменили восприятие миграционного кризиса в Европе. Отныне миграционный кризис невозможно воспринимать отдельно от террористического. Трагические события как бы дали выход ранее приглушаемому мнению, что в терактах виноваты мигранты – после взрывов в

столице Франции об этом заговорили открыто. В общественном сознании распространилось и утвердилось мнение, что все мигранты – потенциальные террористы, а все террористы – потенциальные мигранты, которые готовы в любой момент затесаться в толпу беженцев, чтобы совершить преступления. Если раньше подобные взгляды выражали лишь националисты, то за последний год они получили широкое распространение и даже легитимацию. И нельзя сказать, что подобные позиции стали вдруг логичнее или обоснованнее – факт остается фактом: теракты в Париже готовили граждане Евросоюза. Скорее, верно то, что эти, ранее считавшиеся радикальными, взгляды после трагедии стали общественно приемлемыми.

Казалось бы, глупо всерьез рассуждать о том, что миграция не эквивалентна терроризму. Однако нельзя игнорировать тот факт, что в публичном пространстве, особенно после 11 сентября, часто выступают люди, намеренно ставящие знак равенства между явлениями. Постепенное принятие подобного искажения проявляется в ужесточении иммиграционной политики, из-за которого страдают миллионы мирных мигрантов.

Автор считает, что отождествление двух явлений ярко отражает комплексный кризис государственности в развитых странах. Два кризиса, миграционный и террористический, действительно взаимосвязаны, но отнюдь не напрямую, а в контексте парадигмы национальных государств.

Уже сейчас можно с уверенностью говорить, что идея примата «прав человека» во всем мире не состоялась. Развитым странам не удалось создать условия, необходимые для главенства гуманистических идей, даже на внутригосударственном уровне. Если формальная реализация декларируемых прав человека завязана на институт гражданства, что делать с 15-20% населения, не имеющего этого статуса, в таких странах, как США? На деле это означает, что внутри наиболее развитых стран есть часть населения, неизменно увеличивающаяся численно, которая структурно подвержена неравенству: лишена права голоса на выборах, ущемлена в возможностях трудоустройства, подвержена риску депортации и прочим лишениям и рискам. Неуклонно растущая миграция формирует неразрешимые проблемы в парадигме национальных государств.

Террористический кризис в мире во многом стал результатом холодной войны, многолетнего противостояния на международной арене двух наиболее сильных национальных государств. Невозможность прямого противостояния вылилась в локальные военные предприятия на территориях третьих стран. Военная поддержка отдельных группировок заложила технологические основы для формирования наиболее влиятельных террористических группировок современности.

Объединяет миграционный и террористический кризисы также и то, что, став одной из ключевых политических повесток в странах западного мира, они активно эксплуатируются для выражения внутренних политических проблем и смещения фокуса общественного внимания. Примечательно при этом, что миграционный и террористический кризисы выполняют одну роль во внутривнутриполитической дискуссии, будучи, по сути, диаметрально противоположными явлениями. С одной стороны, фигура мигранта вынуждает национальные государства воплощать в жизнь декларируемые ценности прав человека, подталкивая таким образом общество и социальные институты в

сторону большей открытости и социальной инклюзии. С другой стороны, фигура террориста сеет страх и толкает западные государства в сторону большей закрытости, ограничения мобильности, социальной эксклюзии и ксенофобии.

Томас Нэйль утверждает в своем эссе, что после терактов 13 ноября 2015 г. в Париже в Европе произошла трансформация в общественном восприятии мигранта, подобная той, что случилась заметно раньше в США после терактов 11 сентября 2001 г. В общественном сознании образ мигранта стал неразрывно связан с терроризмом. Антииммигрантская риторика все активнее называет современный виток европейской истории новой варваризацией. Даже на уровне речевых оборотов в описании притока мигрантов в Европу все чаще используются термины природных явлений и стихийных бедствий: наводнение (flood), волна (wave), шторм (storm), прилив (tide). Выбор подобной эмоционально окрашенной метафоричной лексики формирует устойчивое представление о миграции как об угрозе социальному устройству стран Европы. Тут срабатывает хоть и ложная, но простая аналогия: мигранты угрожают социальным институтам точно так же, как террористы угрожают общественной безопасности.

Сравнение современной ситуации с эпохой варваризации и падения Римской империи несет в себе скрытые смыслы, не всегда сознательно закладываемые в риторические формы, в которые политики облачают свои речи относительно миграционного кризиса. С одной стороны, сравнение современной Европы с Римской империей подспудно оправдывает империализм, который в современном мире можно проследить в международной политике Запада, и рабство, некий аналог которого прослеживается в угнетенном положении иммигрантов и их неравноправии. С другой стороны, сравнение мигрантов с варварами в контексте известной нам истории падения Рима создает ощущение колоссальной угрозы, исходящей от мигрантов, и формирует ожидание неизбежного краха современного благополучия Европы. Подобная риторика способствует соединению миграционного и террористического кризисов в общественном восприятии и двигает Европу от демократических ценностей и глобализации в сторону национализма и закрытости.

PENSIONS AND FERTILITY: BACK TO THE ROOTS

[Fenge R., B. Scheubel (2017). Pensions and fertility: back to the roots // Journal of population economics. 30(1): 93–139. doi.org/10.1007/s00148-016-0608-x]

Роберт Фенге и Беатрис Шойбель на уникальных исторических данных Германской империи конца XIX — начала XX века проверили и подтвердили гипотезу о негативной взаимосвязи развития государственного пенсионного страхования и уровня рождаемости. Эти на первый взгляд мало взаимосвязанные явления в классических микроэкономических работах принято увязывать через гипотезу социальной безопасности (social security hypothesis), которая предполагает, что индивидуальное страхование от крупных рисков в течение жизни (болезни, несчастные случаи, нищета) ослабевает при развитии государственного страхования от подобных рисков. Адаптацию рождаемости можно рассматривать как частный случай проявления данной гипотезы. Модель, рассматриваемая авторами, предполагает три варианта обеспечения собственной старости: самостоятельные

накопления, трансферты от детей и взносы в системы пенсионного страхования. Развитие государственной системы страхования приводит к ослаблению необходимости в многочисленном потомстве для обеспечения собственной старости.

Взаимосвязь между развитием пенсионного страхования и снижением рождаемости подтверждается эмпирическим исследованием (рисунок 11).

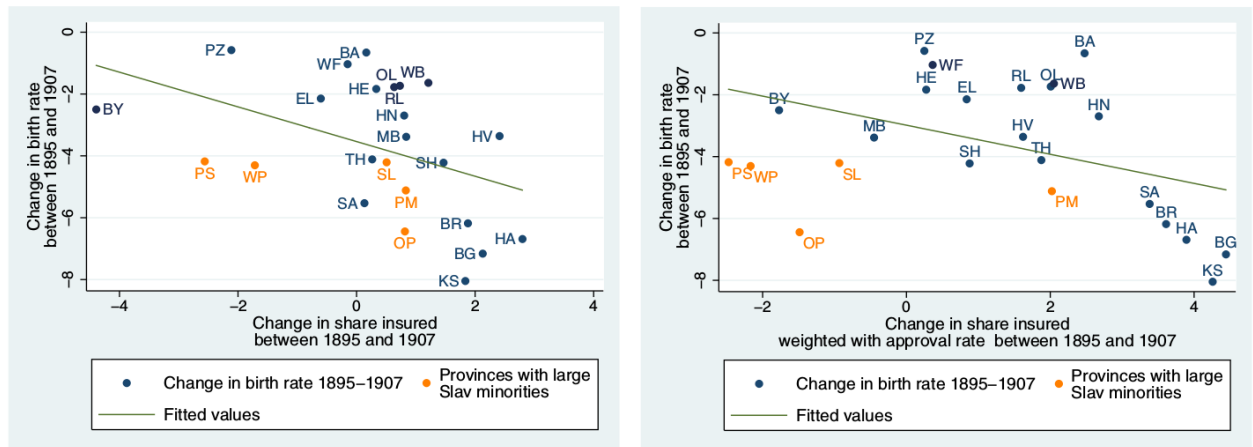

Fig. 3 Changes in marital birth rates and the share insured. Birth rates expressed in per thousand. Change in share insured expressed in percentage points. OP = Ostpreußen; WP = Westpreußen, BG = Brandenburg; PM = Pommern; PS = Posen; SL = Schlesien; SA = Sachsen-Anhalt; SH = Schleswig-Holstein; HV = Hannover; WF = Westfalen; HN = Hessen-Nassau; RL = Rheinland; BY = Bayern; PZ = Pfalz; KS = Königreich Sachsen; WB = Württemberg; BA = Baden; HE = Hessen; MB - Mecklenburg; TH = Thüringen; OL = Oldenburg; BR = Braunschweig; HA = Hansestädte; EL = Elsaß-Lothringen

Рисунок 11. Изменения в уровне рождаемости и доли участвующих в программах пенсионного страхования

Авторы исследования отдельно отмечают, что они учитывают первый демографический переход в контрольных переменных. Негативный эффект пенсионного страхования на рождаемость оказывается значительно существеннее аналогичного эффекта распространения грамотности или уровня урбанизации. В целом, по оценке авторов, эффект введения пенсионного страхования в Германской империи на рубеже XIX и XX веков объясняет до 15% снижения уровня рождаемости в 1895-1907 гг.

SUPERSTITIONS, RELIGIOSITY AND SECULARIZATION: AN ANALYSIS OF THE PERIODIC OSCILLATIONS OF WEDDINGS IN ITALY

[Breschi M., G. Ruiu (2016). Superstitions, religiosity and secularization: an analysis of the periodic oscillations of weddings in Italy // Genus. 72(1): 7. doi.org/10.1186/s41118-016-0012-0]

Насколько сильны традиции, предубеждения и религиозные взгляды при выборе даты свадьбы в современной Италии? На этот вопрос ответили Марко Бреши и Габриэле Руйу, проанализировав все браки, заключенные в Италии в 2007-2009 гг. Современную ситуацию они сравнили с результатами исследования Норы Федеричи для послевоенной Италии.

Результаты оказались удивительными.

Несмотря на то, что вторую половину XX века Италия проделала путь от аграрной сельской страны до экономически развитой, от молодой до активно стареющей, от гомогенной до мультикультурной, предрассудки и традиции до сих пор играют значительную роль при выборе даты бракосочетания, и в этом отношении мало что поменялось с послевоенных лет. По-прежнему итальянцы стараются не выбирать для свадьбы вторники и 17-е числа каждого месяца (рисунок 12), а также в значительной мере придерживаются религиозных предписаний относительно подходящих дней для заключения союза.

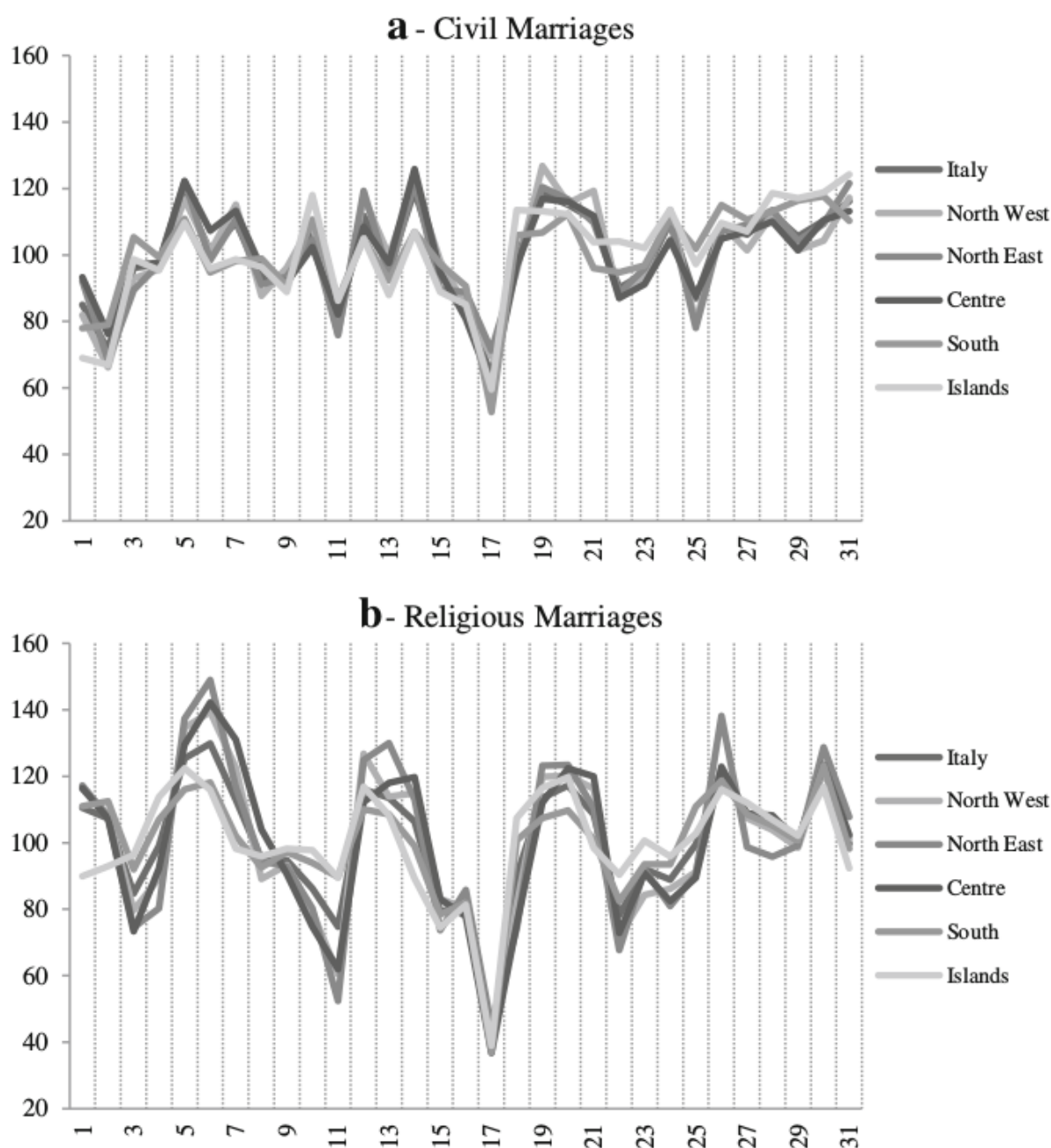

Рисунок 12. Частота бракосочетаний по дням месяца в различных макрорегионах Италии

Практически любые исследования населения Италии выявляют значительные различия между Севером и Югом. Предвззудки — не исключение, но есть любопытная деталь. Южная Италия более религиозная, здесь значительно строже придерживаются церковного календаря и чаще заключают церковные браки (рисунок 13), в то время как в Северной Италии большее внимание уделяется гороскопам (рисунок 14).

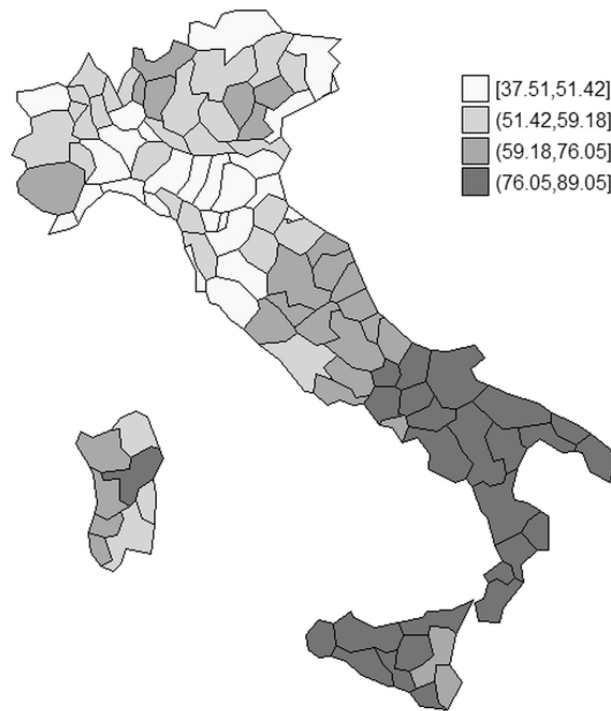

Рисунок 13. Доля церковных браков среди всех зарегистрированных

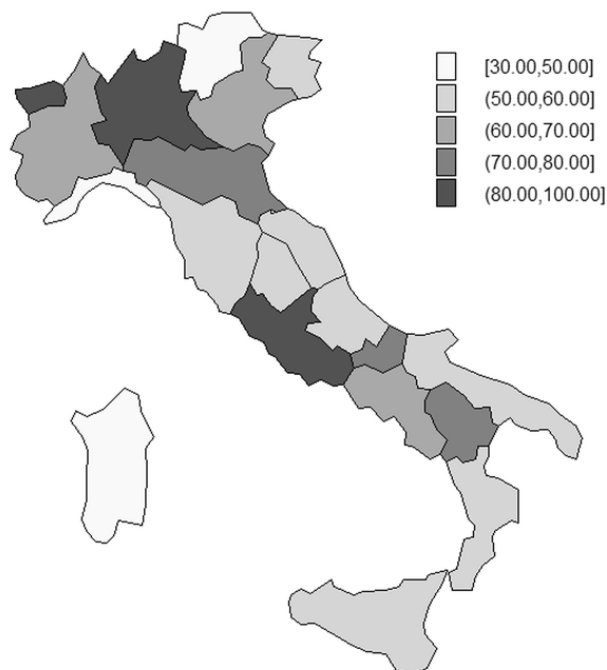

Рисунок 14. Распространённость запроса «гороскоп», по данным Google Trend

Результаты регрессионного моделирования выявляют любопытные социально-демографические закономерности в распространенности заключения браков по церковному календарю. Возраст негативно ассоциирован и с религиозностью бракосочетаний. При этом, как отмечают авторы, дело тут может быть не в религиозности как таковой, а в большей склонности молодых людей превратить свадьбу в событие, запоминающееся на всю жизнь. Антураж средневековых или барочных храмов Италии помогает подчеркнуть уникальность и грандиозность события. Данные о семейном положении жениха и невесты подтверждают это соображение: разведенные и вдовы во много раз менее склонны совершать церковный брак. Удивительно, но уровень образования не только не снижает религиозность, но напротив, положительно ассоциирован с заключением браков по церковному календарю. Это, по всей видимости, исключительно итальянский феномен.

Дополнительный анализ склонности заключать брак в наиболее не приветствуемое церковью время показывает, что к подобному поведению больше склонны люди безработные. Это может быть связано с тем, что в непопулярный сезон организовать свадьбу гораздо дешевле.

DEMOGRAPHIC DIGEST

ILYA KASHNITSKY, SVETLANA BIRYUKOVA

- *Parr N., J. Li, L. Tickle. A cost of living longer: projections of the effects of prospective mortality improvement on economic support ratios for 14 advanced economies*
- *(NCD-RisC), N. R. F. C. A century of trends in adult human height*
- *Pal I., J. Waldfogel. The family gap in pay: new evidence for 1967 to 2013*
- *Jakobsson N., A. Kotsadam. Does marriage affect men's labor market outcomes? A European perspective*
- *Gershoff E.T., A. Grogan-Kaylor. Spanking and child outcomes: old controversies and new meta-analyses*
- *(NCD-RisC), N.R.F.C. Trends in adult body-mass index in 200 countries from 1975 to 2014: a pooled analysis of 1698 population-based measurement studies with 19.2 million participants*
- *Fenge R., B. Scheubel. Pensions and fertility: back to the roots*
- *Breschi M., G. Ruiu. Superstitions, religiosity and secularization: an analysis of the periodic oscillations of weddings in Italy*

ILYA S. KASHNITSKY (ikashnitsky@hse.ru), NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS, RUSSIA; UNIVERSITY OF GRONINGEN (RUG) AND NETHERLANDS INTERDISCIPLINARY DEMOGRAPHIC INSTITUTE (NIDI, NETHERLANDS).

SVETLANA BIRYUKOVA, NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS, RUSSIA

DATE RECEIVED: NOVEMBER 2016.